

Бентли Литтл

Откровение

Пролог

Шаман глядел на пришельца с плохо скрываемым презрением. Облаченный в ритуальные кожи – слегка видоизмененную версию одеяния самого шамана, пришелец громко вещал, обращаясь к жителям деревни, столпившимся на другом берегу ручья. Легкий северный ветер отчетливо доносил его голос. Он воздел руки к небу и запрокинул лицо навстречу палящему летнему солнцу. Красный и синий огонь падет с небес, предсказывал он, а затем земля содрогнется под поступью темных богов. Толпа охала и невнятно гудела.

Шаман с отвращением покачал головой и бросил взгляд на хоган¹, где его ученик, как предполагалось, должен был заниматься изучением оттенков цвета двух ястребиных перьев. Мальчишка стоял у входа и во все глаза пялился на пришельца. Увидев, что мастер заметил его, он быстро склонился, делая вид, что целиком поглощен изучением лежащих на земле перьев.

– Уходи, – не скрывая гнева, произнес шаман. – Придешь, когда будешь готов учиться.

– Я готов... – хотел было возразить мальчишка.

– Уходи, – повторил шаман.

Не двигаясь, он следил, как ученик торопливо собирает пожитки. Мальчишка пошел прочь, совсем в другую сторону. Но шаман не сомневался – стоит ему скрыться в хижине, мальчишка обязательно проберется поближе, чтобы послушать, о чем говорит пришелец.

Шаман наклонился, поднял ястребиные перья и занес их в хоган. Когда он снова выбрался на белый свет, то увидел, что вождь деревни Нан-Тимока стоит неподалеку и задумчиво смотрит на пришельца. Он медленно подошел к вождю.

Вождь повернул голову и кивнул. Некоторое время они молчали.

– Что скажешь об этом новом шамане? – наконец произнес вождь.

– Он не шаман.

Вождь молча кивнул, словно ждал такого ответа.

– Почему ты позволяешь ему оставаться в нашей деревне? – спросил шаман. – Он пугает людей. Они начинают верить в его дикие рассказы.

– Ты видел его глаза? – продолжил вождь, глядя через ручей. Голос его звучал глухо,

¹ Хоган – обмазанная глиной хижина (у индейцев навахо).

тревожно. – Чёрные. Никогда не видел такой черноты.

– Ты говорил с ним?

– Он приходил ко мне дважды, – кивнул вождь. – Он говорил... У меня в голове не укладывается.

– Ты собираешься заставить его уйти? – спросил шаман. Нан-Тимока обернулся к шаману. Глаза его были странными, блуждающими, и выражение лица – странное, какое-то незнакомое.

– Не могу, – ответил вождь. – Я боюсь его.

* * *

На следующую ночь небеса пролились огнем – красным и синим, как и предсказывал пришелец. Шаман остался один в ритуальном кругу, громкими песнопениями стараясь испросить милости у богов, исполняя священные охранительные ритуалы. Поначалу ему помогали трое, включая ученика, но все трое в страхе бежали, когда огонь приблизился и стало понятно, что песнопения не помогают.

Весь следующий день шаман постился, он был один в своем хогане и совершал должные жертвоприношения. И вечер прошел как обычно. Но на следующую ночь земля содрогнулась; горшки и кувшины дождем посыпались с полок на трясущегося шамана, от страха перед яростными шагами темных богов шаман вжался в пол хижины.

* * *

Тихий и подавленный, шаман шел в хвосте небольшой процессии, которая двигалась по узкой тропе к подножию Моголлона. С севера неслись черные, клубящиеся грозовые тучи, накрывая мраком сосновый лес. Справа, из-за кустарника, взмыли в небо ласточки – их вспугнули идущие мимо люди. По дороге шаман читал знаки. Рядом с тропой стояло три сухих дерева без листьев, чуть дальше – мертвая белка, лапы которой указывали в сторону Моголлона. Дурные предзнаменования.

Но шаман ничего не сказал. Услышав то, что говорил пришелец, увидев точность его предсказаний, он уже начал сомневаться в своем мастерстве и своих способностях. Он шел молча, запуганный присутствием человека, чья власть многократно превосходила его собственную.

Через несколько часов тропа вывела на поляну. Небо над головой потемнело, резкий порывистый ветер бросал в лицо клочья сырого тумана. Пришелец велел им оставаться на месте, а сам достал из небольшого мешка пригоршню костей и зубов и бросил перед собой. Потом нагнулся, изучая их положение, и удовлетворенно кивнул.

Нан-Тимока шагнул вперед, держа в руках церемониальный головной убор, который всю дорогу нес с собой. Пришелец принял убор и водрузил себе на голову. Он вышел в центр поляны. Длинные черные пряди волос, подхваченные порывом ветра, сплелись с птичьими перьями. Пришелец завел речитативом песнь власти, выпрашивая у богов силы и мужества. Внезапно голос его изменился. Ритм сбился, стал более резким. Послышались гортанные слова на непонятном чужом языке.

– Что он говорит? – обернулся Нан-Тимока к шаману.

– Я не знаю этого языка, – покачал головой шаман. – Никогда такого не слышал.

Из-за кустов слышались журчащие звуки и странный сухой шорох. Вождь и два воина, прикрывающие его, Лан-Нотлим и Ал-Анкура, крепко сжали свое оружие, готовясь к бою. Шаман отступил назад, сжимая рукой висящее на шее священное ожерелье.

В это время в центре поляны пришелец прекратил пение и теперь тоже крепко сжимал в руке оружие.

Хотя пришелец и объяснил им, чего следует ожидать, шаман в глубине души ему не поверил. Теперь сомнения отпали. Он оглянулся на заросли манзаниты, где звуки слышались наиболее громко. Кусты тряслись, словно живые. Он чувствовал, как от страха тело покрылось холодным потом. Сердце колотилось как бешеное.

Кусты расступились.

Хлынул дождь, и шаман зашелся в безумном вопле.

Часть первая

1

Лесопилка Коконито, единственный промышленный объект Рэндолла, возвышалась над остальными зданиями города как сердитая мамаша. Ленты наклонного конвейера и одинокая труба котельной маячили черными силуэтами на фоне восходящего солнца. Лесопилка была первым сооружением, построенным в этом регионе, первым вторжением цивилизации в эту часть девственной природы. Город потом начал разрастаться вокруг нее во все стороны. Впереди, перед небольшим административным зданием лесопилки, рядом с Главной улицей, громоздились штабеля готовых к отправке пиломатериалов. За зданием, по другую сторону котельной, ближе к реке, лежала примерно такая же пирамида бревен, ожидающих превращения в доски.

Гордон, проезжая мимо лесопилки на работу, глубоко вздохнул. Он любил запах пиленого дерева и был готов дышать им всегда. Хотя летом лесопилка работала на половину мощности, этот запах, этот восхитительный густой аромат сосновой хвои и смолы витал в воздухе по всей Главной улице – от перекрестка со Старой горной дорогой до здания почты, непонятным образом ассоциируясь с зимой – несмотря на невыносимую августовскую жару. Осенью и зимой, естественно, лесопилка обогревала весь город. Ее котельная работала как гигантская центральная отопительная система, а запах свежих опилок и ароматный дымок горящих стружек чувствовался на обширном пространстве от Зубцов на севере до Индейского ручья на юге.

Сегодня котельная вообще не работала. Ни единого дымка или языка пламени не вырывалось из-под черного экрана, прикрывающего широкое жерло трубы. Однако из глубины здания слышалось завывание пилорамы, а на стоянке, огороженной столбиками с цепочками, Гордон увидел голубой пикап Тима Макдауэлла и еще девять-десять легковушек и грузовиков.

Проезжая мимо, Гордон помахал рукой, не зная, видит его Тим или нет, и свернул с Главной на Кедровую, срезав угол по небольшой грунтовой стоянке, которую доктор Уотерстон делил с хозяином магазина "Сирс-каталог". Джип покачался на глубоких рытвинах и промоинах площадки и снова выкатил на асфальт. Гордон посмотрел на часы. Восемь пятнадцать. Неплохо. Опаздывает всего на пятнадцать минут. Он повернул голову направо. Мальчишка в коротких штанишках, сын Брэда Николсона, пытался выехать с гравийной дорожки перед домом на улицу на своем трехколесном велосипеде. Гордон надавил на клаксон и помахал рукой. Мальчишка с удивлением поднял голову, потом узнал джип, улыбнулся и помахал в ответ. Здание склада "Пепси" располагалось по соседству. Гордон зарулил на стоянку. Выпрыгнув из кабины, он напрямик, через заросли бурьяна, направился к мальчугану.

– Привет, Бозо! – воскликнул Гордон. – Отец здесь?

– Я не Бозо, – хихикнул парнишка. – Я Бобби.

– Верно, Бобби! – словно устыдившись, покачал головой Гордон и усмехнулся. – Все время забываю. Отец твой уже пришел?

– Он там, – показал мальчик на синие металлические ворота склада. – Думаю, ждет вас, чтобы начать погрузку.

– Спасибо, друг. – Гордон помахал рукой быстрым шагом направился к складу.

– Брэд! – крикнул он, входя внутрь. – Ты где?

– Здесь, – послышался голос из глубины. – Проходи! Гордон обогнул кушетку, кресло и старинный дубовый стол, – импровизированный офис Брэда, – направился в глубину склада, пробираясь между штабелями ящиков с пепси. Потом нога попала в липкую лужу. Под ботинком хрустнуло стекло.

– Почему света нет? – поинтересовался он.

– Слишком жарко. Эти чертовы металлические стены скоро расплавятся от жары. Подумал, если не открывать ворота и свет не зажигать, может, хоть до обеда будет прохладно.

Ряды ящиков закончились. Гордон вышел на погрузочную площадку. Брэд уже подогнал свой грузовик задом и начал заносить ящики. Гордон насчитал штук десять в глубине фургона. Отметив рабочий листок на маленьком столике у двери, Гордон снял с гвоздя свою шляпу и нахлобучил на голову.

– Куда сегодня? – поинтересовался он, подхватывая ящик. – Опять в какую-нибудь дыру?

Брэд кивнул. Худощавое бородатое лицо оставалось почти неподвижным.

– Ивовый Ручей, Медвежье Болото, далее везде. Гордон занес ящик в фургон.

– Дэн будет помогать сегодня?

– Нет.

Гордон решил не углубляться. Хотя помощь бы не помешала. Мелкие отдаленные точки запрашивали небольшое количество ящиков, но точек было много, и расстояния приличны, и если они хотят закончить до темноты, без второго грузовика обойтись трудно. Но он работал у Брэда Николсона уже четыре года и знал, что если Брэд сказал "нет", значит "нет". Что ж, так тому и быть. Брэд неплохой парень, просто к нему надо привыкнуть. Есть в нем одна такая черта, как бы сказать... Несговорчивость. Упертость. Дэн сейчас работал почасовиком, меньше чем на полставки, и Гордон никак не мог понять – то ли он решил бросить, то ли нашел другую работу, то ли Брэд уволил его, то ли просто заболел и взял отгулы. Обычно он помогал в таких поездках. Но спрашивать об этом у Брэда бесполезно. Гордон подхватил очередной ящик пепси.

– Жуткий сон нынче приснился, – сменил тему Брэд и приостановился, почесывая бороду.

– Правда?

– Ну! – Брэд взял ящик и усмехнулся. – Ты вот грамотный парень, колледж закончил, может, растолкуешь, что бы это значило?

– Давай попробую, – на ходу кивнул Гордон.

– Так вот. Еду я с братом вдоль каких-то полей...

– Не знал, что у тебя брат есть.

– И нету. Это же сон, понял? Так вот, едем, и дорога заканчивается. Упирается в какой-то жилой дом, его явно побелили и переделали в ресторан. Мы вылезаем из машины, стоим, из ресторана выходит группа мужчин. Впереди всех ты идешь. Ты приглашаешь нас войти в ресторан, позавтракать, мы заходим. Внутри нечто вроде кафе. Потом появляется парень, которого я никогда не видел, и что-то тебе говорит. Ты подходишь к нам и говоришь, что мы должны помочь найти пропавших детей. Мы выходим, все делятся по двое, мы с братом идем по траве куда-то в холмы и приходим к каньону. Потом идем по каньону, и становится жутко страшно. В скалах слышится какой-то шепот. Мы бежим и натыкаемся на деревья. На деревьях раскачиваются дети, совсем малыши, они сидят на высоких белых качелях и смеются между собой. Только они не развлекаются, они все уродцы, безумные. Мы бросаемся бежать и снова оказываемся перед рестораном. Я говорю – "давай отсюда уматывать", и мы с братом садимся в машину. Но мотор не заводится. Аккумулятор сел. Тут из ресторана выходит тот странный парень и несет в руках крышку распределителя. За ним идет толпа фермеров. У всех в руках вилы. И тут я проснулся. – Брэд замолчал и посмотрел на приятеля.

– Понятно, – проговорил Гордон. – Сейчас разберемся. На самом деле у тебя нет брата, хотя во сне был, так?

– Так.

– И ты ехал вдоль поля?

– Да.

– А ресторан раньше был жилым домом.

– Да.

– А детские качели были белыми?

– Ну.

– Понятно. А фермеры шли с вилами в руках, и ты понял, что они тебе как-то угрожают.

– Совершенно верно.

– Твой сон имеет глубокую психологическую подоплеку, – проговорил Гордон, пытаясь сохранить серьезное выражение лица, но это ему не удалось. Он весело осклабился. – Это значит, что ты педик.

В темном треугольнике густой бороды Брэда внезапно сверкнул белозубый полумесяц, и он громко расхохотался. Подобрал с пола грузовика крышку от пепси, он метнул ее в Гордона. Тот увернулся. Крышка звучно укатилась в глубину склада.

– Знал же, что тебе нельзя ничего рассказывать, скотина!

– Я дам им знать, как только увижу.

Они направились на склад за очередными ящиками.

– Должен тебе сказать, я жутко перепугался, – покачивая головой, серьезным тоном произнес Брэд. – Такое ощущение, что наяву было.

* * *

Во второй половине дня полил дождь, и поэтому поездка на грузовике Брэда наверх, к Зубцам, оказалась практически невозможной. Вдобавок к трем совершенно лысым покрышкам у грузовика еще и сцепление барахлило. Брэд давно собирался привести его в порядок, но все как-то руки не доходили. Они завезли половину контейнера пепси в магазин на Ивовом Ручье и решили возвращаться в город.

По дороге к Рэндоллу Гордон сидел молча, слушал по радио пробивающуюся сквозь атмосферные помехи гитару Вилли Нельсона и смотрел на пробегающий мимо пейзаж. Дождь был очень сильным, почти как зимой. Ближайшие к дороге деревья еще можно было различить, но за ними уже висело серое импрессионистское марево. Глядя в окно, он попробовал представить себе, как сейчас смотрится со стороны. Вполне можно предположить, что человек очень сосредоточенно обдумывает какую-то глубокую мысль или серьезную идею. На самом деле – ничего подобного. Он думал о себе думающем. Не более того.

Было время, лет пять, даже еще три года назад, когда он действительно думал – обдумывал идеи рассказов, прикидывал развитие сюжетов, подыскивал оригинальные образы и сравнения... Тогда он только что кончил колледж, недавно женился и мечтал, как миллионы таких же наивных стать писателем. Сейчас он привык – нет, скорее смирился со своей жизнью. Работа свелась к примитивному физическому труду, что освобождало сознание для сложных размышлений, и это его вполне устраивало. Он был вполне счастлив своим образом жизни. А почему бы и нет? У него умная, симпатичная жена, хорошие друзья, живет в прекрасном месте. Что еще надо? Ну не внесет он свой вклад в гуманитарное наследие человечества, ну нет у него либо таланта, либо склонности к созданию великого американского романа. И что с того?

Он вздохнул. Может, стоит еще раз начать писать. По крайней мере попробовать. Дома, в правом нижнем ящике письменного стола, лежит несколько незаконченных рассказов и первые сорок страниц романа.

– Эй! – хлопнул его по плечу Брэд. – Что с тобой?

– Дождь, зараза, – покачал головой Гордон. Брэд усмехнулся, взял с ледника, расположенного между сиденьями, банку пепси и смачно ее откупорил.

– А я всегда любил дождь. Жара чертова – вот что я терпеть не могу. Потеешь, яйца чешутся, кожа лезет... Просто с ума сойти.

Гордон оторвался от окна и тоже взял банку пепси.

– Поэтому ты и приехал в Аризону...

– В Северную Аризону, – поправил Брэд.

– А что бы тебе не поехать в Орегон или Вашингтон, если ты так любишь дождь? Там всю дорогу дожди.

Брэд вытер тыльной стороной ладони капли жидкости, стекающей по бороде.

– Мне нравится здешний климат. И местность нравится. И папаша Конни захотел меня именно здесь пристроить к бизнесу, – добавил он со смехом.

Гордон тоже рассмеялся. Он знал, что Брэд с Конни живут как кошка с собакой. Как нередко упоминал Брэд, это был брак по расчету, на который он согласился чуть ли не под дулом пистолета. Отцу Конни удалось отвоевать право на поставки пепси на весь регион Зубцов, а это ни много ни мало треть Северной Аризоны. Он уже разбогател, сорвав приличный куш на продуктовом и зерновом рынке где-то в Айдахо, и предложил Брэду как право на торговлю, так и ссуду для начала своего дела, если только тот согласится взять в жены его дочь.

Теперь Брэд был почти так же богат, как и тесть, и мог себе позволить относиться к Конни по собственному усмотрению.

– Эта шлюха наверняка уже перетрахалась со всем городом, – любил повторять он. Гордон знал Конни, знал, как она выглядит, и сильно сомневался в правоте слов Брэда, но вслух ничего не говорил.

На вершине последнего холма перед городом, грузовик пересек двойную желтую линию, и выскочивший навстречу "фольксваген" возмущенно бибикнул.

– Да пошел ты! – воскликнул Брэд, вскинув руку с выставленным средним пальцем.

– Боюсь, он тебя не услышал, – заметил Гордон. – Окно закрыто.

– Плевать.

– Ты действительно залез на его полосу, – усмехнулся Гордон.

– Плевать, – фыркнул Брэд. – Обычное дело.

Они миновали едва видимый за кустами знак ограничения скорости в тридцать пять миль, и Брэд придавил педаль тормоза. Скорее чаще, чем реже в этих грязных кустах любит устраивать засаду Джим Велдон или кто-нибудь из его шестерок, подлавливая любителей быстрой езды. Это была скоростная ловушка, резкий переход с пятидесяти пяти до тридцати пяти, но местным она была прекрасно известна. В нее могли попасться только чужака – либо с равнины, либо из других штатов. Проезжая мимо, Брэд бросил взгляд в сторону.

– Что ты думаешь, – заметил он, прибавляя газу. – Ни одного копа сегодня. Слушай, а тебе надо срочно домой, или есть время заехать заправиться? Бак пустой, я бы хотел сегодня с этим разобраться.

– Нет проблем, – откликнулся Гордон. – Мое время оплачено.

– Я быстро.

Они миновали Луг Грэя и подъехали к бензоколонке Чара Клифтона на окраине города. Как только колеса машины придавили обтянутый резиной трос, конец которого тянулся к колокольчику внутри здания, на пороге появился сам Клифтон. Старик медленно, шаркающей походкой подошел к ним. Оба вышли из машины.

– Как дела? – поинтересовался Клифтон, вытирая замасленные руки такой же замасленной тряпкой.

– Нормально, – ответил Гордон.

Хозяин бензоколонки выплюнул жвачку, которая приземлилась аккурат на правое переднее колесо. Прищурившись, он посмотрел на Гордона, якобы размышляя. Сплюнул еще раз.

– Слышали новости?

Гордон посмотрел на Брэда, который пристраивал шланг в горловину бака, и покачал головой.

– Какие новости?

Клифтон усмехнулся, обнажив желтые от табака зубы.

– Знаете отца Селвэя? – спросил он. – Из епископальной церкви?

– Да.

Гордон не посещал церковь, но отца Селвэя, конечно же, знал. Как и все остальные.

– Сбежал из города, – брякнул Клифтон. – Вместе со всем семейством. Оставил долгов на пять тысяч долларов.

– Чушь собачья, – воскликнул Брэд.

– Что-то мне не верится, – отреагировал Гордон.

– Это факт!

– Как это они сделали? Просто упаковали вещи и уехали?

Глаза Клифтона засияли. Гордон мог поклясться, старик получает наслаждение.

– Тут-то и самое странное. Ничего не взяли. Мебель оставили, одежду, все совершенно. Даже входная дверь осталась открытой. Единственное, что исчезло, – их машина.

– А почему не предположить, что они просто куда-нибудь поехали на время? – недоверчиво покачал головой Гордон. – Может, какие-то семейные обстоятельства заставили их срочно уехать?

– Ничего подобного.

- А может, с ними что-то случилось?
- Поезжайте к церкви, – сказал Клифтон.
- Что?
- Говорю, к церкви езжайте.

Брэд вытащил шланг, повесил его на колонку и закрутил горловину бака. Потом подошел к Гордону и хозяину заправки.

– Зачем?

– Увидите, – хмыкнул Клифтон. Брэд расплатился со стариком, они сели в машину и выехали на шоссе.

– Ну что, торопишься? Или подъедем к этой церкви, посмотрим? – спросил Брэд.

– Давай посмотрим, – кивнул Гордон.

Они поехали в центральную часть города, мимо кольца "К", мимо здания Национального банка, и за городским рынком свернули направо. Кое-как заасфальтированная, разбитая дорога огибала небольшую рощицу и снова выпрямлялась у больницы. Проехав еще примерно милю, они наконец оказались перед епископальной церковью.

Брэд остановил машину.

БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ

Надпись бросалась в глаза – угловатые, изломанные красные буквы на фоне гладкой рыжевато-коричневой кирпичной стены. Надпись высотой не менее трех футов покрывала всю северную стену церкви, краска расплзалась подтеками, как в фильме ужасов. Два высоких витражных окна были разбиты, земля под стеной вся усыпана разноцветными осколками.

БУДЬ ПРОКЛЯТЫ ВАШИ ДУШИ

КАТИТЕСЬ ВЫ К ЧЕРТУ

Глядя из окна кабины на это святотатство. Гордон почувствовал, как учащенно забилось сердце, по спине пробежали мурашки. Взгляд никак не мог оторваться от сверкающих на солнце осколков стекла. Он никогда не был усердным прихожанином, но такое...

БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ

Он еще раз взглянул на надпись. Густые потеки краски с верхнего ряда наползали на буквы внизу, делая их неразборчивыми.

Внезапно он понял, что это не краска.

2

– Козья кровь, – подтвердил Карл Чмура, просунув голову в кабинет шерифа. – Позвонили из лаборатории.

Джим Велдон перестал массировать виски и поднял голову.

– Хорошо, Карл. Спасибо. – Он медленно встал, снял с вешалки у стола шляпу и нахлобучил на голову. – Погоди! Карл! Обзвони местные фермы и ранчо. До Лощины Тернера, если понадобится. Узнай, не пропадали ли у кого козы.

– Будет сделано, – кивнул Карл.

– Да, и набери еще раз номер Селвэя. Дай ему шанс. Я хочу еще раз подъехать к церкви, проверить, не упустили ли мы чего. На обратном пути заеду в больницу – может, кто из пациентов что-нибудь видел. – Он взял с настенной вешалки кобуру и нацепил на себя. – Позвони, если что разумеешь.

– Обязательно.

Джим огляделся в своем кабинете так, словно что-то забыл. Потом с отсутствующим видом похлопал по карманам. Он чувствовал – что-то ускользает от его сознания, но в данный момент ни за что в жизни не смог бы сообразить, что именно. Он покачал головой. Дело действительно сбилось с толку. Ничего подобного никогда не происходило в этом городе, ничего подобного, насколько он мог судить, не происходило ни в одном городе, и не очень понимал, что делать. Приходилось действовать наобум. Он уже связался с Тимом Ларсоном, и Тим пообещал смыть кровь и убрать весь этот беспорядок. Он позвонил стекольщикам во Флагстафф, и они пообещали приехать на следующей неделе с подходящими стеклами. Но что-то еще он явно забыл.

Тяжело вздохнув, он вышел в холл следом за своим помощником. Он открыл небольшую дверь с охранной сигнализацией и оказался в приемной, он миновал столик дежурной и уже приближался к двойным автоматическим стеклянным дверям, ведущим к стоянке машин, и тут его окликнула дежурная Рита.

– Шериф! Минутку! У меня епархия на линии. Не хотите поговорить? Вот оно.

– Да, спасибо, – кивнул Велдон. – Переключи на мой кабинет. Я поговорю там. – Через несколько секунд он снял трубку своего телефона, нажав мигающую квадратную лампочку на третьей линии. – Алло! Шериф Велдон у телефона.

– Мистер Велдон? – послышался голос епископа Синклера. – Вы мне звонили?

– Здравствуйте, епископ. – Джим быстро перебрал в уме варианты. Можно сначала поболтать с епископом, чтобы смягчить неприятные новости. Можно сразу перейти к делу, так сказать, взять быка за рога. Можно сыграть в Джека Уэбба, взяв суровый официальный тон. Но решил пойти напрямик. – Отец Селвэй с вами сегодня никак не общался?

– Нет.

– Значит, вы не в курсе того, что у нас произошло?

– Нет, – сухо откликнулся епископ. – В чем дело?

– Осквернена епископальная церковь. Незвестный или неизвестные разбили все окна, перерыли землю...

– Епископальную церковь?

– Это еще не все. – Джим помолчал секунду, не зная, как сказать дальше. – Видите ли, епископ, кто-то написал... исписал проклятиями всю лицевую стену здания.

– Проклятиями?

– Козьей кровью.

В трубке повисло молчание.

– Сегодня утром мне позвонил Тим Ларсон, – продолжал Велдон. – Это сторож при церкви. Короче, он сообщил, что на здание церкви совершено нападение, и попросил приехать как можно быстрее. Я...

– Что за проклятия? – перебил епископ.

– Уверены, что хотите это услышать?

– Я уверен, что мне уже приходилось слышать подобные слова, мистер Велдон. – Возможно, я и сам ими порой пользуюсь.

– Там три строчки. Первая – "будьте вы прокляты". Вторая – "будь прокляты ваши души". И последняя – "катитесь к черту". "Будьте вы прокляты. Будь прокляты ваши души. Катитесь к черту". Надпись покрывает всю переднюю часть здания.

Епископ молчал.

– Поэтому я и звонил вам, – прокашлявшись, заговорил Джим. – Дело в том, что мы еще не разобрались, в чем дело, и хотели узнать, не связывался ли с вами утром отец Селвэй.

– Нет, – негромко произнес епископ. – Что он вам сказал по этому поводу? У него есть какие-нибудь соображения, кто бы мог это сделать?

– В этом-то и загвоздка, епископ, – опять кашлянул шериф. – Мы не знаем, где находится отец Селвэй.

– Вы не знаете, где он?

– Именно. Тим сначала позвонил не мне, а ему, чтобы сообщить о происшествии, но телефон не отвечал. Когда я через полчаса приехал, в доме никого не было. Вся семья исчезла. Входная дверь осталась открытой, но дом пуст.

Сейчас там работает моя команда, проводят расследование, но не похоже, что в семье что-то случилось. Машины Селвэя нет, и у нас есть основания подозревать, что они могли уехать куда-нибудь.

– Что вы конкретно хотите сказать, мистер Велдон? – внезапно холодным, жестким тоном произнес епископ.

– Ничего особенного. Я уже сказал – мы не понимаем, что произошло. И в этом смысле нам бы хотелось поговорить с отцом Селвэем, нет ли у него каких-нибудь соображений на эту тему.

– На что вы намекаете? – Голос звучал монотонно, но в этой монотонности сквозила

угроза, жесткая, властная авторитарность.

Джим закрыл глаза, чувствуя, что впадает в отчаяние. Больше всего в жизни он терпеть не мог гражданских, которые пытаются использовать свое положение, пытаются объяснить ему, что и как нужно делать, но взял себя в руки и ровным, официальным тоном ответил:

– Я ни на что не намекаю, епископ. Я просто...

– Вы не допускаете, что с семьей Селвэй могло что-то случиться? Не могли их похитить?

– Мы отработываем все версии, епископ. Но, честно говоря, на данной стадии расследования Селвэй выглядит скорее подозреваемым, чем жертвой. Мы обнаружили отпечатки его пальцев по всей церкви.

– Разумеется, в церкви должны быть отпечатки его пальцев. Это же его церковь.

– Кровавые отпечатки?

По молчанию в трубке он понял, что собеседник в ярости.

– Епископ!

– Да?

Джим поежился от ледяного тона.

– Мы хотим как можно скорее переговорить с Селвэем. Вот и все. Если по этому делу могут быть выдвинуты какие-то обвинения, их может выдвинуть только церковь.

– Вы совершенно правы, мистер Велдон.

– Через несколько минут мне надо быть в церкви, – проговорил шериф, взглянув на часы. – Не могли бы вы позвонить мне, если отец Селвэй как-либо с вами свяжется? Или вы сами что-нибудь услышите?

– Разумеется. И еще, шериф!

– Слушаю.

Я распоряжусь прислать в ваш приход временного священника, который будет исполнять обязанности отца Селвэя до тех пор, пока все это дело не выяснится. Я также отправлю кого-нибудь оценить ущерб. Окажите любезность, дайте знать прихожанам, что службы продолжатся.

– Безусловно. И я позвоню вам, если что-нибудь... В трубке звонко щелкнуло, и связь оборвалась.

– ...прояснится. Козел, – в сердцах бросил Велдон, швыряя трубку. Кем он себя возомнил, этот старый ублюдок? Господом богом? Схватив со стола карандаш, шериф быстро вышел из кабинета, на ходу переломил карандаш пополам и выбросил его в заполненную песком урну.

– Записывай все звонки, – кивнул он Рите, проходя мимо. – Говори, что я перезвоню.

– Хорошо.

Ну почему это должно было случиться в этом городе, размышлял он по дороге к машине. Почему это не могло произойти в Пайсоне, или Прескотте, или в Камп-Верде? Он подошел к новой машине, оставленной в дальнем углу стоянки. Это происшествие – не для маленького городка. Такое должно происходить в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, в крупных городах, где множество разных сект и банд.

Он сел за руль и застегнул ремень безопасности. Потом завел двигатель, включил передачу и с визгом рванул со стоянки в сторону церкви.

3

Клей Генри всю жизнь работал на ранчо – как и отец, и дед. Но никогда еще ему не доводилось видеть ничего подобного.

Клей скорчил гримасу и сплюнул. Пахло кровью. Густой и тяжелый запах висел в жарком воздухе позднего утра, неприятно сырой и зловонный, отдающий серой. Запах лез в ноздри, забивая все другие ощущения. Казалось, он просто в нем тонет. Впереди, на бурой вытоптанной траве поля, лежали все его шесть коз. У каждой была выдрана глотка – словно каким-то жестоким орудием. Кровь была повсюду – на земле, на слипшейся шерсти тушек, на перышках двух попискивающих цыплят, прибежавших разузнать, в чем дело. Даже на высоких стеблях луговой травы у самых его ног виднелись отдельные запекшиеся капли крови. Из разверстой дыры горла ближайшей козы вывалились перекрученные, словно веревки, внутренности. Они

лежали на забрызганной земле, как уродливые распухшие змеи. Казалось, что тот, кто разодрал горло козы, затем запустил по самое плечо руку в кровавое отверстие и вывернул ее наизнанку. У остальных пяти коз кишки были выворочены точно таким же образом.

Цыплята жадно клевали окровавленные внутренности. Клей пнул одного ногой. Тот отлетел, истерично заверещав и судорожно хлопая неоперившимися крылышками. Собрат его с писком помчался назад, к курятнику.

Клей повозил языком во рту и сплюнул, пытаюсь избавиться от мерзкого привкуса. Мухи уже были тут как тут. Сотни, тысячи мух слетались, казалось, со всего округа, они уже покрыли все доступные кровавые пятна... При любом его движении мухи мгновенно взлетали черным облачком, чтобы через секунду вновь облепить тушки. Если не считать жужжания мух, на поле царила мертвая тишина. Даже цыплят не было слышно. Клей почувствовал не то чтобы страх, но какой-то странный благоговейный ужас. Примерно такое же ощущение он испытал в последние мгновения перед автомобильной аварией, когда, сидя за рулем, понял, что уже ничего сделать не сможет и столкновения не избежать. Гул в ушах все нарастал. Клей посмотрел на изуродованных животных и опять сплюнул. Конечно, надо как можно быстрее убрать все это безобразие, пока трупы не начали разлагаться, и зараза не перекинулась на других животных, но прежде стоит позвонить Джиму Велдону. Это дело наверняка заинтересует шерифа.

Внезапно на фоне мушиного жужжания прорезался странный механический звук, и Клей поднял голову. Над грунтовой дорогой, что шла к его дому, поднималось облако пыли. Кто-то едет в гости. Клей прищурился, пытаюсь разглядеть машину, но расстояние было еще слишком большим. Прислушавшись, он опознал громкий чихающий звук мотора грузовика Лорена Уилбэнка. Интересно, что ему нужно? Поглядев еще некоторое время на перемещающееся пыльное облако. Клей похромал к дому, придерживая правой рукой покалеченную ногу.

* * *

Обойдя старый амбар, Клей увидел, что Лорен уже ждет его на ступеньках крыльца. Высокий сухопарый фермер нервно подбрасывал камешки на ладони, уставившись куда-то вдаль, в направлении старой полуразрушенной ветряной мельницы. Заметив Клея, он резко отбросил гальку, встал и взял в руку шляпу.

– Где тебя черти носят? Все утро пытаюсь дозвониться!

Клей дохромал до крыльца и ухватился для надежности за чугунные перила. Потом из правого переднего кармана комбинезона вытащил огромный красный платок и утер пот с взмокшего лба.

– Кто-то порешил всех моих коз. Глотку повыдирал.

– Я тебе с этим и звонил. Это у всех произошло.

– Как? – непонимающе уставился на него Клей.

– Моих коз тоже убили. У Туза, Джонни, Генри – у всех.

– Тем же способом?

– Выдрали глотку, – кивнул Лорен, – и вывернули кишки наизнанку. Словно консервным ножом. Мух налетело – прорва.

– У меня то же самое. – Клей присел на верхнюю ступеньку крыльца. Взгляд его непроизвольно стремился туда, где произошло это массовое убийство. За высокой травой тушек не было видно, но казалось, что даже сюда доносится неумолчное жужжание мух, эхом отдаваясь в ушах. – Как раз собирался пойти позвонить Велдону, – сказал он. – Может, он как-нибудь разберется с этим.

– Тебе сегодня никто не звонил? – спросил Лорен, отгоняя от лица назойливую муху.

– Не знаю. Все утро был в поле, – покачал головой Клей. – А что?

Лорен громко вздохнул и пнул тяжелым рабочим ботинком по крыльцу. От подметки отвалился кусок засохшей земли.

– Не слышал, что случилось?

Клей отрицательно покачал головой. Лорен немного помолчал.

– Епископальную церковь знаешь? – наконец произнес он. – Ну, которая за больницей?

– Ты же знаешь, я далек от этого.

– Ну, не в этом дело. Моя Верна в нее ходит. Новая, современная, довольно симпатичная. А дело в том, что кто-то испохабил весь фасад здания. "Будьте вы прокляты, катитесь к черту" и так далее. Написано козьей кровью.

– Козьей кровью?

– Карл Чмура с самого утра обзванивает всех фермеров. Может, и тебе звонил, но тебя не было.

– Я был в поле, – повторил Клей. – Он встал и поморщился от острой боли в ноге. – Пожалуй, надо им позвонить. – Держась за перила, он кое-как преодолел последние ступеньки и потянул на себя потрепанную и выгоревшую сетчатую дверь. – Зайдешь или так будешь стоять? – полуобернувшись, спросил он соседа.

Лорен поднялся за ним и перехватил закрывающуюся дверь. Клей уже ковылял по длинному коридору в глубину дома.

– У тебя найдется кофе или что-нибудь? – крикнул ему вслед Лорен.

– Утром не успел ничего приготовить, – откликнулся Клей. – Иди на кухню, завари кофейку. Где что – сам знаешь.

На кухоньке было безупречно чисто, как это обычно было заведено у Гленды. На старом холодильнике "Сирс Колдспот" боролся за жизнь тот же анемичный, полусохший вьюнок, на столе, покрытом красно-белой клетчатой скатертью, в коричневой плетеной корзинке аккуратно лежали выпцветшие пластиковые цветы. Древняя газовая плита, как всегда, блестела. На фоне сияющего фаянса чернело несколько трещин. Окно над раковиной выходило в теплицу. Солнечный свет, пробиваясь сквозь пеструю листву, ярко заливал все помещение.

По белому кафельному полу Лорен подошел к посудным ящикам, которые висели по обе стороны от раковины. Он взял полупустую банку кофе "М-Джей-Б", высыпал две пластиковые ложки в кофеварку и уже собрался залить в нее воды, как услышал грохот в глубине дома. Бросив чашку с водой в раковину, он выбежал в коридор.

– Клей! Клей!

Лорен поспешил дальше. Стук его тяжелых рабочих ботинок гулко раздавался в тишине фермерского дома. Из комнат не доносилось не звука. По пути он заглянул в бывшую швейную комнату Гленды. Ничего. Спальня Клея. Пусто.

Кабинет Клея.

Фермер лежал на полу в окружении свалившихся с полок книг и разного рода безделушек. Застывшие широко раскрытые глаза странным образом косили куда-то вбок. На щеках – несколько тонких красных царапин. Рот словно насильно раздвинут. Язык далеко вывалился между оскаленных зубов. Пальцы с силой сжаты в кулаки. На пальцах – мелкие капельки крови.

Лорен отшатнулся, мгновенно почувствовав приступ тошноты от удушливого запаха смерти, усиленного застоявшимся воздухом закрытого, без окон, помещения. Ухватившись за дверной косяк, он прислонился к стене, закрыл глаза и попробовал несколько раз глубоко вздохнуть. Все стены кабинета были забрызганы кровью. Каким-то образом сюда уже проникли мухи. Они монотонно жужжали, предвкушая кровавое пиршество. Звук в мертвой тишине дома казался неестественно громким.

Лорен развернулся, собираясь вернуться на кухню, и замер.

Откуда взялась эта кровь? На скрюченных пальцах Клея было всего лишь несколько капель. Еще пара кровавых полос на щеках, но все остальное тело его друга казалось нетронутым. Он обернулся и, чуть не задохнувшись, уставился в угол кабинета.

Нечто мелкое, хихикающее, неясное, розово-красное, метнулось от тела Клея под кровать.

От импульса безотчетного страха перехватило сердце.

– Эй! – громко крикнул Лорен.

Тварь метнулась из-под кровати и в мгновение ока вцепилась в ноги Лорена. От удара чуть ниже колен он грохнулся навзничь. На какой-то миг он оказался лицом к лицу с Клеем Генри и увидел в его остекленевших глазах свое отражение. Потом что-то мелкое, острое и болезненное впилося ему в затылок, и он потерял сознание.

4

Гордон сидел за печатной машинкой у открытого окна. Небольшой пластмассовый вентилятор гнал воздух прямо в лицо. Но даже искусственный ветер не помогал. Пот струился по щекам, отдельные капли падали на лист белой бумаги. Брэд был прав. Жара невыносима. Он провел ладонью по потным волосам. Да, кажется, он начинает ненавидеть лето, всерьез ненавидеть. Совершенно не американское отношение. Полагалось любить долгие летние дни, любить играть в волейбол и другие игры на свежем воздухе, устраивать пикники и слушать "Бич Бойз". Но вечерами темнело не раньше девяти, а дни стояли жаркие, влажные и не доставляли ни малейшего удовольствия. Понятно, что тебе жарко, когда таскаешь ящики с пепси. Этого можно ожидать. Но и дома, в одних шортах, без рубашки, он потел как свинья. Во время печатания голая спина болезненно прилипала к реечной спинке стула. Наступило время муссонов, и, разумеется, вечерами и ночью стало прохладнее. Но по утрам жара снова вступала в свои права.

Марина, напротив, любила лето. Всегда любила и, видимо, будет любить и дальше, хотя одному Богу известно за что. Он видел, как она лежит на своем серебристом, словно сделанном из фольги "космическом покрывале" на совершенно открытом пространстве перед домом, стремясь усилить и без того приличный загар. Протянув руку к стоящему у машинки высокому стакану, он отхлебнул чаю со льдом. Чай он налил недавно, но запотевший стакан уже успел создать на столе лужицу. Гордон вытер ее рукой. Вернув стакан на место, он перечитал последнюю фразу, подумал минуту, потом выдрал лист из машинки, скомкал его и метнул в переполненную корзинку для бумаг. Марина повернулась на бок и, прикрыв ладонью глаза от солнца, крикнула:

– Я все слышу!

– Слишком жарко для работы, – с улыбкой ответил он. – Ты все утро об этом говоришь.

– Все утро так и есть.

Марина встала. Вся спина оказалась в замысловатых узорах от рифленой поверхности "космического покрывала". Потом нагнулась поднять очки и лосьон для загара, представив его взору идеально круглую попку. Он громко свистнул. По-прежнему прикрывая ладонью глаза от полуденного солнца, Марина обернулась.

– Если ты больше ничего не собираешься делать, тогда поехали в город. У меня там кое-какие дела.

– Какие это дела?

– Дела. – Она высунула язык. – А это тебе за свист. Свинья.

Гордон смотрел, как она складывает покрывало, берет его под мышку и шлепает босиком по каменистой дорожке к боковой двери дома. Этим летом жена немного пополнела. На самом деле не настолько, чтобы бросалось в глаза; она по-прежнему выглядела стройненькой, даже в своем мини-бикини – всего лишь небольшое, едва заметное утолщение в области некогда совершенно плоского животика. Конечно, кто бы говорил. Он бросил взгляд на свое расплывающееся пузо. Даже с учетом повышенной потребности в прохладительных напитках и, соответственно, дополнительного объема работы, у него явно начал расти так называемый пивной живот. Все эти такелажные работы укрепляли руки, но на животе никак не сказывались. Он улыбнулся. Может, им обоим пора начать заниматься зарядкой – заказать, например, видеокассету с аэробикой Джейн Фонды.

Проходя мимо кабинета, Марина заглянула в открытую дверь.

– Я иду в душ! – объявила она. – Тебе пора собираться.

Поморщившись, Гордон подался вперед, отклеивая прилипшую спину от спинки стула, и прикрыл те несколько страниц рукописи, которые напечатал. Потом встал и направился в спальню. Перешагнув через брошенную Мариной на пол одежду, он обошел стоящую посреди комнаты кровать с латунными шишечками, застеленную лоскутным одеялом. Кровать они приобрели несколько лет назад на благотворительной распродаже, организованной церковью, и Марина потратила немало выходных, чтобы отчистить потускневший металл и вернуть кровать в первоначальное состояние. Старинный гардероб у кровати – подарок Мариной матери. Гордон выдвинул нижний ящик и достал кроссовки. Потом порыскал глазами в поисках

подходящей рубашки. Бегло проанализировав свой гардероб, он остановился на пестрой гавайской рубашке. Из всего, что у него было, она наиболее соответствовала нынешней погоде. Натянув рубашку, он сел зашнуровывать туфли.

Хотя они жили в Рэндолле уже четвертый год, Гордон так и не приспособился к совершенно иному климату и резким, чуть ли не климактерическим сменам времен года, характерным для погоды северной Аризоны. По каким-то причинам, скорее всего, психологического характера, он каждый раз говорил себе, что очередной год – нетипичный, что лето здесь обычно не такое жаркое, а зима – не такая холодная. В результате гардероб его состоял из той же одежды для умеренного климата, которую он носил в Калифорнии. Соответственно, он парился летом, замерзал зимой и редко имел возможность надеть нечто подходящее.

Они узнали про Рэндолл от Джинни Джонсон, учительницы средней школы, коллеги и сокурсницы Марины по колледжу. Как-то в выходной Марина заскочила к ней в гости, и та сказала, что ей предложили – правда, она отказалась – работу на полную ставку в средней школе города Рэндолл, штат Аризона. "Прелестный маленький городок, – сказала Джинни. – С удовольствием пожила бы там, но меня не устраивает зарплата".

"Похоже на то, что ты ищешь, – говорила коллега Марине. – Им в школу нужна учительница английского и машинописи, земля в округе недорогая, четыре времени года, а население – не больше трех тысяч. Ты всегда говорила, что вы с Гордоном хотите уехать из Южной Калифорнии".

"В Аризону?" – переспросил Гордон, когда Марина поделилась с ним этой информацией.

"Это недалеко от Флагстафа, – пояснила Марина. Гордон начал строить недовольные рожи, и она в шутку шлепнула его по щеке. – Будь посерьезнее. Там есть очень симпатичные места".

"В Аризоне?"

Тем не менее в следующие выходные они поехали в Рэндолл. И оба мгновенно просто влюбились в этот городок. Бы удивительно ясный осенний день, на ярко-синем небе – ни единого облачка. Приехали они с юго-запада, от Прескотта по узкому двухполосному шоссе. Город предстал перед ними как на картинах Курьера и Айвза или на псевдопасторальных тщательно отретушированных пейзажных открытках. Они перевалили через хребет. Городок располагался внизу – в узкой вытянутой долине. С высокой точки единственным различимым зданием оказалась лесопилка. А вокруг дымящие трубы и треугольные крыши домов – в окружении голых черных дубов, разноцветных осин и яркой зелени сосен. Сквозь листву то и дело посверкивали на солнце голубые прожилки речушек, ручьев или небольших озер. А к северу, господствуя над местностью, возвышались Зубцы – огромная, величественная, поросшая лесом столовая гора, впечатляюще растянувшаяся по всему горизонту.

Едва увидев город, Гордон испытал странное возбуждение и непроизвольно расплылся в улыбке. Он съехал на обочину и вышел из машины, прихватив свой "Кэнон". Сделав несколько снимков этого неправдоподобного зрелища и дощелкав пленку, он принялся глубоко вдыхать свежий воздух, напоенный запахами леса и костра.

– То, что надо, – наконец произнес он, оглядывая расстилающуюся внизу панораму. – Это – наш город.

Марина, сидевшая в машине, громко воспроизвела театральное "кхе-хе".

– Тебе не кажется, что прежде чем делать такие широковещательные заявления про "наш город", не мешало бы узнать и мое мнение?

– Тебе не нравится? – удивленно обернулся Гордон. Жена вышла из машины и подошла к краю обрыва, неспешно разглядывая пейзаж. – Ну что ж, – выдержав паузу, словно взвешивая "за" и "против", произнесла она самым притворным тоном. – Неплохо. – Потом посмотрела не него, приподняв брови. И, наконец, не выдержав, тоже расплылась в улыбке.

На следующей неделе Марина успешно прошла собеседование и была принята на работу. Жилье они купили двумя месяцами позже, потратив несколько выходных на поиски в округе. Сначала Гордон хотел приобрести бывший фермерский дом – он мечтал о кинематографическом образе жизни в маленьком городе, с коровой, дающей молоко, и курами, несущими яйца, однако фермерские усадьбы, выставленные на продажу, оказались им далеко

не по средствам. Даже с учетом кредита в банке и денег, занятых у родителей, им удалось приобрести нечто относительно маленькое. Тем не менее их новый дом стоял сам по себе, за границами города, на краю нетронутого лесного заповедника "Нэшнл Форест". Старая одноэтажная деревянная конструкция располагалась посередине лесистого участка площадью в половину акра. Предыдущие хозяева построили рядом с хозяйственным сараем небольшой загон для скота, а сбоку от дома расчистили участок под грядки. Гордон был в восхищении. В самом доме прежние хозяева соорудили еще несколько больших панорамных окон, из которых открывался прекрасный вид и на Зубцы, и на окружающий лес.

В тот первый год они внесли еще несколько изменений: на кухне уголок для завтраков превратили в небольшой солярий, обставили дом Марининой стариной, покрасили в белый цвет облупившиеся стены, убрали кладовку, чтобы на ее месте построить камин. Да, зима оказалась холоднее, чем ожидал Гордон, а лето – жарче. Весь цикл повторился без изменений и на следующий год. Но ему действительно очень нравилось жить здесь. Здесь было все, о чем он мечтал. Он любил дом, любил лес, любил Рэндолл. Черт побери, он любил даже свою лакейскую работу.

Марина вышла из ванной одетой и полностью готовой. Войдя в комнату, она остановилась на пороге и подчеркнуто оглядела его снизу вверх – от сомнительных кроссовок до обрезанных выше колен лохматых джинсов и вызывающе пестрой гавайской рубахи.

– Ты же не собираешься ехать в этом?

– Это все, что у меня есть.

– А где светло-голубая рубашка с короткими рукавами, которую я тебе покупала?

– Она грязная.

– Если нам кто-нибудь встретится, – покачала она головой, – придется сделать вид, что мы с тобой незнакомы.

– Хочешь, чтобы я шел на десять шагов сзади? На всякий случай? – улыбнулся Гордон.

– Думаешь, я шучу?

Он взял с тумбочки бумажник и ключи от машины и собрался идти на улицу.

– Постой, – окликнула жена, словно вспомнив о чем-то. – Может, ты все-таки лучше переоденешься? Я забыла, мне надо заехать к доктору Уотерстону.

– Зачем?

– Так, ерунда.

– Он работает по субботам?

Марина кивнула.

Он внимательно всмотрелся в ее лицо, пытаясь разглядеть явные признаки болезни.

– Что с тобой?

– Я же говорю – ничего. Просто для профилактики.

– Что-то я раньше ни о какой такой профилактике не слышал.

– Потому что это не важно. Переоденься, пожалуйста, нам пора. – Она подошла к шкафу, извлекла пару джинсов и бросила на кровать. – Надевай.

Он натянул джинсы, а она тем временем рылась в шкафу в поисках рубашки. Наконец нашла гладкую светло-зеленую хлопчатобумажную рубашку с длинными рукавами.

– Держи. Рукава можешь закатать.

– Слушаюсь, госпожа, – с поклоном ответил Гордон. – Какие еще указания?

– Никаких, – рассмеялась Марина. – Кроссовки можешь оставить.

Пришлось переодеться.

5

Ожидание в маленькой приемной, несмотря на работающий кондиционер, длилось, казалось, вечность. Гордон периодически поглядывал на стенные часы, укрепленные над дверью. Гигантские стрелки двигались в жестоко медленной пародии на время, отсчитывая секунды, которые казались минутами, и минуты, воспринимаемые как часы. Он уже выучил наизусть три беглых наброска акварелью, которые украшали стены приемной, и теперь просто сидел, уставившись в пространство. Время от времени он в очередной раз брал в руки один из

журналов, выложенных на низкий стеклянный кофейный столик – "Авиация", "Компьютерная наука" и даже "Современная медицина", – и перелистывал глянцевые страницы в поисках чего-нибудь интересного. Утомившись с журналами, он уже был готов взяться за "Живую Библию для детей", но тут услышал голос Марины, глухо доносившийся через стеклянную дверь, отделяющую приемную от регистратуры. Он отложил книгу и поднял голову. За матовым белым стеклом зашевелились чьи-то тени.

Марина выскочила в приемную, запихивая в сумочку пачку рецептов. На лице ее боролись противоречивые чувства – страх и радость, тревога и возбуждение одновременно. Она быстро оглядела пустое помещение, как бы не замечая мужа, и только потом остановила на нем взгляд. На раскрасневшемся лице появилась неуверенная улыбка.

– Я беременна.

– Что? – переспросил Гордон, хлопая ресницами, словно не веря своим ушам.

– Я беременна.

Он покачал головой, все еще не в силах воспринять ситуацию. Что это значит? Как это может быть? Она ведь сказала, что хочет показаться просто так, для профилактики. Что доктор Уотерстон хотел посмотреть ее, убедиться, что все в порядке, организм функционирует нормально. Каким образом он мог установить, что она беременна?

Как она могла забеременеть?

Она попробовала улыбнуться, но попытка не удалась. Нервно щелкая замком сумочки, Марина произнесла:

– Нам надо поговорить.

Он тупо кивнул, по-прежнему ошеломленный, по-прежнему не в состоянии поверить в эту новость.

Она подошла, взяла его за руку и опять оглядела пустое помещение.

– Понимаешь, я...

– В машине, – перебил Гордон. – Не хочу говорить об этом здесь.

Они вышли на улицу. Над Зубцами клубились грозовые облака; мрак окутал уже почти всю северную часть горизонта. На этом темном фоне выделялись две высокие сосны, растущие рядом с офисом доктора; их макушки светились в лучах послеполуденного солнца, создавая странный эффект искусственного освещения. Черная металлическая башня лесопилки через дорогу тоже была на солнце. Они прошли по скрипучему гравию стоянки к своему джипу, оставленному у магазина "Сирс", где торговали товарами по каталогу.

– Почему ты мне раньше не сказала? – спросил Гордон, открывая Марине дверцу машины.

– Я не была уверена. Не хотелось тебя беспокоить.

– Не хотелось меня беспокоить? Беспокоить не хотелось? – повышая тон, переспросил Гордон. В голосе скользнула злость. – Ты думаешь, вот так вываливать – это лучше? – Он деланно хохотнул. – Господи, могла хотя бы как-то подготовить...

– Я даже не уверена, что собираюсь оставить его, – негромко проговорила Марина.

– Что?!

– Я сказала, что не знаю, хочу ли я его оставить.

Он некоторое время молча смотрел на жену. В его карих, обычно таких ясных глазах она явственно увидела боль. Гордон быстро отвел взгляд, обошел машину и устроился на водительском сиденье. Марина села на свое место и аккуратно захлопнула дверцу. Гордон завел мотор.

– Я думала, ты хочешь поговорить.

– Хочу, – откликнулся он, подавая машину задом. – Только не на автостоянке. – Они выехали на Главную улицу. Навстречу катил голубой грузовичок-пикап. Тим Макдауэлл высунул руку и помахал в знак приветствия. Гордон посигналил в ответ и тоже помахал рукой. – О Господи, – громко вздохнул он. – Ну ладно. Давай с самого начала.

– Ну, примерно месяц назад... – робко заговорила Марина.

Гордон не рассмеялся. Наоборот, лицо его сделалось жестким, чуть ли злым.

– Что случилось? Таблетки не действовали?

– Видимо, нет.

Джип миновал бензоколонку Чара Клифтона. Город остался позади. Гордон покачал

головой.

– Разве они не гарантируют одну десятую процента ошибки?

– Примерно так.

– Но ты же их регулярно принимала? – подозрительно спросил он.

– Я даже отвечать на это не хочу, – холодно парировала жена.

Он поймал ее взгляд и кивнул.

– Ну хорошо. Извини.

– Еще бы тебе не извиняться! – Марина уже явно разозлилась. – Разве не я в первую очередь не хотела заводить ребенка? Забыл? Ведь это мне его носить почти год, а потом не отходить от него ни на шаг еще два! Ведь это мне кормить его и заботиться!

– Конечно. Извини.

Некоторое время они ехали молча.

– Ну так все-таки расскажи, как дело было.

– Месячные не начались в срок, – со вздохом заговорила Марина. – Я подождала неделю, потом еще несколько дней, потом позвонила доктору Уотерстону. Думала сказать тебе, но... я не была уверена. Не хотелось тебя волновать. Поэтому решила помолчать, пока не буду знать наверняка. Несколько дней назад он дал мне пройти тест. – Все это время Марина смотрела на мелькающую в окне машины зелень. Джип петлял по узкой лесной дороге. Лучи яркого предгрозового солнца пробивались сквозь ветки деревьев, как через решетку тюремной камеры.

– И? – подтолкнул Гордон.

– Что "и"? – обернулась она.

– Продолжай.

Она снова вздохнула:

– Я молилась Богу, чтобы это оказалась не беременность. – Она говорила тихо, невнятно, как бы сама с собой. – Я чувствовала, что что-то такое должно случиться.

– То есть?

Марина покачала головой, прикрыв глаза. Выглядела она усталой. Потом, откинув со лба прядь волос, спросила:

– Ты же знаешь про ребенка Джули Кемпбелл?

Гордон кивнул, нахмурившись. В июне у Джули Кемпбелл начались роды – на пять месяцев раньше срока. Врачи так и не смогли понять почему. Преждевременные роды в глубине родильной палаты в центральной больнице Рэндолла больше были похожи на аборт. Мертворожденный младенец оказался с кулак размером, тело и черты лица еще практически не сформировались.

– А про Джони Купер, в прошлом году?

У Джони Купер тоже были преждевременные роды, младенец появился мертвым. Он опять кивнул.

– А про Сюзен Стратфорд?

– Что ты мне хочешь сказать? Что ты боишься рожать? – Голос его смягчился. – Послушай, роды – совершенно простая процедура. Те три были просто случайностью. Мы поедем в Феникс, найдем настоящего специалиста. В хорошей больнице. Для таких случаев у них есть разные тесты. Мы сможем заранее узнать, не будет ли ребенок умственно отсталым, или с физическими дефектами, какова вероятность преждевременных родов или мертворожденного. Мы даже сможем узнать, мальчик будет или девочка.

– Да, мы пройдем тесты, но... – Закрыв глаза, она пальцами помассировала веки. Потом посмотрела ему в лицо. – Возможно, что это была не случайность. Доктор Уотерстон думает, что между ними есть какая-то связь.

Он впился в нее взглядом.

– Следи за дорогой.

– Что за бред?

– Он не уверен, что именно. Даже не уверен, есть ли она. Но сам подумай. Все трое – Джули, Джони и Сюзен – живут к северу от города, как и мы. Всем около тридцати пяти, как и нам. Все пользуются водой из скважины Джеронимо.

– Эта чертова вода!

– Мы не знаем, имеет ли...

– Я должен был знать!

– Что знать? Тут нечего знать. Доктор Уотерстон просто указал на то общее, что было у Джули, Джони и Сюзен. Может, это не имеет значения. А может, и да.

– Может не иметь значения?

– Ну, могут же быть случайные совпадения. Доктор Уотерстон просто предполагает, что за этим может крыться что-то еще, и решил предупредить меня. На всякий случай.

– Может крыться что-то еще? Три мертвых младенца на протяжении одного года? В таком маленьком городке?

– Ты же сам сказал, что это случайность.

– Значит, я ошибся. Ошибся. – Они миновали балку Тонто и приближались к узкой фунтовой дороге, которая вела уже прямо к дому. Гордон молчал. По лицу было видно, что его раздрают два чувства – злость и отчаяние. Он сжал челюсти и нахмурил брови. Ударив по тормозам разогнавшегося джипа, он сбросил скорость и свернул на грунтовку. – Здесь нужно проводить какое-то расследование, – заявил он. – Я буду звонить в службу охраны природы, в правительство округа, в правительство штата, всем, кто придет в голову. Черт побери, должно быть возбуждено дело!

– Дело против кого?

– Против... – Он запнулся. – Да против кого угодно, кто виноват в этом!

Они уже подъехали к дому. Гордон выключил двигатель. Некоторое время оба сидели молча. Уставившись на убегающий в даль ряд деревьев, он несколько раз глубоко вздохнул и шумно выдохнул. После чего уже спокойным тоном спросил:

– Что ты думаешь делать дальше?

– Ну, полагаю, нам действительно стоит съездить в Феникс, как ты предложил, и сделать там соответствующие анализы. – Она взяла его за руку. – А потом начнем обсуждать нормальные вопросы. Хотим ли мы ребенка? Потянем ли мы ребенка? Ну и так далее.

– Нормальные вопросы, – грустно усмехнулся Гордон. – О Боже...

Небо уже полностью потемнело, от жаркого солнечного утра не осталось и следа. На лобовое стекло упала первая капля. За ней – вторая.

– Лучше пойти в дом, – кивнула Марина. – Дождь начинается.

Гордон не ответил.

Посмотрев на мужа некоторое время, она переключила внимание на лобовое стекло. На нем разбивались отдельные крупные капли, жидкость стекала микроскопическими водопадами к потрескавшейся резине дворников и скапливалась там в маленькие лужицы. Краем глаза она следила, как муж поерзал, нашел на сиденье между ними связку ключей, потом толкнул свою дверцу и одним броском преодолел расстояние до дома. Подождав, пока он отопрет дверь, Марина поспешила следом. К тому моменту, когда она оказалась у крыльца, уже хлынул настоящий ливень. Гигантские капли, больше похожие на град, молотили по широким листьям стоящего у дома дуба и вонзались в землю, заставляя мелкие камешки с громким стуком разлетаться в разные стороны.

Дом еще сохранял накопленное за день тепло. По сравнению с улицей, в нем было душно, неуютно, и Марина быстро прошла по комнатам, распахивая окна для свежей дождевой прохлады. Гордон положил ключи на кухонный столик, вернулся к уличной двери и застыл там, глядя на дождь сквозь сетчатую дверь. Плотные дождевые облака, признак муссона, висели над лесом глухим серым мокрым покрывалом, цепляясь за самые высокие пики Зубцов.

– Черт побери, – буркнул он.

Марина, закончившая открывать окна в глубине дома, вернулась в гостиную.

– Что ты сказал?

– Говорю, наконец-то стало прохладнее, – через силу улыбнулся муж.

Она подошла, прижалась к нему, просунула голову ему под мышку и стала смотреть вместе с ним на лес. На глаза навернулись слезы, но она не хотела, чтобы он это заметил. Слезинки тихонько покатались по щекам.

– Да, – мягко сказала она. – Наконец-то стало прохладней.

6

Джим Велдон проспал десять часов кряду – рекордное для себя время, и при этом впервые за месяц его не мучили кошмары. Он выдохся. И тело, и мозг, видимо, слишком устали для снов, и он провалился в постели как убитый с четырех утра до двух часов дня.

Такого дня, как вчера, у него никогда в жизни не было. Утро начиналось ясным и жарким, как обычно. Он пришел в офис к восьми, надеясь обнаружить несколько мелких жалоб, возможно, пару-тройку перебравших с вечера парней, какого-нибудь автомобилиста – любителя слишком быстрой езды, до середины дня пошуршать бумажками и потом как следует отдохнуть. Но не прошло и часа, как позвонил Тим Ларсон с новостью об осквернении епископальной церкви, а к полудню расследование уже включало мистическое исчезновение семьи Селвэя и серию жестоких убийств фермерских коз, которые, судя по всему, охватили район от ранчо Зеленой Реки на юге до владений Билла Хердса на самих Зубцах. Во второй половине дня хозяин одного из ранчо обнаружил тела (или то, что от них осталось) своих соседей – Лорена Уилбэнкса и Клея Генри. Связано ли это как-то с убийством коз? За шесть часов, которые ушли на то, чтобы съездить на место преступления, снять отпечатки пальцев, сфотографировать, обследовать дом и транспортировать тела в морг, оказались осквернены остальные пять церквей Рэндолла. Хотя эти преступления должны были происходить в промежутке между шестью и десятью часами вечера, никто из живущих по соседству ничего не видел и не слышал, и пришлось потратить еще четыре часа, ползая по битому стеклу и обнюхивая все уголки каждой церкви в поисках хоть какого-нибудь ключа к разгадке всей этой чертовщины. Джадсон Вейсс и Пит Кинг заступили в ночную смену, и когда мозг Джима окончательно отказался что-либо соображать, он просто сдал все это им на руки и уехал домой, чтобы урвать хоть немного столь необходимого сна.

Он провел на ногах почти двадцать четыре часа. Прежде чем заснуть, Джим помолился за то, чтобы Джадсон и Пит каким-нибудь чудесным образом смогли со всем разобраться в его отсутствие, и эти два убийства, и исчезновение, и вандализм, и эта бойня домашнего скота оказались уже тесно связаны воедино, все было бы описано, а тщательно отпечатанный через два интервала доклад уже лежал бы на его рабочем столе для ознакомления и визирования.

Не тут-то было.

Звонок в участок после пробуждения показал, что ни в одном из дел не достигнуто ни малейшего прогресса. Никаких зацепок. Что делать – неизвестно.

Он положил трубку и почувствовал, как снова накатывает головная боль. Нехорошо. Он принялся массировать виски, чувствуя, как под тонкой кожей в венах пульсирует кровь. Он просто не годится для этого. Это для копов из больших городов и киношных шерифов, а не для него. Нет, это дело, безусловно, не для его категории, и Джим начал подумывать, не обратиться ли за помощью.

Но к кому?

Накинув халат, он побрел в ванную. Босые ноги прилипали к зеленому кафельному полу. Отдернув занавеску, он открыл оба крана и начал настраивать температуру воды. Черт побери, ну почему его угораздило родиться именно в Рэндолле, а не в одном из сотни других маленьких городков, разбросанных по Северной Аризоне? Почему он не шериф Седоны или Хебера? Наконец Джим подставил спину под горячие колючие струйки и поежился. Это вполне потянет на национальную новость, если не для телевидения, то для радио – безусловно. Он окажется в центре внимания. Важно не опростоволоситься.

Записка на холодильнике информировала, что Джастин и Сюзанна – в кино с Ральфом Питтманом и его матерью. Вторая записка, под магнитной птичкой-невеличкой, сообщила, что Аннет ушла за продуктами. Джим в ответ нацарапал свою, схватил пончик и направился к выходу. Он написал, что вернется к ужину, но понимал, что это всего лишь благое пожелание. Скорее всего, придется задержаться. Было предчувствие, что с мыслью о нормальных семейных ужинах на ближайшие недели придется распрощаться.

В кабинете его ждал посетитель. Мальчик. Постаравшись не выказать удивления, Велдон, как обычно, бросил шляпу на вешалку у стола и сел. Карл Чмура, располагавшийся на виниловом диване у другой стены, напротив мальчика, встал, как только вошел начальник.

– Добрый день, шериф.

– В чем дело, Карл?

– Этот мальчуган, – кивнул помощник на юного гостя, – пришел около полудня, может, чуть раньше. Сказал, что хочет сообщить вам нечто важное. Ни с кем говорить не захотел. Я сказал, что вы можете где-то задерживаться, но он решил ждать. Говорит, что это очень важно.

Джим посмотрел на мальчика. Тот был худеньким, бледным, словно все лето не выходил из дома. На вид лет одиннадцать-двенадцать. Старая рубашка с чужого плеча, словно перешедшая по наследству от отца или деда, вылинявшие до белизны потертые джинсы. Волосы тонкие, грязные, слишком длинные; спутанные завитки лежат на плечах. Он нервно сжимал и разжимал кулачки.

Но особое внимание он обратил на лицо мальчика.

На лице был написан страх.

Джим встал и дружелюбно улыбнулся, стараясь не испугать мальчугана.

– Как тебя зовут, сынок?

– Дон Уилсон. – Голос прозвучал робко, неуверенно.

– Большое спасибо, Карл, – произнес Джим, глазами показывая своему помощнику на выход. – Я позову, если понадобится.

Полисмен понимающе кивнул и вышел, прикрыв за собой дверь.

Джим присел на край стола. Постаравшись придать лицу универсальное выражение заботливого папаши, он наклонился к мальчику, оперевшись ладонями в колени.

– Итак, Дон, о чем ты хотел со мной поговорить? Мальчишка с испугом глянул на дверь, потом – на окно; просто заяц в человеческом облике, ищущий путей к спасению бегством. Похоже, он уже пожалел, что пришел сюда, и Джиму показалось, что он хочет удрать.

– Успокойся, Дон, – понимающе улыбнулся он. – Мне ты можешь говорить все.

– Я знаю, где семья Селвэй! – выпалил мальчик. – Я знаю, где найти их трупы.

Всепонимающая терпеливая улыбка застыла на лице Джима. Глядя на бледного испуганного юнца, он вдруг почувствовал, как в глотке пересохло, а пальцы рук непроизвольно вцепились в колени. В ушах загудело от волнения.

Трупы.

Но инстинкт шерифа взял верх.

– Карл! – рявкнул он в сторону двери. – Карл! Помощник в ту же секунду возник на пороге; голова заученным движением повернулась на сто восемьдесят градусов, обследуя помещение. Затем он озадаченно уставился на шерифа, но тот уже снова обернулся к мальчику.

– Почему ты никому раньше об этом не сказал? Почему не сказал помощнику Чмуре?

От грозного голоса шерифа съежившийся мальчишка еще больше сжался, но продолжал стоять на своем.

– Я скажу только вам, – дрожащим голосом повторил он.

– Где они? – настаивал Джим. Мальчик перевел взгляд с шерифа на помощника и покачал головой.

– Ну хорошо, – рявкнул Джим. – Карл, выйди на минутку.

Помощник попятился, озадаченный, и снова закрыл дверь. Джим впился взглядом в мальчика.

– Рассказывай. Где они?

– Несколько дней назад мне приснился сон, – заговорил парнишка, облизнув губы.

– Где они, черт побери?!

– Дайте мне договорить! – чуть не плача, воскликнул ребенок. Он сжимал в кулаки дрожащие пальцы, на лице отражалась борьба между отчаянием и страхом. Прядь волос упала на лоб, и он сердито откинул ее в сторону.

Джим глубоко вздохнул и согласно кивнул. Ребенок не виноват; он старается изо всех сил.

– Хорошо, – ровным голосом произнес шериф. – Рассказывай все по порядку.

Мальчик посмотрел на него некоторое время, словно не решив, можно ли продолжать. И наконец заговорил.

– Несколько дней назад мне приснился сон. Во сне я увидел, что Селвэев убили.

– Сон?

Тяжелые удары сердца начали отдаваться где-то в ушах, но шериф взял себя в руки.

– Кто убил?

Дон смотрел в пол, ноги выписывали нервные вензеля. Не поднимая головы, он произнес:

– Я не могу сказать вам.

– Почему же? Говори.

– Нет. Вы не поверите.

– Поверю. Рассказывай.

Мальчик поднял голову.

– Монстры. Было слишком темно, я не мог разглядеть как они выглядят, но это точно были монстры. – Он еще дал паузу, словно боясь услышать смех.

Но Джиму было не до смеха.

– Их была целая стая, – продолжал Дон. – Они ворвались в дом Селвэев, схватили их и утащили на свалку. – Ноги ребенка выписывали на ковре какие-то восьмерки. – Они... они сначала убили самую маленькую. Разорвали ее и съели. Потом разорвали всех остальных детей и содрали с них кожу. Их была сотня, не меньше. Потом... Потом они оторвали голову миссис Селвэй, которая стояла рядом, и заставили отца Селвэя смотреть на это. – Он посмотрел на шерифа. Глаза блестели от кошмарных воспоминаний. – Ее тело повалилось на землю, как в замедленной съемке. Я видел, как из шеи торчат всякие вены и жилы и из них брызжет кровь. Кровь была везде. Била просто фонтаном.

– Что это за свалка?

– У контрольной дороги. Рядом со скважиной Джеронимо.

– Продолжай, – кивнул Джим.

– Они... эти монстры... – запинаясь, заговорил мальчик, уставившись куда-то в пространство неподвижным взглядом, – какое-то время играли с головой миссис Селвэй, кидали ее друг другу, а глаза ее то закрывались, то открывались при этом. Их было очень много вокруг, но я никак не мог их разглядеть, они все были в тени. Но голову миссис Селвэй я видел очень хорошо. И отца Селвэя тоже. Он стоял и смотрел. Потом один из них схватил его и подтащил к костру.

– К какому костру?

– Ну, костер там горел из веток и бумаги.

– Это была ночь?

– Да. Они заставили его смотреть на огонь и потом сказали... – Дон опустил голову. Он зажал ладони между коленями, чтобы унять дрожь. Лицо в обрамлении длинных пядей волос было напряженным и сосредоточенным. – Они сказали: "поклонись своему новому богу" или "склонись перед новым богом", что-то в таком роде. А потом... потом из огня начало что-то появляться. Оно было огромным. Большое, черное, и мне показалось, что с двумя рогами. Мне показалось, что это дьявол.

Джим подался вперед и успокаивающе положил ладонь мальчику на плечо.

– Это все?

– Нет, – покачал головой Дон. – Внезапно огонь исчез, вместе с ним исчезли и отец Селвэй, и дьявол, а остальные монстры бросили тело миссис Селвэй в большую яму. Потом в другую яму бросили ее голову, детей тоже побросали в какие-то ямы и все засыпали.

– Где? В какой части свалки?

– Под мусором, около большого дерева, которое растет у скалы. Рядом с трактором.

– Карл! – крикнул Джим, вскакивая со стола. Помощник моментально возник в дверном проеме. – Собирай дружину. Едем искать тела семьи Селвэй.

– Но я думал...

– Не важно, что ты думал. Собирай всех. Встречаемся на свалке у скважины Джеронимо. Быстро!

Карл поспешил к коммутатору. Каблуки его тяжелых ботинок звонко цокали по

кафельному полу.

Джим обернулся к мальчику. Тот показался ему еще меньше и бледнее, чем раньше. Ладони он по-прежнему держал зажатыми между колен, по вискам текли струйки пота. Джим попробовал ободрительно улыбнуться. Непонятно почему, но он поверил этому ребенку. Господи, мысленно вздохнул он. Что-то действительно с головой происходит. Мало ему страхов от собственных ночных кошмаров, так еще и стал верить другим.

– Почему ты раньше не пришел к нам? – спросил он.

– Я думал, это просто кошмарный сон. Я не знал, что это правда. Я ничего не знал о том, что произошло. – Нижняя губа ребенка дрогнула. Он перехватил пальцем скользнувшую по щеке слезу. – Я только сегодня утром узнал, что Селвэй пропали. Я не знал.

– Все в порядке, сынок, – потрепал ребенка по плечу Джим. Тот вытер еще одну слезу. – Но почему ты решил, что только мне можно об этом рассказать?

– Вы были в том сне. Я знал, что вы поймете. Я знал, что вы не подумаете, что это я сделал. Я знал, что вы поймете, что меня там на самом деле не было, на самом деле я ничего не видел.

Удар страха – дикого, безотчетного – пронзил все тело Велдона; сердце уже стучало в груди как молот. Его окатила волна холода. Он посмотрел на мальчика. Такое ощущение, что он его никогда в жизни не видел, даже мельком.

Но автоматически поверил в его рассказ.

Он чувствовал, что во сне ребенка крылась какая-то мучительная, тревожная правда. Словно он сам когда-то уже знал об этом, но просто никак не мог извлечь из подсознания. Словно ребенок просто по-новому сложил уже известные факты, сложил так, что он понял их интуитивно, на животном уровне, только не мог объяснить.

И ребенок был прав еще в одном. Он действительно был в том сне, хотя и не мог ничего вспомнить.

– Что я делал в твоём сне? – спросил Джим, чувствуя, что голос звучит совсем не так уверенно, как хотелось бы.

– Вы просто стояли и смотрели. Как и я. – Мальчуган облизнул губы. – Как и все остальные.

Холод усилился.

– Кто остальные?

– Не знаю. Я узнал только вас. Но если я увижу других, наверное, смогу опознать.

В дверном проеме показалась голова Карла.

– Машина готова, шериф. Я обзвонил дружину, встретимся там, где вы сказали.

– Отлично, – кивнул Джим, нахлобучивая шляпу и подхватывая кобуру.

– Поедешь? – обернулся он к Дону.

– А обязательно?

Джим покачал головой.

– Тогда лучше нет.

– Ладно. – Он посмотрел на мальчика. Под детскими чертами лица просматривалась взрослость; взрослость, которая была навязана ему, к которой он толком не был готов, оказался в силах ее вынести. Парнишка хорошо себя ведет, подумал шериф. Гораздо лучше многих взрослых, окажись те в подобных обстоятельствах. Джим очень хотел, чтобы на этом всё для парнишки закончилось, чтобы тот мог просто пойти домой и забыть обо всем, предоставив шерифу разбираться с ситуацией. Он свой гражданский долг выполнил. К сожалению, это не так, и мальчика еще ждут тяжелые времена.

– Нам с тобой потом надо будет еще поговорить, – произнес Джим. – Оставь фамилию и адрес у Риты на вахте. Я свяжусь с тобой позже.

Дон встал, вытирая потные ладони о блеклые джинсы.

– Вы хотите рассказать об этом родителям?

Джим на секунду задумался. О чем рассказать? Что он решил ехать на свалку искать трупы, потому что их сыну приснился кошмарный сон? Что у Дона были тяжелые психические переживания?

– Нет, – сказал он. – Я не буду ничего говорить твоим родителям, если ты не захочешь.

Мальчик вздохнул с явным облегчением.

– Ну, до встречи, – пожал ему руку шериф. – Мне пора. – И, взмахнув рукой, быстрым шагом направился к выходу. Карл уже сидел в патрульной машине. Мотор работал. Джим сел, забросил на крышу маячок и дал команду трогаться.

Машина, взвизгнув покрывками, рванула со стоянки.

– В чем дело? – спросил Карл. – Что он вам рассказал?

– Он сказал, где зарыты тела. Карл присвистнул.

– Он правда что-то видел?

Машина неслась к северу из города. Джим напряженно смотрел вперед. Через некоторое время он открыл рот и произнес:

– Да. Правда.

* * *

Через двадцать минут, когда они свернули на контрольную дорогу, все небо уже было затянуто хмурыми дождевыми облаками. Дождя еще не было, но темные грозовые тучи время от времени подсвечивались откуда-то из глубины разрядами молний.

– Черт побери, – буркнул шериф. – Неужели эти дожди должны идти каждый день? Придется копать под ливнем.

Теперь пришлось ехать немного медленнее, чем по шоссе. Контрольная дорога была узкой, едва разминуться. Туристы, охотники, рыбаки, которые гоняли на пикапах по этой грунтовке, обычно не предполагали, что кто-нибудь может попасться навстречу. Не снижая скорости, они носились по крутым поворотам в полной уверенности, что на дороге они одни. Как правило, так и было. Контрольная дорога, петляющая по лесу вдоль основания Зубцов, была настолько плохой и разбитой, что без полноприводной машины сюда лучше и не соваться.

Они добрались до скважины Джеронимо, никого не встретив, и приехали на свалку ровно в тот момент, как начался дождь. Джим вышел из машины и направился к приехавшим добровольным помощникам шерифа, которых он называл дружиной, предложить им либо оставаться в машинах, пережидая дождь – что может растянуться на несколько часов, – либо приступать к раскопкам прямо сейчас.

– Мы с Карлом идем копать, – сообщил он. – Раньше сделаем – раньше уберемся отсюда.

Он огляделся по сторонам, пока Карл доставал из багажника лопаты. Свалка показалась ему не такой знакомой, как должна бы. Разумеется, он неоднократно бывал здесь, и знал, что, например, металлолом сваливают в определенном месте к северу от той точки, где они сейчас стояли, всякие деревяшки – слева, в кучу, которую время от времени поджигают, а обычный бытовой мусор – за ней и за небольшим холмом, и регулярно засыпают землей. Тем не менее обычная свалка, отнюдь не сцена для ритуальных убийств. Интуиция молчала. Он ждал какого-то откровения, вспышки в сознании – но тщетно. Даже дурного предчувствия не появлялось. Обыкновенная свалка, какой и должна быть. И руководствоваться он может исключительно рассказом маленького мальчика.

Остальные члены дружины повылезали из кабин и достали из багажников и кузовов привезенные с собой пики и лопаты. Все стояли, сбившись в кучку, под морозящим дождем и смотрели на шерифа.

Джим взобрался на капот коричневой полицейской машины и поднял руку.

– Слушайте меня! – крикнул он. – Нам надо разделить на две группы. Шестеро будут копать вот здесь, в районе этого дерева. – Он показал на высокую сосну у песчаного откоса. Трактор стоял рядом с сосной, точно как и говорил Дон. – Троим надо будет заняться свалкой дров.

– Мы с парнями займемся дровами, – подал голос Скотт Гамильтон, показывая на двоих своих сыновей. У каждого на шее болтались защитные очки, необходимые для работы на лесопилке.

– Вы знаете, что вам нужно искать? – спросил Джим. Трое хмуро кивнули.

– Ну хорошо. Тогда за работу. Все остальные – за мной. Он спрыгнул с капота и пошел мимо дровяной свалки в сторону площадки для бытовых отходов. Воткнув лопату в мягкую от

дожда землю, Джим сказал:

– Начинайте где угодно. Конкретное место мы не знаем. Главное – не удаляйтесь от трактора.

Шесть человек растянулись цепочкой вдоль горы мусора. Джим с Карлом выбрали себе место у подножия холма. Дождь припустил сильнее, сырая земля уже чавкала под ногами. Одежда Джима промокла насквозь. Он снял шляпу и слил воду, скопившуюся на полях. Потом нахлобучил ее обратно и начал копать.

* * *

Примерно через полчаса послышался крик Кайла Хитроу.

– Шериф! Идите сюда! Кажется, я что-то нашел! Джим двинулся на голос, по щиколотку утопая в жидкой грязи. Дождь уже превратился в настоящий ливень, все стали похожи на мокрых собак. Подойдя к Кайлу, он остановился и заглянул в свежевырытую яму. Снизу на него смотрело женское лицо с открытыми глазами. На щеке зияла бескровная рана – видимо, от лопаты.

Миссис Селвэй.

Джим отвел взгляд и принялся пристально разглядывать яркий полиэтиленовый пакет, валявшийся неподалеку. Потом облизнул внезапно пересохшие – несмотря на дождь – губы.

– Эй! Все сюда! Будем копать здесь!

Люди, постепенно подтягиваясь к ним, по очереди заглядывали в яму. Ливень уже смыл грязь с лица миссис Селвэй, которое стало выглядеть странно живым. На длинных ресницах дрожали дождевые капли, в открытом рту собралась небольшая лужа. Все отворачивались, не произнеся ни слова.

Карл пошел к машине за пластиковым мешком для перевозки трупов.

Джим запрокинул голову к разверзшимся небесам. С края шляпы немедленно за шиворот вылился целый водопад, но он едва обратил на это внимание. Внезапно он понял, что даже не знает, как звали миссис Селвэй.

Окинув взглядом мусор и грязь под ногами, он покрепче ухватил черенок лопаты и вонзил штык в землю.

7

Гордон провел весь вечер в телефонных звонках. Пока Марина лежала на мягком диване в гостиной, пытаясь через помехи смотреть "Голдфингер" на единственном канале, который мог поймать телевизор – Эй-би-си, – транслируемом через Флагстаф, Гордон дозвонился до больницы Св. Луки в Фениксе и договорился, что местный акушер, доктор Каплан, примет Марину в понедельник, в час дня. Марина отказалась звонить сама, и он согласился взять на себя эти хлопоты. Он вполне понимал ее состояние.

После этого он позвонил Брэду и заявил, что в понедельник ему нужен отгул. Понедельник – самый напряженный день, поскольку в местных магазинчиках за выходные пепси кончается. Им предстояло несколько поездок в отдаленные точки, и Гордон имел основания полагать, что отгул придется выбивать с боем. Однако Брэд проявил несвойственное ему понимание и сказал, что возьмет с собой Дэна. Гордон пообещал, что во вторник выйдет прямо с рассветом.

Следующий звонок – доктору Уотерстону. Гордон рассказал ему о своих опасениях и выложил в общих чертах план действий. Доктор Уотерстон целиком и полностью поддержал его решение свозить Марину в Феникс. "Это самое лучшее, что можно сделать", – сказал он.

После нескольких общих фраз о родах и младенцах они перешли к конкретике.

– На самом деле, у меня нет никаких доказательств, – говорил доктор Уотерстон. – Все это лишь предположения. Но, как я объяснял вашей жене, совпадения, которые я обнаружил между Джули Кэмпбелл, Джони Купер и Сюзен Стратфорд, вызывают у меня беспокойство. – Помолчав, он добавил: – И у вашей жены я нахожу нечто подобное.

– Да, Марина мне об этом сказала.

– Еще раз повторяю – доказательств у меня никаких. Но я взял пробы воды с насосной станции скважины Джеронимо и послал в Феникс на анализ.

– Вода! – воскликнул Гордон. – Так я и думал.

– Я не утверждаю, что дело в этом. Я могу ошибаться. Но вы же знаете, всего в полумиле к востоку от насосной станции – окружная свалка, рядом с контрольной дорогой, и что-то могло оттуда просочиться под землю, в водоносный пласт. Насколько мне известно, ядовитые отходы там не складировать, но что-то все-таки может просочиться. В данный момент я склонен думать именно так.

– Вы сообщали кому-нибудь?

– Кому-нибудь? – невесело хохотнул доктор Уотерстон. – Я сообщал мэру, городскому совету, окружным властям, в дирекцию водоснабжения штата, даже в местное отделение американской ассоциации медиков.

– И каковы результаты?

– Шиш с маслом, простите за выражение. Разумеется, все обещали разобраться, но до сих пор ни от кого ни слуху ни духу. Добрых три месяца я обзваниваю все это организации как минимум раз в неделю – напоминаю, чтобы они наконец оторвали от кресел свои толстые задницы, но меня перебрасывают от одной секретарши к другой. – Он опять рассмеялся. – Разумеется, за исключением господина мэра и городского совета, – произнес он нелепо-издевательски официальным тоном. – Они вникли, рассматривают все возможности, но в данный момент проводится секретное расследование, и они пока не могут мне сообщить результаты. Вот брехло!

– А когда вы рассчитываете получить результаты из лаборатории?

– Со дня на день. Как только придут, сразу же дам вам знать.

Гордон покивал, прижимая к уху телефонную трубку. Впрочем, доктор этого не мог видеть.

– Большое спасибо. А я сообщу вам, что нам станет известно в понедельник.

– А как же! Если Марина будет проходить анализы в фениксе, это не значит, что я перестал быть ее врачом. Я назначил ей прием на следующей неделе, пускай она не забывает об этом.

– Разумеется, – улыбнулся Гордон. – Ну, до понедельника, док.

– Буду ждать.

Гордон положил трубку и пошел в гостиную проведать Марину. В комнате светился только голубоватый экран телевизора, и ему понадобилось некоторое время, чтобы разглядеть ее, свернувшуюся клубочком в углу дивана.

– Эй! – окликнул он. – Ты в порядке?

– Тихо, – отмахнулась жена. – Самое интересное. На экране Джеймс Бонд перескакивал на своей машине через цепную ограду, а старуха палила по нему из автомата. Старуха корчила гримасы, потому что автомат сильно бил ей в плечо.

– Обожаю этот эпизод, – рассмеялась Марина. – Старушенция – просто прелесть.

– Тебя примут в понедельник в час дня, – сообщил Гордон.

Марина промолчала, делая вид, что полностью поглощена фильмом, но Гордон понял, что она услышала его фразу. Просто ей не хотелось говорить на эту тему.

Он вернулся в кабинет и принялся листать телефонный справочник. Наконец, он нашел нужный номер. Он решил позвонить Киту Беку – из газеты. Конечно, маловероятно, чтобы редактор сидел на рабочем месте в такой поздний час, да еще и в субботу, но домашний телефон Бека в справочнике указан не был, и другого варианта у него не оставалось. Трубку сняли после первого гудка.

– Алло!

Гордон чувствовал некоторую неуверенность, посвящая редактора в свои проблемы. Многого он не знал, подтвердить мог еще меньше, но тем не менее рассказал Беку все что мог про младенцев, и тот пообещал разобраться. Конечно, сказал он, на это потребуется минимум несколько недель, поскольку на носу родео, да еще эти оскверненные церкви, да еще...

– Церкви? – прервал его Гордон. – Их что, много?

– А вы не слышали?

– Нет. – Гордон вспомнил про кровавые буквы на фронтоне церкви отца Селвэя и почувствовал, как по спине пробежал холодок. В комнате внезапно потемнело, и он щелкнул выключателем настольной лампы. – Что произошло?

Редактор расхохотался. Смех перешел в характерный кашель курильщика.

– Читайте нашу газету в ближайшую среду.

– Да ладно вам!

– Ну хорошо. Что вам самому известно?

– Я видел епископальную церковь, а Чар Клифтон сказал нам, что пропал отец Селвэй.

– То же самое произошло и с другими церквями. Со всеми до единой. Разбитые окна, непристойные надписи и все такое. На самом деле поэтому я и сижу до сих пор здесь. Час назад мне позвонил Джим Велдон и изложил все подробности. Решил, что мне полезно быть в курсе. В данный момент я размышляю, как написать об этих непристойностях. То ли символами какими изобразить, как в комиксах, то ли оставить первые буквы, а остальные заменить соответствующим количеством точек? Или просто написать, что там были богохульства и непристойности?

Гордон проигнорировал узкопрофессиональные проблемы редактора.

– А что насчет остальных священнослужителей? Они тоже исчезли?

– Нет. Но это все, что я могу вам сказать, – признался Бек. – Шериф должен мне еще позвонить. Судя по всему, мне тут до утра придется сидеть.

– Ну, в таком случае не буду вам мешать. Большое спасибо.

– Не за что. А с этой детской ситуацией я постараюсь разобраться как можно скорее. Дам вам знать, если что найду.

И еще в этот вечер Гордон позвонил родителям в Калифорнию. После того как он сообщим им о беременности Марины, они захотели поговорить с ней лично, и Гордон крикнул, чтобы она сняла вторую трубку. Междугородный разговор на четыре голоса был очень серьезным и очень слезливым и продолжался далеко за полночь. В конце концов родители повесили трубки, пообещав позвонить в понедельник вечером. По настоянию отца Гордон перезвонил на телефонную станцию и перенаправил счет за разговор на родительский адрес.

Тем временем дождь давно кончился и на улице наступила полная тишина. Гордон выглянул в окно. В ясном и чистом ночном небе светились галактики и туманности, на их фоне отчетливо выделялась ручка ковша Большой Медведицы. Гораздо ближе черными силуэтами стояли неподвижные высокие сосны. Он задернул шторы, прошел через холл в спальню, разделся и нырнул в постель. Через пару минут к нему присоединилась Марина. Хотя было поздно и оба устали, они все-таки занялись любовью, что принесло скорее ощущение успокоительной близости, чем удовольствие, и часа в два наконец заснули, тесно прижавшись друг к другу под тонкой простыней.

Никто из них не слышал мягких торопливых свистящих звуков, которые вскоре заполнили дом.

И никто из них наутро не обратил внимания, что мебель в гостиной оказалась слегка, едва заметно, сдвинута со своих мест.

8

Джим Велдон включил люминесцентное освещение в своем кабинете, тяжелой походкой протащился по ковру к столу и устало сел, откинув спинку кресла. Крепко зажмурившись, он с силой потер глаза ладонями. Это был безумный день. До темноты им удалось обнаружить тела миссис Селвэй и детей в различной степени расчлененности. Все трупы погрузили в кузов грузовика Скотта Гамильтона. Джим поехал со Скоттом и еще несколькими членами дружины в морг, оттуда позвонил окружному коронеру. Карл в это время с остальными мужчинами оставался на свалке, пытаясь найти тело отца Селвэя. Потом Джим на несколько минут заскочил в газету, вкратце посвятил Кита Бека в суть происходящего и поспешил обратно на свалку. Тело отца Селвэя не обнаружили. Они еще часа полтора с тем же результатом продолжали поиски, после чего решили отложить это дело до утра.

Джим сомневался, что им вообще удастся найти это тело.

Отняв руки от лица, он поднял спинку кресла.

"Звонила инспектор Джонс".

Черт побери, выругался в сердцах Джим. Лесли Джонс. Меньше всего на свете ему хотелось сегодня разговаривать с этой сучкой. Вероятно, узнала от коронера о том, что найдены тела Селвэев и решила устроить нагоняй за то, что этого не было сделано раньше, или за то, что не обеспечил им надлежащей защиты при жизни, или... еще за что-нибудь. У нее всегда какое-нибудь шило в заднице. Скомкав лист бумаги, Джим швырнул его на пол и покачал головой. К счастью, сейчас выходные и ее офис закрыт. Ее домашнего телефона у него нет, так что до понедельника можно не отвечать.

После этого принялся перебирать остальные записки, стопкой сложенные на столе. Звонил Бек из газеты и просил связаться с ним как можно быстрее. Заезжал его преподобие отец Паулсон из пресвитерианской церкви, но сказал, что заглянет завтра, когда будет поменьше дел. Аннет звонила сказать, что она знает, что произошло, и будет ждать его с ужином.

Звонил Дон Уилсон.

Отодвинув в сторону все остальные бумажки, Джим набрал номер, записанный на квадратном розовом листочке. Он понимал, что поздно, но не имел права не использовать ни единого шанса.

– Алло! – послышался женский голос.

– Здравствуйте, – произнес Джим. – Дон Уилсон дома?

– Кто его спрашивает? – подозрительно поинтересовалась женщина.

– Шериф Велдон. Я бы хотел поговорить с Доном, если возможно.

– Что он еще натворил? – напряженным голосом, в котором подозрительность сменилась злостью, спросила женщина. Джим буквально почувствовал, как она стиснула челюсти.

– Ничего. – Джим обещал мальчугану, что не станет сообщать родителям об их разговоре, но и не хотел, чтобы полная скрытность как-то повредила ему. Пришлось быстро выкручиваться. – Я звоню по поводу кампании "Чистый город", которую мы начинаем. Мы созываем группу добровольцев, чтобы собирать мусор по обочинам дорог в следующую субботу. Мне сказали, что Дон может этим заинтересоваться. – Жалкое объяснение, подумал Велдон, но ничего более убедительного не пришло в голову.

– Дон? – с изумлением переспросила женщина.

– Миссис Уилсон, вы не могли бы просто позвать его к телефону?

– Хорошо. Одну минутку.

В трубке воцарилось молчание, потом послышался голос мальчика. Голос был усталым, и Джим подумал, что, вероятно, ребенок уже спал.

– Да.

– Дон, это шериф Велдон.

– Да! – совсем иначе, энергично и настороженно повторил он.

– Мы нашли тела. Там, где ты и сказал.

– Я знаю.

Джим прокашлялся.

– У меня на столе лежала записка, что ты звонил. Хотел поговорить со мной?

– Да.

За краткими ответами мальчика просматривалась настороженность. Джим предположил, что мать наверняка осталась в комнате и слушает разговор.

– Ты можешь сейчас говорить?

– Нет.

– Потому что мать рядом, да?

– Да.

– Ясно. В таком случае приходи ко мне в кабинет завтра утром. Нам надо обсудить с тобой все это дело.

– Хорошо.

– В десять утра устроит?

– Отлично.

– Договорились. Тогда до завтра. – Джим уже был готов положить трубку, но в последний момент вспомнил еще один важный момент. – погоди. Дело в том, что отца Селвэя мы не нашли. Никаких следов.

– Я знаю, – тем же ровным голосом, рассчитанным на присутствие матери, ответил Дон, но шериф почувствовал едва уловимый оттенок страха.

– Ты об этом хотел со мной поговорить?

– Примерно. – Внезапно в трубке послышался торопливый шепот, и Джим сообразил, что мать, вероятно, вышла из комнаты. – Мне приснился еще один сон. Там было... – Шепот оборвался, и Дон обычным голосом закончил: – Потом.

– Расскажешь потом?

– Да.

– Хорошо, Дон. Значит, увидимся завтра. В десять часов. В моем кабинете.

– Хорошо. До свидания, шериф.

– Пока.

Положив трубку, Джим понял, что сам развод попался. Взрослому мужчине, шерифу полагалось бы давным-давно распрощаться с детскими страхами, но тем не менее ему было страшно. За окном кабинета была крошечная чернота, он мог видеть лишь собственное в нем отражение, и это напомнило ему особенно кошмарный сон, приснившийся на прошлой неделе. Мурашки пробежали по спине, и он вскочил, сообразив, что дежурные Джадсон и Пит находятся у самого выхода, а здесь, в глубине здания, он совершенно один. Он снова увидел обезображенные тела двух фермеров и выглядывающее из ямы лицо миссис Селвэй с капельками воды, подрагивающими на ресницах. Быстрым шагом Джим направился к двери кабинета.

Из коридора послышался негромкий шелестящий звук.

Джим замер, чувствуя, как окаменели все мускулы. Склонив голову, он прислушался, но сначала не услышал ничего, кроме гулких ударов собственного сердца. Потом шелестящий звук послышался вновь. Он перемещался из коридора в глубину здания. Джим вытащил пистолет, понимая, что ни одно человеческое существо не в состоянии издавать такие звуки, но при этом очень надеялся ошибиться. Досчитав до пяти, он рывком распахнул дверь.

Свет в коридоре оказался погашен, и он едва разглядел легкую темную тень, метнувшуюся за угол дальнего конца коридора. Выбросив перед собой руку с пистолетом, Джим ринулся туда. В коридоре было неестественно холодно, гораздо холоднее, чем способна создать любая система кондиционирования, и при этом пахло нечистотами или гнилыми овощами. Он вылетел за угол и... врезался в Джадсона Вейсса.

Помощник опрокинулся навзничь, судорожно взмахивая руками, и повалил стойку-пепельницу, из которой просыпался белый песок, но в последний момент сумел сгруппироваться и плюхнулся на задницу. Проехав несколько метров по кафельному полу, он наконец заметил в руке шерифа оружие и моментально выхватил свой пистолет.

– В чем дело?

От столкновения Джим сам едва устоял на ногах, но не упал, только отлетел к стене.

– Ты не видел, как здесь что-то бегало?

– Что?

– Что-то... – Он запнулся, внезапно сообразив, насколько нелепо все это может выглядеть, но тем не менее продолжил: – Что-то мелкое, темное, и звук, как метелка?

– Типа крысы, что ли? – недоумевающе уставился на него снизу вверх Джадсон.

– Ты ничего здесь не заметил? – широко обвел рукой пространство Джим.

– Нет, сэр.

– Ладно. – Джим сунул пистолет в кобуру. По обеспокоенному взгляду помощника Велдон догадался, как, должно быть, выглядит со стороны, и заставил себя улыбнуться, показывая, что все в порядке. – Видимо, я переутомился. Показалось, что кто-то пробежал у меня за дверью. Понятия не имею, что бы это могло быть. Подняв упавшую пепельницу, он водрузил наверх овальную емкость. – Пожалуй, надо поехать домой и немного поспать.

– Конечно, – кивнул Джадсон. – Мы с Питом дежури́м до утра. Если что случится – сразу вам позвоним.

– Да, – повторил Джим. – Пожалуй, съезжу домой. После результатов аутопсии никому из нас, наверное, не заснуть.

– Пожалуй.

– Ты наведешь здесь порядок? – кивнул Джим на песок, которым был засыпан весь кафель.

– Разумеется.

– Извини, что уронил тебя, – похлопал он помощника по плечу.

– Нет проблем, шериф.

Джим вернулся в кабинет за ключами. Он понял, что действительно слишком устал. Похоже, теряет контроль. Он хотел убедить Джадсона, что ничего не произошло, но на самом деле происходило что-то очень серьезное. Не имея никаких доказательств, никаких подтверждений своим опасениям, он просто на интуитивном уровне сознавал, что все происходящее в Рэндолле не может быть объяснено в рамках здравого смысла. Тем не менее, несмотря на все внутренние безосновательные подозрения, необходимо было проводить расследование, опираясь на стандартные полицейские процедуры, процедуры, которые автоматически предполагали, что все обстоятельства являются результатом обычных преступных действий, совершенных в обычной преступной манере. Может, это и к лучшему. Не имеет права исполнять обязанности шериф, который в своих действиях полагается на сновидения и видит то, чего на самом деле не существует.

Но Дон оказался прав насчет Селвэев. Джим вздохнул. Конечно, это, скорее, из области мистики, и тем не менее практически непостижимо, как может не существовать какой-то связи между таким количеством одновременно происходящих событий, тем более в таком маленьком тихом городке, как Рэндолл, в городке, где ежегодный уровень преступности находится практически на нулевой отметке. На его взгляд, связь, безусловно, существовала. У нескольких фермеров были убиты козы, и козью кровь использовали для осквернения городских храмов. Убиты двое фермеров из числа тех, у кого были убиты козы. И убит отец Селвэй, чья церковь была осквернена первой.

Нет, не убит. Убита его семья. Он до сих пор числится пропавшим без вести.

Джим прикрыл глаза. Снова накатила головная боль. Он понимал, что мыслит нерационально, его рассуждения некорректны, и чувствовал, что надо поделиться с кем-нибудь своими опасениями. С Джадсоном, с Питом. Или с Карлом. Но не мог себя заставить это сделать. Мыслями подобного рода делиться нельзя. Взяв ключи и шляпу, он направился к выходу, по дороге кивнул Питу, который дежурил у коммутатора, и вышел на улицу. Взгляд непроизвольно обшаривал все кусты, окружающие автомобильную стоянку, в поисках какого-нибудь движения. Перед тем, как открыть дверцу машины, Джим замер и прислушался.

Не заметив ни посторонних движений, ни звуков, он поехал домой, увозя свои тревоги с собой.

9

Церковные колокола зазвонили в установленном порядке, созывая публику на воскресную службу. Различные голоса смешивались, накладывались один на другой, создавая некое подобие душевной мелодии. Сидя в своем кабинете, Джим слышал колокола пяти из шести городских церквей. Три из них он узнавал на слух. В окно виднелись вершины Зубцов, над которыми плыли легкие белые облака. Во второй половине дня на их месте появятся тяжелые грозовые тучи. Все церкви, кроме одной, смолкли. Колокольный звон медленно таял в воздухе. Только на епископальной церкви прозвучало еще три удара, но наконец и она умолкла.

Джим повернул голову в направлении епископальной Церкви, но за деревьями ничего и не мог увидеть. Интересно, кто сегодня заменил на кафедре отца Селвэя? Он вспомнил об отвратительной манере поведения епископа и поморщился. Мелькнула мысль заскочить в церковь – посмотреть, как там дела, но в этот момент послышалась характерная сирена пожарной машины. Он наклонил голову, прислушиваясь. Звук сирены явно перемещался по Главной улице в направлении от Старой горной дороги. Быстро развернувшись, он щелкнул рычажком громкой связи на пульте, расположенном рядом с оружейной пирамидой.

– ...Ясеновый проезд. – Затем хриплый треск разрядов. – Сообщение о пожаре в доме Джона Уилсона, – ровно сообщал женский голос. – Южный Ясеновый проезд, двенадцать – тридцать четыре.

Уилсон!

Джим рванулся к выходу.

– Рита! У тебя есть адрес мальчишки, что приходил вчера? Дон Уилсон.

– Да, с удивлением откликнулась дежурная. – Но, кажется, я положила его вам на стол.

– Не важно! Ты помнишь, где он живет? На Ясеновом?

– Кажется, да...

Джим уже бежал на автостоянку, нащупывая в кармане ключи от машины. Через секунду, врубив мигалку и сирену, он вылетел на улицу, одной рукой срывая радиомикрофон с приборной панели. Щелкнув кнопкой аварийного пожарного канала связи, он рявкнул:

– Это Велдон! Срочно сведения о пожаре!

– Шериф! – слышался в автомобильных динамиках голос Натали Эрнст, невестки шефа пожарных Эрнста.

– Серьезный пожар, Натали?

– Машина туда только что прибыла. Сосед, который позвонил, сказал, что дом минут десять назад словно взорвался.

Десять минут назад. Он ничего не слышал.

– Как семья?

– Кто-то выбрался, но мы еще не знаем, кто именно.

– Не ребенок?

– Сомневаюсь, – после секундного колебания ответила женщина.

Джим свернул на Старую горную дорогу. Несколько пешеходов отпрянули на обочину, услышав завывание сирены. Он бросил микрофон.

– Шериф! – тщето зывала Натали. – Шериф! Джим вырубил связь и свернул на Ясеновый. Впереди уже виднелась квадратная желтая туша недавно приобретенной городом новой пожарной машины, перегородившей всю улочку. Из-за машины поднимались к небу густые клубы дыма, мешая разглядеть дом. Длинные шланги, как гигантские анаконды, тянулись вдоль дороги в эпицентр событий. Мужчина в пожарной робе, с каской на голове, вероятно, сам Эрнст, стоял посреди улицы и, властно жестикулируя, раздавал приказания.

Джим ударил по тормозам, выскочил из машины и подбежал к шефу пожарной команды.

– Что с ребенком? – закричал он на ходу.

– С каким ребенком? – непонимающе обернулся Эрнст. Лицо его уже было в саже.

Из ближайших домов уже высыпали соседи и стояли, сбившись в кучки, представляя собой странную смесь принаряженных по случаю воскресенья прихожан и облаченных в халаты домоседов. Все нервно оглядывались и приглушенно переговаривались между собой. Джим подошел к ближайшей группе.

– Вы знали Уилсонов? – кивнул он хорошо одетому пожилому мужчине.

– Не очень, – пожал тот плечами.

– А кто знал?

– Я нянчила Дона, – откликнулась дама, которая сжимала под горлом розовый махровый халат, стараясь, чтобы полуодетый вид не слишком бросался в глаза.

– Вы сегодня утром видели Дона?

– Я вышла из дома пару минут назад, – покачала головой женщина. – Вообще не знала, что происходит, пока не услышала сирену.

Джим перешел к стоящему особняком мужчине.

– Вы что-нибудь видели?

– Я слышал, что женщине удалось спастись, – ответил тот, не отрывая взгляда от клубов дыма.

– Вы ее видели?

Мужчина показал рукой на газон, где суеилось несколько человек.

– По-моему, она там. Ждут "скорую помощь". Джим быстро зашагал в указанном направлении и, уже не доходя, увидел за скоплением ног лежащее на земле тело, укрытое

простыней. Растолкав людей, он бросил взгляд на стонущие останки той, что была матерью Дона Уилсона. Сердце споткнулось при виде того, как она руками, больше похожими на обуглившиеся ветки, безуспешно пыталась прикрыть обгоревшее и почерневшее лицо от жара, которого больше не было. Звуки, вырывавшиеся из опаленного рта, с трудом можно было назвать человеческими. Из-под лохмотьев сгоревшей кожи сочилась сукровица.

Он отвернулся и направился на другую сторону улицы, где Эрнст пристраивал к машине пожарный рукав. Из дыма уже вырывались оранжевые языки пламени. – Шеф! – крикнул он. Эрнст коротко отмахнулся.

– Не мешай, Велдон, – резко бросил пожарный. – С удовольствием поговорю с тобой позже, но сейчас некогда. Мы должны погасить огонь.

Джим отошел, наблюдая, как Эрнст с напарником, подхватив брандспойт, побежали к горящему дому. Кто-то кричал, продолжая отдавать приказания.

Он тупо стоял один посреди улицы. Дон мертв, в этом нет никаких сомнений. Мальчик просто не смог выбраться из дома. Возможно, задохнулся во сне от дыма, а может, сгорел, пытаясь спастись. Джиму показалось, что в огне он видит какие-то фигуры. Похоже, с огнем удастся справиться. Нет, этот пожар – не случайность. Кто-то или что-то хотело смерти Дона. Потому что было известно, что мальчик приходил к нему, и его надо было убрать с дороги. Обойдя лужу, он двинулся к своему автомобилю. Необходимо проследить, чтобы Эрнст провел полное расследование причин пожара. Полномасштабное расследование о поджоге. Это умышленный поджог, и с ним надо разобраться.

Некоторое время он еще смотрел на останки дома Уилсонов, уже хорошо просматривающиеся, поскольку дыма стало гораздо меньше, и вспоминал маленького испуганного мальчика, который сидел у него в кабинете, нервно сжимая и разжимая кулачки и отбрасывая со лба свои слишком длинные пряди. Он практически не успел узнать этого мальчика, но он ему нравился. Он казался хорошим ребенком.

И без всякой связи вдруг вспомнил о своем сыне Джастине. Представил его жертвой умышленного поджога или какого-нибудь иного способа убийства, замаскированного под несчастный случай, и вздрогнул. Может, лучше отправить Аннет с детьми в Феникс, пусть проживут несколько дней у брата. Или несколько недель. Или столько, сколько потребуется, чтобы разобраться с этим кошмаром.

Он сел в машину и медленно поехал обратно. Сирену и мигалку он решил не включать. Поглядывая в зеркальце заднего вида на хаос и разрушения, вызванные поджогом, он чувствовал, как будто у него что-то отняли. В душе возникла пустота. До сего момента он даже не осознавал, какие большие надежды связывал с этим мальчиком, который был способен помочь ему разобраться со всем этим, дать какие-то новые подсказки, основанные всего лишь на сновидениях, каким-то образом помочь связать все эти внешне разрозненные события. Он надеялся, что мальчик будет с ним постоянно, будет вести его. Теперь он остался один. Теперь все зависит только от него и от его собственных дедуктивных способностей и возможностей положить всему этому конец.

Но он совершенно не представлял, что делать. Он просто медленно возвращался в свой офис.

10

Поездка в Феникс прошла самым обычным образом. Ни Гордон, ни Марина не испытывали особого желания беседовать, поэтому до шоссе Черного Каньона они доехали просто молча, слушая шорох шин и деланно веселые голоса утренних ди-джеев по радио. Они выехали рано, шоссе было пустынным. Оставалось только молча смотреть на проплывающие мимо скалистые утесы, глубокие ущелья и густые леса Коконино, и предаваться собственным мыслям.

В Долину они попали задолго до полудня и провели утро в Скоттсдэйле, разглядывая мириады дорогих магазинчиков на Пятой авеню, при этом откровенно и сознательно разговаривали исключительно о событиях третьестепенной значимости, абсолютно не связанных с предстоящими заботами.

Быстро и молча перекусив в открытом кафе псевдофранцузского стиля, они поехали дальше, в Феникс. В больницу.

Гордон с изумлением уставился на облупившуюся побелку ветхого здания административного корпуса больницы. Из салона машины ему не было видно верхней части здания, но несколько разбитых окон на третьем этаже он все-таки успел разглядеть. По низу, выходящему на улицу, затейливо вились неприличные надписи, сделанные из баллончика с краской. Окна первого этажа огорожены столбиками с цепями. Ему не приходилось раньше бывать в больнице Св. Луки, и внешний вид оказался для него полной неожиданностью. Гордон с опаской взглянул на Марину.

– Не предполагал, что тут все такое старое, – произнес он.

– Не волнуйся, – успокаивающе улыбнулась жена. – Это хорошая больница. А кроме того, нам вон туда, – показала она рукой за административный корпус, где возвышалось гигантское сооружение из стекла и бетона. – Настоящая больница – там. Думаю, этим они даже не пользуются.

Она оказалась права. Гордон заехал на стоянку и, следуя указаниям белых стрелок, нарисованных на асфальте, подрулил к новому крылу, где нашел место рядом со входом, по соседству с площадкой для лиц с ограниченными физическими возможностями. Они выбрались из джипа и вошли через раздвижные стеклянные двери в кондиционированное пространство больничного вестибюля. Марина села в мягкое кресло и взяла в руки журнал, в то время как Гордон решительным шагом направился по ковровому покрытию к столу регистратуры. Женщина в наушниках с микрофоном внимательно перебирала какие-то карточки.

– Прошу прощения, – кашлянув, обозначил свое присутствие Гордон.

– Чем могу помочь? – подняла голову женщина.

– Я привез жену на консультацию к доктору Каплан.

– Ей назначен прием? – спросила женщина, раскрывая большую амбарную книгу.

– Да, на час дня.

– Имя?

– Льюис. Марина Льюис.

Палец женщины заскользил вниз по строчкам и замер посередине страницы.

– Одну минутку.

Нажав кнопку на приборной доске, она заговорила в микрофон.

– Доктор Каплан? К вам миссис Льюис. – Пауза. – Да. – Опять пауза. – Хорошо, спасибо, доктор. – Женщина взглянула на Гордона. – Доктор Каплан ее примет. Сейчас спустится нянечка с креслом и отвезет ее в смотровой кабинет.

Гордон пересек вестибюль в обратном направлении. Марина по-прежнему читала журнал. За огромным разлапистым креслом на стене с недоделанными деревянными панелями висела в рамочке картина Дэна Наминги. Она так и не подняла голову, поэтому Гордону пришлось громко, нарочито прокашляться.

– Итак? – взглянув на мужа, с улыбкой спросила жена.

– Итак, сейчас появится нянечка и препроводит тебя к доктору Каплан. – Он усмехнулся. – Тебя принимают по полной программе.

– На каталке? – фыркнула Марина.

– Угадала, – рассмеялся Гордон, сел в соседнее кресло вежливо снял журнал с ее колен и положил на низенький столик. Потом взял ее руки в свои и заглянул в глаза. – Надеюсь, все будет хорошо.

– А ты не пойдешь со мной? – кивнув, спросила она.

– Не думаю, что мне разрешат. Кроме того, мне надо заполнить бумаги на страховку и все такое. Я подожду тебя здесь.

– Ты просто боишься, – весело улыбнулась жена.

– Ты права, – улыбнулся он в ответ.

– Слабак!

Худенькая пожилая нянечка в традиционном белом халате и белой шляпке появилась из распашных дверей рядом с регистратурой, толкая перед собой кресло на колесиках. Посмотрев на табличку, которая была при ней, женщина громко произнесла, оглядывая вестибюль:

– Миссис Льюис!

– Это тебя, – сказал Гордон. Он встал и подошел вместе с женой к креслу. Некоторое время они молча смотрели в глаза друг другу, прекрасно понимая мысли и чувства другого, потом она крепко обняла его.

– Не волнуйся. Все будет хорошо. Садясь в кресло, она улыбнулась, но улыбка вышла не столь беспечной, как раньше, с легким оттенком грусти.

– Будем надеяться, – добавила она, подняв два скрещенных пальца.

Нянечка укатила ее в глубины больницы. Улыбка сползла с лица Гордона тотчас же, как за ними захлопнулись створки дверей. Чувствуя усталость и эмоциональную опустошенность, он подошел к регистратуре. Господи, только бы асе было хорошо. Внутренний голос твердил, что анализы Марины окажутся плохими, мозг требовал готовиться к худшему, но какая-то часть сознания хотела верить в лучшее и Надеялась на лучшее.

От женщины за столом регистратуры он получил стопку форм в двух экземплярах, ручку и направился к ближайшему креслу. Усевшись, он покрутил головой, стараясь снять напряжение в шее, и на несколько секунд прикрыл глаза. Потом пробежал взглядом бумаги и принялся заполнять первый лист.

– "Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей".

При звуках глубокого ораторского голоса Гордон оторвал взгляд от лежащих на коленях бумаг и увидел стоящего перед собой высокого, в деловом костюме мужчину, прижимающего правой рукой к груди книжку в черном переплете, похожую на Библию. В опущенной левой руке мужчина держал стопку тоненьких брошюр. Седеющие волосы были коротко и аккуратно подстрижены и зачесаны на пробор. Лицо выглядело почти приятным. Но черные, бездонные глаза светились яростным, фанатичным напряжением. Еще Гордон заметил, что булавка его галстука была выполнена в форме креста.

– Книга Бытия, глава третья, стих шестнадцатый, – добавил мужчина.

– Не интересуюсь, – короткоотреагировал Гордон. Опустив голову, он вновь погрузился в бумаги, надеясь, что человек уйдет восвояси. Но незнакомец неожиданно сел в соседнее кресло. Гордон продолжал писать, пытаясь не обращать внимания, но остро чувствовал присутствие этого человека и был уверен, даже не поднимая головы, что эти горящие черные глаза просто впились в него. Примерно через минуту он все-таки поднял голову. Разумеется, мужчина продолжал пристально смотреть на него.

– Что вы хотите? – спросил Гордон.

– Мое имя брат Элиас, – ответил мужчина. – Я хочу помочь вам.

– Мне не нужна ничья помощь, – отрезал Гордон и вернулся к заполнению страховки.

– Нужна. Ваша жена собирается рожать. Возникнут проблемы.

Гордон, потрясенный и, помимо воли, слегка испуганный, вскинул голову.

– Что вы хотите сказать? Кто вы такой, черт побери?

Брат Элиас обезоруживающе улыбнулся и взялся рукой за булавку галстука.

– Вы не задумывались, – заговорил он, – что если бы Христос принял смерть от ножа, а не на кресте, мы бы сегодня поклонялись ножу? И эта булавка была бы в виде ножа. – Он выразительно взмахнул рукой. – И над входами наших церквей висели бы изображения ножа.

Шизофреник, подумал Гордон. Трудно было сказать, был ли брат Элиас бывшим хиппи, который обратился к Христу, потому что поехала крыша, или сбившимся с пути фундаменталистом, но одно Гордон почувствовал наверняка: этот человек – отнюдь не ординарный любитель поразлагольствовать о Библии. Гордон взял ручку, сложил листки бумаги и встал с намерением пересест в другое кресло.

Брат Элиас поднялся одновременно с ним.

– Я знаю, что постигло вас и ваших близких, и я хочу помочь вам, – проговорил брат Элиас. – Вы страдаете за прегрешения нечестивцев. – Он быстро опустился на колени и протянул руку, стараясь увлечь Гордона за собой. – Встаньте и молитесь со мной, и мы все исправим.

Гордон отпрянул и встряхнул головой, с изумлением глядя на коленопреклоненного.

– Нет.

– "Поле есть мир; доброе семя, это – сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого. Враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века". От Матфея, глава тринадцатая, стих тридцать девятый.

Гордон огляделся, нет ли кого в вестибюле, кто мог бы видеть эту сцену. Но те немногие, что сидели, глубоко погружившись в мягкие кресла, либо смотрели сквозь затемненные окна на улицу, либо себе под ноги, полностью погружившись в свои собственные беды и тяготы. На брата Элиаса никто внимания не обращал.

– Хвалите Иисуса! – воскликнул брат Элиас и склонил голову. – Хвалите Господа!

Почему этому психу вздумалось прицепиться именно ко мне, недоумевал Гордон.

Брат Элиас поднял голову:

– Если бы Христос был повешен, а не распят, мы бы сегодня поклонялись петле.

Гордон направился к регистратуре и постучал костяшками пальцев по белой столешнице, чтобы привлечь внимание женщины в наушниках.

– Простите, мисс, но этому человеку полагается находиться здесь? – кивнул он в сторону брата Элиаса, все еще стоящего на коленях на полу вестибюля.

Женщине хватило одного взгляда на солидно одетого проповедника с Библией и стопкой брошюр, чтобы нажать красную кнопку на приборной доске.

– Охрана! – произнесла она в микрофон. – Его преподобие опять здесь. Вы не могли бы его проводить из здания больницы?.. Спасибо. – Посмотрев на Гордона, она кивнула, показывая, что сейчас все уладят.

Гордон вернулся к своему креслу, но на сей раз брат Элиас не стал садиться с ним рядом.

– Молитесь, – бросил он, спокойно направляясь к стеклянным раздвижным дверям главного входа. Потом обернулся и добавил: – Молитесь за вашу жену. Молитесь за вашу дочь. "Ибо я пришел восстановить сына против отца своего и дочь против матери своей". – Черные зрачки на секунду впились в глаза Гордона, и он исчез, вышел из здания ровно в тот момент, как из другой двери в вестибюле появились двое охранников.

Гордон снова взял ручку и стопку формуляров.

Сверху лежала дешевая брошюрка. На обложке крупными жирными буквами значилось:

САТАНА ИСПОЛЬЗУЕТ ВАС! ОН УЖЕ ЗДЕСЬ!

Не затрудняя себя чтением брошюры. Гордон скомкал ее и бросил в большую урну, расположенную по соседству с креслом.

Ему надо было заполнить документы медицинского страхования.

* * *

Было почти четыре часа, когда наконец из распашных дверей появилась Марина на каталке, которую везла уже другая нянечка. Гордон, покойно расположившийся в кресле у окна, выходящего на улицу, немедленно встал при ее появлении. Она выглядела усталой, но на лице блуждала улыбка. Увидев его, она быстро встала с кресла.

– Хорошие новости, – заявила она.

– Правда? – не веря своим ушам, переспросил Гордон. Он готовился к самому худшему, и это заявление застало его врасплох.

– Я так думаю. Предварительные анализы обнадеживают. Но наверняка мы сможем узнать только завтра. – Она улыбнулась и подмигнула. – Советую начать думать над именем девочки.

– Ты уверена?

– Шутка.

– Что, действительно все в порядке?

– Похоже на то, – рассмеялась Марина. Он крепко обнял ее и поцеловал.

– Это дело надо отметить, – заявил Гордон. – Поехали пообедаем в каком-нибудь шикарном ресторане.

– Не стоит, – покачала головой Марина. – На самом деле, я не очень хорошо себя чувствую. Все эти анализы, понимаешь... – Она закатила глаза, оставив фразу недосказанной. – Давай лучше поедем домой.

– Может, лучше нам остаться переночевать в Вэлли и вернуться сюда утром?

– Тебе завтра на работу.

– Скажусь больным. Брэду все равно. Она посмотрела на него так, словно услышала несусветную чушь.

– Согласен, – с улыбкой кивнул Гордон.

– А кроме того, нам теперь надо экономить, если мы хотим быть достойными родителями.

Он вспомнил о том, что она не так давно говорила насчет аборта, и решил было спросить об этом, но передумал.

– Намек понял, улыбнулся Гордон и подал жене согнутую в локте руку. – Тогда лучше поехать, если хотим до темноты попасть домой.

Под руку они вышли из вестибюля на стоянку. Несмотря на близость вечера, температура зашкаливала далеко за тридцать. Солнце еще стояло высоко в ясном безоблачном небе. В фениксе не бывало муссонов, избавляющих от палящей жары. Они сели в машину и осторожно прислонились к спинкам сидений. Раскаленные виниловые чехлы чувствовались даже сквозь одежду. Гордон опустил окно и включил на полную мощность кондиционер, спеша разогнать застоявшийся адски раскаленный воздух. Он уже взмок от пота.

– Слава Богу, что мы не живем здесь, – сказала Марина.

– Это точно.

Они выехали на Вашингтон-авеню и направились на запад, в сторону шоссе Черного Каньона.

Спустя несколько минут они миновали брата Элиаса, который в своем деловом костюме спокойно стоял на обочине, пытаясь поймать попутную машину. Проповедник, глядя прямо в глаза Гордону, улыбнулся и помахал рукой.

Откуда он знает мою машину? – подумал Гордон, но проехал мимо, не снижая скорости. Казалось, жгучий взгляд черных глаз проник сквозь лобовое стекло и пронзил его насквозь. Марина ничего не заметила.

Выехав из Феникса, они остановились в "Молочной Королеве", где как следует перекусили перед долгой дорогой домой.

11

Пожилая миссис Перри собралась рожать. Фил Джонсон, директор рэндоллского дома престарелых, перечитал докладную врача, покачал головой и швырнул измятую скрепку в корзинку для бумаг. Немыслимое дело! Женщине далеко за восемьдесят. Явное старческое слабоумие. В лучшие дни и то едва адекватна. В худшие – старуха, бубнящая себе под нос, как младенец.

Он вздохнул, встал, закрыл папку и положил ее в верхний ящик, в компанию еще с несколькими. Потом выключил настольную лампу и двинулся по стерильно-белому коридору к комнате миссис Перри. Медленно и осторожно он открыл дверь. В полумраке комнаты слышалось хриплое дыхание. Судорожно вздымалась мертвенно-бледная грудь. Женщина спала, подложив под спину несколько подушек, отчего характерно вздувшийся живот выпирал еще более явственно. Фил вгляделся в лицо. Узенькая полоска жидкости стекала из маленького носа по усам и заканчивалась на потрескавшихся пересохших губах. Даже во сне ее что-то беспокоило. Вздернутые брови, морщины на лбу, рот, искривленный в болезненной гримасе.

Фил Джонсон еще раз покачал головой. Как она могла забеременеть?

С кем, черт побери, она могла переспать?

И только сейчас он осознал всю дикость этого вопроса.

Какому идиоту могла прийти в голову мысль заняться сексом с восьмидесятилетней старухой?

Да и как могла возникнуть беременность? У старухи давным-давно закончились все женские дела. Оплодотворение просто физически невозможно.

Однако доктор Уотерстон несколько раз и весьма тщательно проверял ее. Вздутие живота возникло не от переедания, неправильного питания, какой-то болезни или множества прочих возможностей, которые рассматривались изначально. Оно возникло в результате роста живого

зародыша в ее организме.

Фил тихо вышел из комнаты, прикрыл за собой дверь и пошел по коридору на кухню, где у них находилась кофеварка. Он сам виноват, что дело зашло так далеко. Он должен был обратить внимание раньше, должен быть более внимателен к ней, должен был...

Но в доме престарелых много других пациентов, которые тоже требуют постоянного внимания. Слишком много. При такой нехватке сотрудников вообще чудо, что не возникает более серьезных проблем.

Делать аборт слишком поздно. В своем докладе доктор Уотерстон написал, что на этой стадии беременности подобная процедура может почти наверняка оказаться смертельной как для матери, так и для плода. С учетом возраста миссис Перри и ее слабого физического состояния летальный исход практически неизбежен.

Фил вошел на кухню, взял из стопки пластиковый стаканчик и нацедил себе кофе. В помещении было темно, но он не стал включать лампу. Достаточно света из коридора. Углы кухни терялись во мраке. Представив себе, на что может быть похож несчастный младенец, Фил поежился и передернул плечами.

Давно, еще во время службы в армии, он, как медик, помогал принимать роды примерно у такой же пожилой женщины в маленьком итальянском городке. Это было не самое приятное зрелище. Ребенок появился на свет жутким уродцем, едва различимым в кровавом последе, и умер почти мгновенно. После этого его несколько лет мучили ночные кошмары.

Проглотив полстаканчика тепловатого кофе, он налил себе еще. Лунный свет падал через неплотно задернутые занавески, освещая циферблат настенных часов над холодильником. Часы показывали два тридцать. Он мысленно отнял час, прибавил десять минут и получил истинное время – час сорок. До очередной процедуры миссис Стоу – четыре часа двадцать минут. Можно и прикорнуть.

Допив кофе, он перешел из кухни в свою спальню. Поставив маленький будильник на шесть утра, он присел на кровать и начал снимать обувь.

Резкий вопль разорвал ночную тишину дома.

Фил вскочил, совершенно не понимая, что происходит. Вопль повторился – дикий нечеловеческий крик физической боли. Фил выбежал в коридор. Инстинктивный страх исчез так же быстро, как и появился, уступив место отточенному чувству профессионального долга. Вопль доносился из комнаты миссис Перри. Толкнув дверь, он влетел внутрь.

Старуха сидела на постели. По искаженному болью лицу из широко раскрытых остановившихся глаз лились слезы; из разверстого рта вырывался безостановочный крик.

– Что случилось? – крикнул Фил. – В чем дело?

Понимая, что ждать ответа бесполезно, он подскочил к женщине и сдернул покрывало.

И на мгновение оцепенел.

Постель была в крови. Кровь лилась из промежности, образуя на простыне быстро увеличивающийся полукруг.

Женщина собралась рожать.

Фил слегка подтолкнул ее, показывая, что лучше лечь на спину. Стараясь не удариться в панику, он начал объяснять, что все будет хорошо, ей только надо расслабиться. К этому времени в коридоре уже собралась толпа, и он крикнул, чтобы кто-нибудь позвонил доктору Уотерстону. Джон Джекобс, отставной военный летчик и наиболее физически сильный из обитателей дома, быстро пошел выполнять поручение.

– Все будет хорошо, – повторил Фил, оборачиваясь к пожилой женщине. – Не волнуйтесь.

Но сам он в этом не был уверен. Судя по всему, она уже потеряла слишком много крови, и это выглядело ненормальным. Кровь продолжала литься из промежности. Глубоко вздохнув, он одной рукой придавил к кровати ее костлявую грудь, а другой попытался раздвинуть ноги.

Роды шли вовсю.

У Фила перехватило горло. Головка младенца, уже полностью вышедшая из отверстия, безжизненно болталась на слишком тоненькой шейке. Очевидно, своими паническими телодвижениями миссис Перри просто сломала ему шею. Задержав дыхание и глядя в сторону, чтобы самому не удариться в панику, он просунул руку в межножье и подвел ладонь под голову младенца. Она оказалась мягкой, липкой и скользкой – как пульсирующий кусок кишки.

Подавив чувство омерзительного отвращения, Фил потянул на себя.

Младенец легко выскользнул наружу.

– Полотенце! – крикнул Фил. – Подайте мне полотенце!

Какая-то женщина протянула простыню, и он обернул новорожденное существо, вытирая кровь. Потом приложил ухо к маленькой грудке, но не услышал ни дыхания, ни сердцебиения. Младенец не шевелился. Повинуясь инстинкту, Фил шлепнул ладонью по попке и начал надавливать на живот, пытаясь заставить его вздохнуть. Когда это не помогло, он прижался губами к маленькому роту и с силой выдохнул воздух. Он почувствовал на языке тошнотворно резкий вкус крови и ощутил запах тухлятины, от чего его чуть не стошнило. Однако Фил смог подавить рвотный рефлекс и продолжил делать искусственное дыхание рот в рот.

Через пару минут, устав и запыхавшись, он прекратил это занятие и приложил ухо к груди младенца.

Тишина.

Он с силой пару раз сжал костлявую грудную клетку, надеясь этим оживить сердце, и снова начал делать искусственное дыхание.

Впрочем, это было бесполезно. Он уже понял, что все бесполезно.

Младенец был мертв.

Сделав еще несколько отчаянных попыток оживить мертвое тельце, Фил сдался. Выпрямившись, он отер пот со лба и наконец взглянул на ребенка. Это была девочка. Точнее, могла бы стать девочкой. Лицо, как он и боялся, как уже понял, было страшно изуродовано. На лице был лишь один широко раскрытый глаз, а носа вообще не было. Рот заехал почти вертикально на правую щеку. Ручки и ножки ужасающе перекручены.

Накрыв младенца простыней, Фил поднял голову. Пока он пытался оживить его, прибежала Джилл. Она стояла у изножья кровати, полуодетая, но полностью проснувшаяся, с озабоченным выражением социального работника на лице. Фил попросил ее последить за миссис Перри до прихода доктора Уотерстона.

– А вы, – махнул он рукой собравшимся зрителям, – все быстро в постель. К утру мы тут со всем разберемся, а в десять часов приходите в гостиную. Я отвечу на все ваши вопросы.

Пациенты неохотно зашаркали по коридору, разбредаясь по своим комнатам и негромко переговариваясь между собой. Фил подхватил мертвое тельце и отнес в изолятор. Там он положил его на длинный металлический стол, тянувшийся вдоль всей южной стены помещения, проверил, хорошо ли оно завернуто, и вернулся помогать Джилл. Через пятнадцать минут приехал доктор.

– Что у вас стряслось? – выпалил он с порога.

– Миссис Перри родила.

– Что за бред! Ей еще месяц до срока, – возмутился Уотерстон, быстрым шагом направляясь к известной ему комнате. Фил только пожал плечами, не найдя слов.

– Почему не позвонили мне раньше? – продолжал доктор. – Когда начались схватки?

– Не было никаких схваток, – ответил Фил. – После полуночи я заглядывал к ней проверить, она спала крепким сном. Успел после этого выпить стакан кофе, она начала кричать, я прибежал и увидел, что она вся в крови.

– Что вы делали?

– Она сидела. Я уложил ее, потом раздвинул ноги и посмотрел. И увидел, что головка ребенка уже наполовину вышла.

– Так не бывает.

– Тем не менее. Мне показалось, что у ребенка сломана шея.

Они вошли в комнату миссис Перри. Доктор быстро достал из саквояжа иглу, шприц, протер руку женщины спиртом и сделал укол. Лекарство подействовало почти мгновенно, и потное, искаженное от боли, залитое слезами лицо старой женщины расслабилось. Она впала в забытие.

Доктор Уотерстон принялся осматривать мать. Послушал сердце, легкие, приподнял веки и заглянул в зрачки, тщательно обследовал расширенную вагину, после чего обернулся к Филу.

– Давайте посмотрим младенца.

Фил, ни слова не говоря, повел доктора по коридору в изолятор. Открыл дверь, включил свет... и увидел, что ребенок исчез.

– Что за черт?..

Он подбежал к тому месту, куда положил мертвое тельце. Окровавленная простыня валялась на полу, но ребенка нигде не было.

– Вы здесь оставили младенца? – послышался за спиной голос доктора. Фил кивнул.

– Не представляю, кто мог... не понимаю, зачем кому-то могло понадобиться... – Он проглотил комок в горле, мысленно представив деформированное лицо и перекрученные конечности. – Неужели кто-то из наших пациентов? – в полной растерянности бормотал Фил, перебирая список своих наиболее психически неуравновешенных обитателей дома.

Доктор наклонился, внимательно изучая линолеум на полу.

– Возможно, – негромко произнес он. – А возможно, и нет. – Выпрямившись, он показал на маленькую лужицу крови, оставшуюся на металлическом столе после младенца. В крови были отчетливо видны следы когтей. А от смятой простыни по полу тянулись бледно-розовые следы маленьких ножек.

12

– Я бы тоже перепугался, – кивнул Брэд, затаскивая последний ящик пепси в кузов грузовика. Потом вылез и захлопнул металлическую дверь. – И вообще я бы на твоём месте на этих подонков в суд подал.

– Неизвестно, на кого подавать, – покачал головой Гордон. – А кроме того, и предъявить-то нечего. Анализы показали, что у Марины все в норме. Даже если на нее что-то и подействовало, мы ничего не можем доказать. – Взяв со стола шляпу, он нахлобучил ее на голову, спрыгнул с бетонного дебаркадера и пошел в кабину, на свое пассажирское место. Брэд запер склад, обошел вокруг машины и сел за руль.

– Вдобавок ко всему, – заметил Гордон, сдвинув набекрень шляпу и почесывая голову, – сегодня приснился просто жуткий кошмар.

– Понятное дело.

– Точно уже не вспомнить, но что-то связано с моими кухнями и гигантским чудовищным пауком.

– Знаешь, что это означает? – ухмыльнулся Брэд. – Это значит, что ты пидор.

Гордон рассмеялся.

Грузовик вырулил на Кедровую, потом свернул на Главную. На крутом повороте левое заднее колесо занесло, оно попало в яму, Гордон уже приготовился услышать звук лопнувшей покрышки, однако вопреки неизбежному машина благополучно миновала опасный участок и покатила по асфальту.

– Думал, на этот раз нам хана, – усмехнулся Гордон.

– Шутишь! Эту старушку так просто не возьмешь, – откликнулся Брэд, хлопывая по баранке. Широкая ладонь случайно задела кнопку сигнала, послышался громкий гудок. Идущая по встречной полосе "тойота" посигналила в ответ. Брэд от души придавил кнопку еще раз, посылая долгий пронзительный звук, и выставил в окно средний палец.

– Мы тебе и не собирались гудеть, козел! Грузовик выехал на шоссе и направился к южной окраине города. Сегодня им предстояло объехать бензоколонки, винные лавки и точки быстрого питания в пределах города. Как всегда – с юга на север, с запада на восток, по большим улицам и переулкам.

Бензоколонка братьев Витингов располагалась на южной оконечности города.

– Значит, говоришь, то, что случилось с ребенком Джули Кемпбелл, как-то с водой связано? – продолжил разговор Брэд.

– Ничего другого в голову не приходит, – пожал плечами Гордон.

– Мерзавцы, – в сердцах бросил Брэд.

Они подъехали к бензоколонке. Брэд остановил машину рядом с разукрашенным деревянным столбом для коновязи, напоминающим о давних исторических временах, и изо всех сил потянул ручной тормоз. Автозаправочная станция Витингов находилась у подножия одного

из холмов, окружающих город, но уклон был весьма заметным. Однажды Брэд забыл это сделать, и машина покатила прямо на них. После этого он всегда проверял, поставил ли машину на ручной тормоз.

– Я когда-то крутил с сестренкой Джули, – сказал Брэд.

– С Джун? – приподнял брови Гордон. – А я и не знал.

– Ну, это было давно. Еще до того, как мы с Конни познакомились. – Они уже вышли из машины. Брэд взялся за засов, собираясь открыть заднюю дверь, но задумался, глядя на красно-бело-синий логотип "Пепси", украшающий борт машины. – Пригласил ее на мой выпускной вечер. А потом пудрил ей мозги в машине. Первая телка в моей жизни. Где-то даже фотография должна быть.

– Как ты ей мозги в машине пудрил? – усмехнулся Гордон. – Должно быть, то еще зрелище!

– Нет, чудила. С нашего выпускного.

– А что с ней дальше стало? Я слышал, Джули как-то рассказывала про сестру, но мне, наверное, не приходилось ее видеть. Она здесь где-то живет?

– Вышла замуж за какого-то деревенщину, – хмыкнул Брэд с лязгом отодвигая запоры двери. – Кажется. То ли за строителя из Прескотта, то ли еще. кого. – По выражению его лица Гордон понял, что тема закрыта. – Они всегда берут как минимум один ящик обычной пепси. Отнеси, а я пойду узнаю, что им еще нужно.

Брэд скрылся в дверях здания станции. Значит, Брэд до сих пор неровно дышит в сторону сестренки Джули. Надо будет рассказать Марине, подумал Гордон. Вот позабавится.

Подхватив большой ящик пепси, он, кряхтя, потащил его в здание.

После того как все бензоколонки на южной окраине города, а также винная лавка Марти получили в необходимом количестве ящики пепси, диет-пепси и пепси-лайт, они вернулись на склад, загрузились по новой и отправились на второй круг. Первой точкой была бензозаправка Чара Клифтона.

– Вашей страховки хватит оплатить врачей? – вдруг спросил Брэд.

– Придется, конечно, выгрызть из них зубами, – признался Гордон, – но вчера я изучал наш полис и понял, что большую часть он покрывает. Разумеется, двести долларов вычетов. Придется их как-то наскрести.

– Знаешь что я тебе скажу? – медленно произнес Брэд, почесывая бороду. – Хочу дать тебе сотню премии за этот месяц. Пригодится.

– Серьезно? – не смог скрыть удивления Гордон.

– А что такого? – хмыкнул Брэд. – У нас горячий сезон. Летом мы неплохо заработали на туристах, которые шляются по озерам. И ты вообще хорошо работаешь. Я бы сказал – за двоих пашешь этим летом.

– Даже не знаю, что сказать.

– А и не надо ничего говорить. Лучше бери ящик. – Брэд наступил на обтянутую резиной цепь, которая приводила в действие колокольчик в помещении, и двинулся в офис, перелистывая свой блокнот с заказами. – Надо посмотреть, может, вообще смогу тебе поднять зарплату. У вас будут большие расходы. Дети нынче дорого стоят.

Гордон только молча посмотрел ему вслед.

* * *

О ребенке миссис Перри он услышал в столовой Пита. Это был пересказ из пятых или шестых рук, но Гордон, услышав слова "младенец" и "родился мертвым", замер, опустил ящик и прислушался. Двое мужчин сидели за столиком, пили кофе и ели жареные ломтики картошки, макая их в кетчуп. Тот, кто рассказывал, был похож на завсегдатая – обычный пенсионер из тех, что бродят из одной забегаловки в другую, чтобы пообщаться с себе подобными. На нем были потертые джинсы и выгоревшая от солнца рабочая рубаша. Мужчина был почти лыс; на соседнем пластиковом стуле расположилась его соломенная ковбойская шляпа. Его собеседником был примерно ровесник Гордона в замасленном комбинезоне механика.

Брэд, обратив внимание на застывшего Гордона, тоже подошел послушать.

– Старухе лет девяносто или девяносто пять, – говорил пожилой мужчина. – Они сами не понимают, как ей удалось забеременеть. Но факт налицо. Перебудила своими воплями весь дом, и прежде чем к ней успели прибежать, уже родила. Парень, который мне это рассказывал, сказал, что детеныш сам выполз.

– Говорили же, что мертвым родился? – переспросил молодой.

– Так и есть. К тому же урод. Даже на человека не похож. Они отнесли его в другую комнату, пока занимались старухой, а когда вернулись – ничего не нашли. Он исчез.

– Установили, кто его украл?

– Нашли несколько отпечатков, – кивнул рассказчик и добавил, понизив голос: – Не человечьи.

– Да ну?

– Раздвоенное копыто Зверя! – Старик отхлебнул кофе. – Брайан, это парень, который мне рассказывал, сказал, что думает написать в "Нэйшнл Инкуайер" или еще куда-нибудь. Их интересуют такого рода события.

– Можно много баксов на этом огрести, – кивнул механик.

– Это точно.

Во вторую часть истории Гордон не поверил, но первую воспринял как чистую правду. Даже самые дикие преувеличения имеют под собой вполне реальную почву. Взглянув на Брэда, он подошел к мужчинам. Слух о том, что в Рэн-долле появился еще один мертворожденный ребенок-уродец, его сильно встревожил.

– Прошу прощения, – кашлянув, заговорил Гордон. – Случайно услышал. О чем вы говорите...

– Да, необычное дело, – радушно кивнул старик.

– Я бы хотел узнать, где и когда это произошло. Не могли бы вы рассказать мне все, что вам об этом известно? Где вы об этом слышали?

Старик неспешно обмакнул в кетчуп ломтик картофеля, положил в рот, запил глотком кофе, после чего сообщил:

– Услышал я от Брайана Стивенса. А произошло это нынче ночью в рэндоллском доме престарелых.

Он помахал над головой пустой чашкой, показывая официантке, что пора повторить.

– Этой ночью?

– Да. Жена Брайана там работает. Она видела своими глазами.

– Древняя старуха, – подключился к разговору Брэд. – Что можно было ожидать? Что она в девяносто лет произведет на свет здоровое голубоглазое чудо?

Брэд, конечно, прав. Ситуация вполне объяснима с учетом возраста. У женщин, рожаящих после сорока, дети нередко появляются либо с задержкой умственного развития, либо с физическими недостатками. Данный случай как раз из такого числа. Тем не менее рассказ его сильно обеспокоил. Ему ничего не было известно, кроме того, что рассказал этот пожилой мужчина, и три четверти этого можно спокойно списать на преувеличение, но какое-то странное, внутреннее чутье подсказывало, что проблема ребенка никак не связана с возрастом матери.

– Ну ладно, – напомнил Брэд. – Пора за работу.

– Да, конечно, – откликнулся Гордон. – Благодарю вас, – кивнул он мужчинам, сидящим за столиком.

– Не за что. – Старик распечатал пакетик сахара, половину высыпал себе в чашку, а оставшееся – в грязную янтарную пепельницу. – Рад был помочь вам.

Гордон направился вслед за Брэдом к грузовику. За спиной механик заговорил про Зверя.

– Не нравится мне это. Очень не нравится.

– Понимаю, – кивнул Брэд. – Только я бы не твоим местом не придавал этому большого значения. Ее смотрели врачи, провели анализы, сказали, что все в норме. Что бы там ни было, похоже, на твою половину это никак не подействовало.

– Ох не нравится мне все это, – повторил Гордон, покачав головой, и понес в столовую очередной ящик пепси.

13

Кошечка была само очарование. Это было единственное подходящее к ней слово, хотя Марина его терпеть не могла. Очарование. Даже в окружении бродячих беспородных котов, сидящих в металлических проволочных клетках на задворках Общества по спасению животных, кошечка не утратила присутствия духа; она просто светила, как маяк среди серого бурного моря. Светло-серая шкурка выглядела чистой и пушистой; головку обрамлял тоже пушистый меховой воротничок. На широкой мордочке весело и с любопытством светились широко расставленные и идеально круглые зеленовато-желтые совиные глаза. Красный ротик, полный белоснежных детских зубов, испускал едва слышимый, но проникающий до глубины души писк. Марина осторожно просунула между прутьев клетки палец. Котенок моментально подбежал, обхватил палец передними лапками и демонстративно принялся его грызть. Марине стало щеотно. Рассмеявшись, она отняла палец и сообщила сопровождавшему ее сотруднику:

– Я беру ее.

– Десять долларов, включая налоги, – невозмутимо ответил мужчина.

– Прекрасно, – улыбнулась Марина и опять сунула в клетку палец. Котенок ухватился за него и принялся кусать.

Заполняя соответствующие бумаги и расплачиваясь при выходе, Марина уже начала подыскивать подходящее имя своему приобретению. Клички типа Коко или Принцесса ей определенно не нравились, равно как и все подобные приторно-сладкие клички, которые любят давать кошкам старые девы и юные девочки. Мисси, Квини и прочие уменьшительные на "и" тоже никуда не годились. Может, Алфальфа – по имени персонажа из "Маленьких мошенников". Или Хортон – в честь слона доктора Зюсса. Или даже Франсуа – в честь Трюффо.

Сотрудник принес котенка и спросил, нужна ли Марине коробка, в которой довезти животное до дома, но она отказалась, сказав, что повезет его так. Мужчина передал ей пищущий комочек серенького пушистого меха, и она взяла его на руки, как ребенка. Котенок легонько укусил ее за палец и замурлыкал.

Дракула. Вот подходящее имя.

Нет, Влад. В честь Влада Импалера, как изначально звали Дракулу.

Она посмотрела на серую пушистую мордочку.

– Привет, Влад!

Котенок тоже посмотрел на нее и опять укусил за палец. Дорогу домой Влад провела, обследуя автомобиль. Она заползала под сиденья, запрыгивала на приборную доску и провела некоторое время, занимаясь бог-знает-чем в самом задку джипа. Марина вела машину, краем глаза стараясь постоянно следить за кошечкой. Очень не хотелось, чтобы она застряла где-нибудь между сиденьями, попыталась выпрыгнуть или еще что.

Приехав, она выловила котенка из ящика с запчастями и быстро понесла домой. Там она опустила ее на деревянный пол в кухне. Влад сначала подозрительно огляделась по сторонам, но скоро забыла о своих страхах и пошлепала на толстеньких коротких лапках исследовать гостиную.

Полдня Марина только и делала, что ходила за своим новым приобретением, стараясь не пускать ее в запретные места типа диванов. Она брала котенка на руки, говорила "нет" и отпускала в каком-нибудь другом месте. Потом налила блюдечко молока и только после этого вспомнила, что не купила никакого специального корма для кошек. Пришлось открыть банку консервированного тунца. Надо будет попросить Гордона озаботиться кошачьим питанием.

Из старой картонки от пепси она соорудила кошачий туалет и насыпала в нее земли из сада.

Около трех часов она взяла Влада, села в джип и поехала в город за Гордоном. Остановив машину перед складом, она посадила кошечку на колени и принялась ждать. Через несколько минут Гордон распахнул дверцу джипа и плюхнулся на сиденье.

– Черт побери, как же я устал. Руки просто отваливаются.

Марина промолчала.

– Чего ты ждешь? – с удивлением поинтересовался Гордон. – Поехали. – И только после этого заметил приютившийся на коленях маленький серый клубочек. – А-а, нового засранца

приобрела?

– Ну что ты такой грубый! – стукнула она мужа кулаком по плечу.

– Наверное, потому что целый день с Брэдом общался, – усмехнулся Гордон. – Ты бы тоже так заговорила. Ну ладно, дай поглядеть на парнишку. – Он протянул руку, Марина передала котенка. – А ничего, симпатичный, – заявил Гордон, разглядывая кошачью мордочку.

– Только это не "он", а "она". А зовут ее Влад.

– Влад? Это же мужское имя. Почему ты ее так назвала?

– Дай ей палец – узнаешь.

Гордон послушно протянул указательный палец, и Влад тут же вцепилась в него когтями и зубами. Гордон рассмеялся.

– Все ясно.

Посадив котенка на колени, он потрепал шкурку. Она перевернулась на спину и замолотила лапками. Гордон поднес к ней ладонь. Кошечка попыталась ее укусить.

– Да ты просто настоящий боец, да?

Влад ответил очередным укусом. Они поехали домой.

14

Белый джодж "Дарт", бампер и стекла которого были покрыты тонким слоем красноватой пыли, катил по егерской лесной дороге по направлению к Осиновому озеру. Стекла машины были закрыты, работал кондиционер, стереосистема гроыхала так, что ломило в ушах. Мэтт Макдауэлл, подпрыгивая на заднем сиденье, покрытом драным чехлом, подался вперед и просунул голову между своими приятелями, которые сидели впереди.

– Сколько еще ехать? – прокричал он. Джек Харрисон покачал головой, показывая, что за звуками музыки ничего не слышит.

– Я говорю – сколько осталось? – еще громче крикнул Мэтт.

– Минут десять, – прокричал Джек в ответ. – Уже близко!

Мэтт откинулся на спинку сиденья и принялся обозревать мелькающий пейзаж. Про Осиновое озеро он слышал чуть ли не с первого класса, но никогда еще там не был. Самое недоступное озеро в районе Зубцов, до которого можно было добраться только по этой узкой заброшенной егерской полутропе-полудороге. Раньше по ней трактора таскали бревна. Отец никогда не соглашался поехать сюда, говорил, что не хочет разбить машину, поэтому они обычно ездили на Крествудское озеро или озеро Шермана. А поскольку сам Мэтт до сих пор был еще слишком юн, чтобы иметь право сесть за руль, никакого способа попасть сюда у него не было. До сего дня. Пока Джек и Вэйн не пригласили его с собой на рыбалку с ночевкой – последнюю этим летом.

Рогатый олень, застывший у глубокой лужи немного в стороне от дороги, посмотрел на внезапно возникшую из-за поворота машину и скрылся в лесу. Мэтт еще некоторое время видел, как он мелькает между деревьями. Он еще ни разу не был в таком самостоятельном, без взрослых, походе с ночевкой и немного нервничал. Он отдавал себе отчет, что ближайшим островком цивилизации в данный момент является магазин рыболовных и охотничьих припасов, оставшийся на основном шоссе в добрых тридцати милях за спиной. Если вдруг что-нибудь случится, если кого-нибудь из них укусит гремучая змея, кто-то сломает ногу или произойдет еще что-нибудь более худшее – помощи ждать неоткуда. До того магазина от озера по такой дороге минимум сорок пять минут езды, да и то он, скорее всего, ночью не работает. Здесь можно кричать сколько угодно. Ни до кого не докричишься. А поскольку сегодня вечер воскресенья, а не пятницы или субботы, то и людей в округе, скорее всего, нет. Разумеется, здесь нет ни телефона, ни электричества.

Нет электричества.

Этого он, на самом деле, боялся больше всего, хотя ни за что бы не признался в этом Джеку и Вэйну. В этих местах нет электричества. Нет света. Когда сядет солнце, наступит темнота. Полная темнота. Конечно, некоторое время они будут жечь костер, но прежде чем лечь спать, надо будет удостовериться, что он полностью потушен, а то можно устроить лесной пожар.

Они будут совершенно одни.

В полной темноте.

При мысли об этом Мэтт почувствовал, как по всему телу побежали мурашки. Обернувшись, он посмотрел через пыльное заднее стекло на небо. Там уже прояснилось, грозовые облака ушли от Зубцов в сторону Рэндолла, но Мэтт знал по многочисленным рассказам, что на Зубцах ночью часто бывает дождь, что вторая волна дождя, волна, которая обычно не достигает города, застревает в горах и обрушивает всю свою ярость на любителей отдохнуть на озерах.

А он взял с собой только спальный мешок. Палатки у него нет.

Наверное, ему придется спать в машине.

Джек на секунду приглушил звук стереосистемы, гитары "хэви-метал" стихли до рокота, который представил собой идеальный контрапункт урчанию отремонтированного двигателя.

– Почти приехали, – сказал он.

Мэтт подался вперед и принялся разглядывать вид, открывающийся из лобового окна. Окружавшие их всю дорогу сосны заметно поредели, мало-помалу уступив место белоствольным осинам. Да земля – недавно еще пыльный красный галечник, покрытый слоем бурых сосновых иголок – стала зеленой, травянистой. За дрожащими круглыми листиками осин просматривалась голубая водная гладь.

– Где мы будем разбивать лагерь? – успел спросить Мэтт. Но Джек уже снова врубил звук на полную мощность и не расслышал вопроса.

* * *

Для лагеря они выбрали южный берег озера под небольшим скалистым выступом, который, как сказал Джек, должен защитить их, если пойдет дождь. От кромки воды их отделяла небольшая полоса валунов с несколькими деревьями. Машину оставили у края дороги, в нескольких ярдах от лагеря выше по склону.

Вчера говорили, что на озере хороший клев, но никто ничего не поймал. Перепробовав несколько мест и несколько видов наживки, они решили отказаться от этого занятия. Удочки, катушки, ящики со снастями были брошены около машины. Джек открыл дверцу и снова включил музыку. На этот раз он воткнул старую кассету "Блэк Саббат", и из мощных динамиков, разгоняя тишину, грянули вступительные аккорды "Айрон Мэн".

После этого они вернулись по тропинке к лагерю.

Мэтт сел на поваленное бревно. Он смотрел на озеро и слушал музыку. Джек читал автомобильный журнал. Уэйн улегся навзничь на широкий валун, разглядывая проплывающие облака, потом встал и начал ходить кругами.

– Скучно что-то, – протянул он.

– Вот и отлично, – хохотнул Джек. – Можешь заняться заготовкой дров. Если мы хотим вечером иметь какой-нибудь костер, лучше этим заняться заранее.

– Да пошел ты.

– Сам иди. – Джек вернулся к прерванному чтению. – Предупреждаю, ночью будет довольно холодно. А я дрова не собираю.

– Я могу, – вызвался Мэтт.

– Он может, – повторил Уэйн, глядя на Джека.

– Кто против, – пожал плечами Джек.

Мэтт встал с бревна и отряхнул штаны. Под пальцами на ткани почувствовалось что-то липкое. Тут же слиплись и сами пальцы. Мэтт чертыхнулся.

– Смола? – поинтересовался Уэйн. Мэтт кивнул.

– Пропали штаны. Смолу ничем не отчистить. Я столько штанов перепортил таким образом!

– А в чем мне носить дрова? – спросил Мэтт.

– В руках, – подсказал Джек.

Мэтт пошел вверх по холму. Он миновал машину и продолжил путь наверх. На земле валялись небольшие ветки, но хороших сучьев для костра не было. В поисках более

перспективных деревьев он пошел дальше.

Небо над головой опять затянуло. Видно было, как быстро плывут темно-серые облака, как их закручивает сильный верховой ветер. Часов у Мэтта не было, но солнце, похоже, клонилось к закату, голодный желудок начал издавать недовольное бурчание, а из этого следовало, что уже часа четыре, а то и пять вечера. Скоро начнет темнеть.

Впереди, на вершине холма, ему почудилось какое-то движение.

– Привет, – громко крикнул он, не зная, человек там или животное, но решив, что предосторожность не помешает. На нем не было оранжевого охотничьего жилета, и Мэтт не имел ни малейшего желания по ошибке быть принятым за оленя или медведя и попасть под выстрел какого-нибудь близорукого охотника. – Э-эй! – крикнул он на всякий случай еще раз.

Поднявшись до самой вершины, он, помогая себе руками, взобрался на небольшой скалистый утес.

Вершина холма была плоской, как столовая гора. Большинство деревьев здесь были либо срублены, либо попадали сами – топлива для костра более чем достаточно. Мэтт огляделся. Впереди – до самых Зубцов, простирались холмы и распадки. В обе стороны тянулся тот холм, на котором он стоял. Мэтт поднял приличных размеров сук, практически сухой, потом бросил. Не исключено, что это будет его первым и последним походом сюда, на вершину холма, поэтому дрова надо выбирать более тщательно. Того, что он принесет, им должно хватить на всю ночь.

Он оглянулся в поисках охотника, но никого не увидел. Может, это был вовсе не охотник. Может, это был олень, или лось, или еще какое-нибудь крупное животное.

Или медведь.

Нет, это не мог быть медведь. Исключено. Мэтт внимательно вгляделся в заросли. Если там был медведь, он, наверное, спугнул его.

Мэтт принялся быстро собирать валежник.

И краем глаза заметил какое-то движение.

Ветки выпали из рук, он вздрогнул, в панике оглядываясь. Ничего. Вершина холма пуста.

Нет, он сам себя пугает. Мэтт подошел к краю обрыва и посмотрел вниз. Сквозь дрожащую листву осинника мерцала голубая гладь озера, ни машины, ни ребят не было видно.

– Джек! – завопил он. – Уэйн! Никто не ответил.

Внезапно налетел порыв холодного ветра. Громко зашелестела листва. Мэтт вздрогнул. По всему телу пробежали мурашки. Отвернувшись, он вновь принялся собирать дрова. Он знал, что есть специальное название тому состоянию, когда человеку кажется, что он что-то видит боковым зрением. Он читал об этом в родительском альманахе журнала "Пипл". Кое-кто думает, что это призраки, но на самом деле такому явлению существует и научное объяснение. Боковым зрением он вновь заметил какое-то движение. Схватив охапку сучьев, он ринулся вниз со склона и почти тут же споткнулся.

Мэтт грохнулся плашмя, дрова разлетелись в разные стороны, под подбородком нехотая оказался камень. Челюсти громко клацнули, зубы пронзила острая боль. Острый сучок впился в руку. Продралась одна штанина на коленке.

Постепенно Мэтт сел и решил посмотреть, обо что же он так споткнулся. Ветер уже разгулялся вовсю, он задувал в рукава, ерошил волосы, на лицо упали первые капли дождя. В паре шагов он увидел небольшую кочку, поросшую лесными цветами. Мэтт со злостью пнул ее ногой, клочок земли слетел, из-под него появился небольшой каменный крест. С колотящимся сердцем Мэтт вскочил, но тут же рухнул обратно. Оказалось, он подвернул лодыжку. Нога болела, будто сломанная. Стоять он не мог.

Теперь на всей плоской вершине холма он уже видел кресты, прячущиеся между травой, цветами, кустарниками и завалами гнилых деревьев. Кресты окружали его со всех сторон.

За спиной хрустнул сучок.

– Джек! – отчаянно завопил Мэтт. – Джек! Уэйн! Еще один хруст. Ближе.

– Джек!

Но голос его растворился в гуле ветра и шуме проливного дождя, который обрушился на лес.

15

Аннет Велдон смотрела на спящего мужа. Он спал беспокойно, вертелся, лег на живот, потом перевернулся на спину и закинул руку на голову. Выражение лица его было тревожным, брови то и дело вздрагивали и ползли вверх. Губы постоянно шевелились, словно в крике, но он не произнес ни звука. Она потянулась и положила ему на лоб ладонь, запустив пальцы в жесткие, словно солома, волосы, пытаясь успокоить его. Мелькнула мысль разбудить его, но он и так в последнее время недосыпал, и Аннет не рискнула лишать его такой малости.

Внезапно он резко сел, мгновенно широко раскрыв глаза, и закричал. Аннет тоже вскрикнула – от испуга. Его блестящие глаза недоуменно уставились на нее, затем приобрели нормальное выражение, словно мозг успел отреагировать на обстановку и осознать происходящее. Джим крепко зажмурился, потом, часто моргая, снова посмотрел на жену.

Поняв, что она не на шутку перепугалась, он положил руку ей на плечо и попробовал улыбнуться.

– Извини. Просто кошмар приснился.

– Тебе последнее время только кошмары и снятся.

– Это верно, – неловко погладил он ее по руке. – Все дело в этих идиотских убийствах и... все эти странные события... они меня уже достали.

– Ты на этом язву заработаешь, – сочувственно вздохнула жена.

– Не исключено, – тяжело вздохнув, Джим опустил на подушку. – Может, мне лучше передать это дело полиции штата? – Он помолчал. – Знаешь, я ведь уже наводил справки. Полиция штата может взять дело, если у местных недостаточно сил и средств. А я не уверен, что у нас их достаточно. Сильное искушение передать им всю эту чертовщину и сказать, что я ни черта не понимаю в этом деле.

– У тебя до сих пор никаких зацепок? Ни по одному случаю?

Он повернулся к жене, не отрывая голову от подушки. Аннет продолжала сидеть. На лице ее было выражение такого понимания и сочувствия, такая доброта в опущенных уголках губ, что он подумал, нельзя ли ей рассказать, о чем он на самом деле думает. Поделиться этими безумными гипотезами. Но сдержался. Нельзя. Она не поймет. Она захочет понять, попытается понять, но просто не сможет. Черт побери, а кто сможет?

– Нет. Ни единой зацепки.

Аннет легла, прижалась к нему и положила руку на волосатую грудь. Джим обнял ее в ответ. Некоторое время они лежали молча.

– Ты не считаешь, что все это может быть как-то связано? – вдруг спросила она.

Он уже засыпал. Глаза закрылись, сознание поплыло в промежуточном состоянии между сном и бодрствованием. От звука ее голоса он вздрогнул и снова открыл глаза.

– Что ты сказала?

– Я говорю – ты не думаешь, что все эти события могут быть как-то связаны между собой? Ну, просто с точки зрения здравого смысла. Мне казалось, вы должны были обратить на это внимание. Поубивали коз и козьей кровью измазали все церкви...

– Ну конечно, мы это объединили.

– И убийство двух фермеров и священника? Это же очевидно.

– Ну, мы не совсем тупые, – снисходительно хмыкнул Джим. Приподнявшись на локте, он оперся спиной об изголовье кровати и посмотрел на жену хорошо отработанным покровительственным взглядом мудрого копа, хотя внутренне весь напрягся. – Мы понимаем, что они связаны. Мы только не понимаем, каким образом. У тебя есть идея?

– Пожалуй, нет. Мне просто показалось, что это может быть какая-то группа поклонников дьявола, или ведьм, или какого-то культа.

Близко, да не совсем. Мысли не совпали, хотя думают они в одном направлении. Захотелось рассказать ей про сны Дона, про свои сны, про смерть Дона, про... про то, что он видел и слышал в коридоре за дверью собственного кабинета. Может, она сможет понять. Может, она не подумает, что у него крыша поехала. Но взглянув на жену, он понял, насколько дико должны прозвучать все его соображения. Это ее мысли случайно оказались на его территории, но они гораздо более разумны, чем его иррациональные теории о... О чем? О

сверхъестественных силах? О монстрах?

– Ты слишком много кино насмотрелась, – сказал Джим.

– Ты только что признался, что вы зашли в тупик, – нахмутив брови, заметила жена. –

Пусть моя идея и глупая, но никому не повредит проверить ее.

– Это верно.

– Не похоже, что у тебя миллион других вариантов расследования.

– Уговорила, – решил не спорить Джим. – Я подумаю.

– Спасибо. – Жена снова обняла его. Он помолчали.

– Кстати, что тебе приснилось?

– Да так, ерунда, – покачал он головой.

– Действительно не хочешь об этом говорить?

– Да.

Минут через пятнадцать Аннет заснула, приоткрыв рот и слегка похрапывая. Джим медленно, осторожно, стараясь не разбудить ее, встал и на цыпочках вышел в гостиную.

Сна как не бывало. Лучше позвонить на службу и узнать, нет ли чего нового у Джадсона или Пита. Он снял трубку и автоматически набрал номер.

– Вас слушают, – прозвучал в трубке голос Пита. – Кабинет шерифа. Говорит Пит Кинг.

Джим улыбнулся, услышав официальный тон юного помощника, подражающего телевизионному Джеку Уэббу.

– Как дела?

– О, это вы, шериф! – Пит на секунду расслабился, но тут же взял себя в руки. – Что-то случилось?

– Нет. Просто не спал и решил позвонить, узнать, что происходит.

– На самом деле, ничего особенного. – Юный полисмен помолчал, потом добавил: – Пришло одно сообщение. Я подумал, вам может быть интересно, я положил на ваш стол. В Фениксе осквернены две церкви – так же, как у нас, все в кровище, надписи и все такое.

– Правда? – изумленно поднял брови Джим.

– Да. Я подумал, может, тот, кто все это сотворил у нас, теперь перебрался в Феникс, поэтому положил депешу вам на стол. Подумал, вы захотите взглянуть.

– Безусловно. Спасибо, Пит. – В завершение разговора Джим задал юному помощнику ряд дежурных вопросов, содержание которых и последовательность он знал наизусть, но в ответы не вникал. Значит, то же самое начало происходить в Фениксе. Таким образом, дело становится реальным кандидатом на компетенцию штата. Идентичные преступления в двух населенных пунктах различной юрисдикции автоматически переходит в расследование людей из управления штата. От того, что появится какая-то помощь, что можно будет переложить часть ответственности на другие плечи, Джим почувствовал себя значительно лучше. Но одновременно возникло чувство вины за то, что готов бросить свое расследование, что не хочет следовать своему ходу мыслей, не действует на основании того, что считает реальными фактами или истиной, стоящей за этими фактами. Можно сказать, в каком-то смысле он предает Дона. Получается, что мальчишка погиб бесполезно. Напрасно.

Любая смерть – бесполезна, урезонивал он себя. Любая смерть – напрасна.

Но он хочет отпихнуть все это от себя, оправдаться, не приложить максимум усилий для того, чтобы докопаться до истинных причин, породивших все это.

Дону было бы за него стыдно.

Он трус.

– У вас все, шериф? – тревожно спросил Пит, очевидно, обеспокоенный долгим молчанием на линии.

О да! Конечно. Будь здоров. Увидимся утром. – Положив трубку, Джим уставился взглядом в чернеющее за окном пятно здания на противоположной стороне улицы. Показалось, что слышится шум реки, хотя река находится на другом краю города. Ну что ж, допустим, Дон Уилсон не одобрил бы его действий. Точнее – бездействия. Он даже не был знаком с этим мальчишкой. Видел его один раз в жизни, и еще раз разговаривал по телефону. Разве он ему чем-то обязан?

Прежде чем вернуться в постель, Джим прошелся по дому, заглянул в спальни Джастина и

Сюзен – убедиться, что все в порядке. Потом осторожно забрался под одеяло, устроился под боком у Аннет и некоторое время полежал, глядя в потолок – прислушиваясь. Размышляя.

Наконец он заснул.

Ему снились кошмары.

16

Отец Дональд Эндрюс снял с плиты небольшой заварочный чайник и налил в свою керамическую кружку свежесваренный "Эрл Грей". Старая пластинка Эррола Гарнера, которая крутилась на стереопроигрывателе в гостиной, внезапно запнулась, издавая одни и те же три ноты. Пришлось встать и переместиться в другую комнату. Подняв запыленную крышку проигрывателя, священник придавил указательным пальцем звукосниматель, игла благополучно преодолела заезженную дорожку, и Эррол Гарнер получил возможность продолжить свой "Полдень Эльфа". Отец Дональд вернулся на кухню к своему чаю.

Когда епископ отдал распоряжение возглавить приход в Рэндолле до возвращения отца Селвэя или появления нового назначенного священника, Эндрюс с радостью ухватился за это предложение. Для сравнительно молодого человека, который до сей поры только помогал другим священникам, возможность возглавить целый приход, пусть даже на короткое время, – большая удача. Он с благодарностью принял и предложение епископа остановиться в доме Селвэя. Дом принадлежал церкви, следовательно, он мог жить в нем даром, экономя на квартирной плате.

Но он прожил здесь уже четыре дня, и, честно сказать, дом ему не понравился. Отец Селвэй исчез, всю его семью обнаружили убитыми – одного этого было достаточно, чтобы по ночам начали приходить неприятные мысли о смерти. Но и помимо этого, похоже, с домом творилось что-то неладное. Дом испускал – как это любили говорить в шестидесятые? – дурные флюиды.

Это был недружелюбный дом.

Эндрюс взял чашку, перешел с ней в гостиную и, прежде чем устроиться в кресле, немного увеличил громкость проигрывателя, надеясь тем самым заглушить едва слышимые ночные скрипы и потрескивания, испускаемые старым домом. Его преподобие был человеком не робкого десятка, но вступил он в лоно церкви именно потому, что знал, понимал, что такие материи, как добро и зло, – не расплывчатые понятия, выдуманные философами и религиозными мыслителями, а вполне конкретные реальности, можно сказать – факты жизни.

И этот дом был недобрым.

Эндрюс считал себя восприимчивым к "ауре", к ощущениям, к "флюидам". Может, он зря психует по мелочам. Возможно. Но он всегда мог сказать, что по отношению к одним местам и людям у него возникают плохие ощущения, а по отношению к другим – хорошие. Будучи еще студентом колледжа, он путешествовал по Германии и однажды не смог войти в один ресторан. В путеводителе этот ресторан был помечен как популярное среди туристов место, но волна тошноты, страха и отвращения, окатившая его на подходе, оказалась настолько сильной, что он не смог заставить себя войти в здание. Позже он прочитал, что в этом здании были убиты сотни цыган во время первой волны насилия перед началом Второй мировой войны.

Ощущение в доме отца Селвэя было не таким сильным, как перед рестораном, но довольно похожим.

Эндрюс неловко поерзал в кресле. В гостиной был единственный источник света – торшер между креслом и диваном. Вдруг ему показалось, что в комнате, где и без того царил полумрак, резко потемнело. Нет, надо перестать думать о таких вещах. Лучше сосредоточиться на чем-нибудь ином – например, на воскресной службе. Эндрюс взял с маленького столика орехового дерева Библию в черном переплете и открыл на заложенной ранее главе из книги Иова. Краем глаза он заметил какое-то движение и поднял голову. В кухне по-прежнему горел свет, там он ничего не увидел, но в коридоре царил полный мрак. По всему дому свет тоже был выключен.

Из глубины коридора послышались странные легкие шаркающие звуки.

Эндрюс импульсивно вскочил, расплескав чай на страницы лежащей на коленях Библии.

И без того тонкая и просвечивающая бумага стала просто прозрачной, из-под текста проступили буквы нескольких страниц, превратив его в нечитаемую черную массу.

Черная масса.

Прекрати, прикрикнул он на себя. Ты взрослый человек, а не ребенок, боящийся темноты. Ты священник, представитель духовенства, человек, за которым – вся сила Церкви и Господа.

Но почему так напряглись мышцы? Почему он так пристально всматривается в темноту коридора, словно хочет увидеть признаки какого-то движения? Почему он так напрягает слух, пытаясь различить инородные звуки за ритмичным кадансом фортепьяно Эррола Гарнера?

Эндрюс закрыл Библию, сложил руки на гладкой черной поверхности, прикрыл глаза и начал молиться.

– Отче наш... – Губы беззвучно шевелились, выговаривая знакомые слова.

Пластинка закончилась. Откуда-то из глубины дома послышался звук разрываемой бумаги. Звук был очень отчетливым во внезапно наступившей тишине.

Взрослый или не взрослый, священник или не священник, но он испытал сильное желание убежать. Инстинкт требовал немедленно распахнуть входную дверь, выскочить на улицу, прыгнуть в свою машину, стоящую у тротуара, и провести остаток ночи в хорошем, чистом, современном отеле с ярко освещенными комнатами и холлами, полными народу. Инстинкт его обычно не подводил.

Многие годы он не испытывал такого страха.

Поэтому он решил остаться.

Эндрюс слегка потянул за цепочку на шее и нащупал золотой крестик. Прикрыв глаза, он вновь начал читать молитву. Последние слова – "и избавь нас от лукавого" – он произнес вслух.

Потом открыл глаза и принялся. В комнате пахло чем-то горелым. Паленой плотью?

Нет, этого не может быть. Он преувеличивает, пугая сам себя. Это просто игра возбужденного воображения. Он не в состоянии мыслить логически, рационально.

Но горелым действительно пахнет.

Что это? Сера? Угли? Адская геенна огненная?

Нет. Ничего. Это просто игра воображения.

Сработала пожарная сигнализация.

Эндрюс выпрыгнул из кресла как подброшенный. Громкий, пронзительный визг, прорезавший тишину как бритва, который не мог бы заглушить и самый громкий звук.

Теперь он уже не думал о флюидах и странных ночных шорохах. Возникло нечто реальное – огонь. Забыв о страхе, Эндрюс выскочил в коридор и, нащупав выключатель, включил свет. Ужасный, тошнотворный запах становился все сильнее. В помещении поплыли сгущающиеся коричневатые клубы дыма, напоминающие смог.

Добежав до кабинета отца Селвэя, он включил там свет, распахнул дверь и застыл на пороге, пытаясь сквозь густой дым разглядеть, что там происходит. Заслезились глаза. Он попытался протереть их, но стало еще хуже. Дым явно шел откуда-то из глубины комнаты, но жара не чувствовалось и языков пламени не было видно. Видимо, пожар пока маленький, с ним можно справиться. Эндрюс побежал на кухню, нашел под раковиной самую большую кастрюлю, открыл на полную мощность краны горячей и холодной воды, а потом с полной емкостью побежал обратно, оставив воду невыключенной.

Наверное, пожар возник из-за неисправности в электропроводке. Загорелась бумага. Или ковер.

Он вбежал в комнату. Теперь в задымленной комнате стали видны небольшие языки пламени. Эндрюс опрокинул на огонь кастрюлю и побежал за новой порцией.

После трех рейсов пламя погасло. Эндрюс, надрывно кашляя, прошел в кабинет и распахнул оба окна. Надо будет сообщить об этом епископу. Пожар был не настолько серьезен, чтобы ставить в известность пожарную охрану, но епископу следует знать, что произошло. Пошатываясь, он вернулся в коридор, попробовал вдохнуть поглубже, но от этого кашель начался еще сильнее, вплоть до рвотных спазмов. Не в силах стоять, Эндрюс опустился на колени. Через некоторое время приступ прошел, и он поднялся. Тем временем дым из кабинета вытянуло на улицу, и священник смог заглянуть в комнату.

В кабинете царил хаос. Все книги отца Селвэя, аккуратно расставленные на стеллаже у

дальней стены кабинета, оказались сброшены на пол. Просто чудо, как они все не загорелись. На специальной подставке посреди комнаты, рядом с письменным столом отца Селвэя, лежала распластанная черная обложка Библии, все страницы которой были жестоко выдраны, разорваны на мелкие клочки и свалены в кучу. Они-то и загорелись.

Эндрюс в шоке смотрел на оскверненное помещение. Кто мог это сделать? И зачем? И как? Он весь вечер находился дома и ничего не слышал до последних пяти или десяти минут – да и те звуки были едва различимы.

От остатков дыма на глаза навернулись слезы. Он стер их рукой, но глаза заслезились еще сильнее. Решив не обращать внимания на такие мелочи, Эндрюс внимательно огляделся. По всем правилам, комната должна была полыхнуть как факел. Почему пожар оказался столь незначительным? Подойдя к столу, он взял в руки одну из страниц оскверненной Библии. Страница была мокрой от воды, обуглившейся по краям и липкой на ощупь. Он поднес ее ближе к лицу, чтобы получше разглядеть, и тут же отшвырнул. Подавив рвотный позыв.

Бумага была измазана экскрементами.

Эндрюс посмотрел себе под ноги. Все страницы, все книги, оказывается, каким-то образом оказались изгажены человеческими экскрементами.

Посередине стола отца Селвэя располагался крест из засохших фекалий.

Эндрюс опустился на колени. Его начало тошнить. Конвульсивные, неконтролируемые приступы рвоты сотрясали все тело. Он попытался молиться, но сознание отказывалось переключаться от физиологических мук.

Откуда-то снаружи, может, из открытого окна, слышались странные звуки, отдаленно напоминающие повизгивающий тоненький смех.

17

Утро выдалось не таким ясным и жарким, как обычно. Напротив, пелена низких облаков, застилающая солнце, нескончаемой волной тянулась над вершинами Зубцов, едва не касаясь неровного края лесистого нагорья. Дождя не было, но в воздухе висела какая-то морось, и когда Гордон раздвинул полузакрепленные гардины окна в спальне, то увидел, что по оконному стеклу сочится влага. Потянувшись, он распахнул створки деревянной рамы, но вместо ожидаемого потока горячего воздуха с улицы приятно потянуло прохладным ветерком.

Марина проснулась, положила подбородок на правое плечо мужа, щека к щеке, и подкатилась под бок.

– Какой приятный сюрприз, – зевнув, заметила она. Гордон отпустил занавески. Они упали, и ветер слегка выгнул легкую ткань внутрь.

– Синоптики опять ошиблись, – констатировал Гордон, протирая глаза ладонями.

– Что у нас еще нового?

Гордон перестал тереть глаза и лежал некоторое время, глядя в потолок.

– Сандра, – наконец произнес он.

– Что?

– Можно назвать девочку Сандрой.

Марина посмотрела на него, потом села. Муж лежал такой спокойный, счастливый, что ей ужасно не хотелось портить ему настроение, но все равно всю эту проблему с ребенком когда-то надо обсудить. Она трое суток готовилась к разговору, и сейчас ситуация выглядела вполне подходящей. Она облизнула сухие со сна губы, не зная, с чего начать.

– Нам надо поговорить.

Ее серьезность, должно быть, каким-то образом передалась Гордону, потому что он приподнялся на локте и озабоченно, выжидающе посмотрел ей в глаза.

– Понимаю.

Она взяла его руки в свои и почувствовала под ладонями жесткие волосы на костистых пальцах. Кисти показались ей более крупными, чем обычно, чужими. Она подавила инстинктивное желание отдернуть руки.

– Я до сих пор боюсь.

– Понимаю. Я тоже.

– Это... неправильно. Мы такого не заслужили. – Марина испытывала смешанное чувство обиды и злости. Она понимала, что слова не могут передать то, что она чувствует – она была недостаточно искусна, чтобы озвучить столь тонкие, несравнимые и глубоко противоречивые чувства, и это приводило в отчаяние. Она была готова расплакаться, но понимала, что слезами тут не поможешь.

Гордон поднес к губам ее руки и поцеловал.

– Я понимаю.

Это было не совсем то, о чем ей хотелось говорить, весь разговор должен был бы пойти по другому сценарию. Но ничего не могла с собой сделать. Эмоции переполняли ее – злость, отчаяние, наплыв чувств в любой момент угрожал вырваться через спасительный психологический клапан слезами.

– Черт побери, ну почему это должно было случиться именно с нами? Почему эта... мерзость вообще должна была случиться? Со всеми?

Ответа у Гордона не было. У него даже не было подходящей замены, реакции, соответствующей обстановке. Он просто снова начал целовать ей руки и бормотать что-то успокаивающее, обнадеживающее, надеясь, что этого хватит и понимая, что заблуждается.

– Это... просто ужасно... несправедливо. Слезы все-таки прорвались. Сначала они просто текли по щекам. Марина зажмурилась, но это не помогло. Губы, с которых был готов сорваться новый протест, новая жалоба, внезапно горько скривились, и она заплакала уже навзрыд – громко, горько, по-детски, не стесняясь слез.

Он прижал ее к себе. Он целовал ее мокрые щеки, ощущая на губах соленую влагу, и бережно гладил по голове.

Потом нашел губами ее губы, они встретились, языки сначала нерешительно, а потом все сильнее сплелись. Рыдания стихли, рука Гордона нежно скользнула под ночную рубашку, в промежность. Она была уже влажной и не оказала ни малейшего сопротивления.

Вскоре он оказался внутри нее, и они занялись любовью. Медленно, томно.

И кончили одновременно.

Оба молчали. Некоторое время он еще полежал сверху, потом, почувствовав полную расслабленность, скатился на бок и попытался поцеловать ее, но губы неожиданно наткнулись на волосы. Марина непроизвольно хихикнула.

– Стало легче? – улыбнулся Гордон.

– Я не хотела.

– Это всегда помогает.

Марина прикусила губу и прикрыла пальцем его рот.

– Может, мы и победили симптомы, но проблема осталась. Нам все равно надо поговорить.

– Давай, – кивнул он.

– Что мы собираемся делать?

Голос снова обрел прежнюю серьезность. Гордон сел и заглянул ей в глаза, пытаясь понять ее настроение, угадать направление ее мыслей.

– Не знаю.

– Да, конечно, все анализы, которые должны быть положительными, оказались положительными, а отрицательные – отрицательными. Но я все равно волнуюсь. А что, если они ошибаются? Что нам тогда делать?

– Уже ничего не сделаешь.

– Не уверена, стоит ли идти на такой риск. Не знаю, готова ли я использовать этот шанс. Не уверена, что я готова пройти через это, потому что не уверена, что справлюсь, если что-нибудь будет не так.

Он подложил ладонь ей под голову и пристально посмотрел в глаза.

– Разумеется, решение должна принимать ты. Я поддерживаю тебя в любом случае. Но мне кажется, надо смотреть глубже. Врачи говорят, что все в порядке. Возможно, есть какая-то доля риска, но очень небольшая. – Он улыбнулся. – По-моему, будет очень приятно видеть, как тут начнет бегать маленькая миниатюрная Марина.

– Я почему-то так и думала, что ты будешь за то, чтобы пойти на это, – улыбнулась в

ответ Марина.

– А ты?

Она облизала губы и уклончиво пожала плечами:

– Не знаю.

– Ты не склоняешься к тому или другому?

– Нет, почему же. Но...

– В таком случае надо поторопиться с решением.

– Понимаю. Но мне придется бросить школу, мы будем жить на одну твою зарплату...

– Хочешь сказать, ты сомневаешься из-за денег?

– Нет, конечно. Но мы должны учитывать все, и пока что минусы перевешивают плюсы.

– И все-таки к чему ты склоняешься? Она постаралась сделать максимально серьезное выражение лица, но губы сами расплылись в улыбке.

– Мне тоже нравится, что здесь будет бегать маленькая Марина.

– Значит, решено?

– Не совсем. Я хочу еще немного подумать. – Марина подняла руку. – Понимаю, понимаю. Лучше думать быстрее. – Она поцеловала его в нос. – Я постараюсь.

Гордон ответил на поцелуй, а затем положил голову ей на живот, словно Прислушиваясь.

– Слушай, – вдруг энергично заговорил он, садясь на кровати. – А как насчет секса? Как долго мы еще может заниматься этим делом?

Марина расхохоталась – легко, счастливо, словно все проблемы разом сбились с плеч:

– Должна была догадаться, что тебя волнует!

– Я не...

– Мы можем заниматься этим сколько угодно.

– А ребенку не повредит?

Жена на секунду задумалась.

– Ну, может, Нам надо будет сменить позицию. Может, тебе весь этот период не следует быть сверху.

– Все время?

– Ну, почти, – улыбнулась она.

– А может, лучше вообще отказаться на ближайшие восемь или сколько там месяцев? – со смехом предложил Гордон. – На всякий случай. В конце концов, у тебя есть еще два отверстия.

– О нет!

– Так как тебе нравится имя Сандра? – посмеиваясь, поцеловал жену Гордон.

– Я больше размышляю насчет Ольги или Хельги. А может, Берты.

– А если окажется мальчик, он будет Перси.

– Или Отис.

– Ты смеешься, – заметил Гордон, устраиваясь затылком между двух бронзовых прутьев изголовья кровати, – а нам действительно надо начать подыскивать имя. – Он кашлянул. – Если ты тешила оставить ребенка.

– Мы обязательно начнем подыскивать имя, – кивнула Марина, спуская ноги с кровати.

– Да? Обязательно?

– Обязательно, – кивнула жена.

– Быстро.

– Я вообще быстро думаю.

Марина встала, подошла к стоящему посреди спальни креслу в стиле королевы Анны и накинула брошенный на спинку халат. Потом поправила волосы, попавшие под воротник, и вышла из спальни.

Гордон слышал, как она вошла в ванную, а через несколько секунд – шум воды в унитазе. Потом она прошагала на кухню, и тут раздался душераздирающий крик.

– Марина! – взвился Гордон и кинулся в коридор, едва не зашибив распахнувшейся дверью жену, которая бежала обратно. – Что? Что случилось?

В истерических рыданиях он не смог разобрать ни единого слова, поэтому, отстранив ее, сам поспешил на кухню.

Кошачий туалет, который Марина смастерила из картонки из-под пепси, был перевернут,

земля разбросана по всему кафельному полу. Миска с кормом и блюдечко с водой тоже валялись перевернутыми.

И все вокруг было покрыто кошачьей кровью.

Красные пятна покрывали всю поверхность желтого холодильника, словно его обрызгали из пульверизатора. Сгустки крови и синеватые внутренности размазаны по столу. Из мусорной корзины под раковиной торчала серая кошачья лапка.

Сама кошка, или то, что от нее осталось, лежала на полу прямо перед плитой. Тельце – практически одна окровавленная меховая шкурка – было распростерто на полу; по краям в него были воткнуты кухонные ножи для разделки мяса. Голова, отчлененная от туловища, лежала отдельно, как старый серый теннисный шарик. Мертвые зеленовато-желтые глаза смотрели в потолок.

Гордон быстро огляделся по сторонам. Окна были прочно закрыты на запоры, равно как и дверь. Он выбежал в прихожую, но основная дверь тоже была заперта, и засов был на месте.

Как?

Что?

Открыв входную дверь, он выглянул на улицу. Туман немного рассеялся, но сырость в воздухе осталась. Это первые признаки осени; запах наступающей поры листопада. Он обшарил глазами гравийную подъездную дорожку, но не заметил ничего необычного. Заперев дверь, он вернулся в спальню. Марина лежала на кровати, укрывшись с головой. Плечи вздрагивали от рыданий. Гордон присел на край.

– Ну, успокойся, – проговорил он, обнимая жену. – Ничего страшного. Все будет хорошо.

Он и сам уже сомневался, что все будет хорошо. Внезапно Гордон ощутил непонятный иррациональный страх за ребенка.

Часть вторая

1

На обочине шоссе Черного Каньона в сторону Рэндолла стоял человек. Он стоял здесь уже несколько часов и насквозь пропотел во влажной духоте позднего лета, но пятна под мышками и на спине были не видны под дорогим пиджаком. Как всегда, на своем месте был и тугой узел галстука. Рядом с ним, на земле, стоял голубой "самсонайт" – дорожный чемодан с одеждой, зубной щеткой и прочими индивидуальными принадлежностями. Сверху, на чемодане, лежали фотоальбом и пачка религиозных брошюр. В руке человек держал экземпляр пересмотренного стандартного издания Библии.

На шоссе, впервые за час, показался додж-пикап, и человек заученным движением вытянул руку с поднятым большим пальцем. Водитель промчался, даже не взглянув на него.

Другой грузовик, ехавший вслед за первым, также промчался мимо, но потом вдруг резко затормозил и через несколько ярдов остановился. Шофер высунулся из кабины, посигналил и помахал рукой. Человек подхватил свои вещи и трусцой поспешил к грязноватому выдавшему виды грузовику. Открыв пассажирскую дверцу, он улыбнулся шоферу с курчавой бородой, одетому в красную футболку и желтую шляпу с надписью "кэт".

– Спасибо, сэр.

Водитель кивнул и смахнул на пол газеты с сиденья, давая место попутчику.

– Как вас зовут?

– Зовите меня брат Элиас.

– Брат Элиас? – фыркнул шофер. – Что это за имечко такое?

– Я проповедник живого Евангелия Господа, завещания его Славы, и это имя, под которым я известен его последователям, – пояснил человек, устраиваясь на сиденье и закрывая дверцу машины.

Водитель включил передачу и выехал обратно на дорогу.

– Проповедник, значит? Я сразу догадался, что вы не обычный хич-хайкер². Это было понятно по вашему костюму. Честно сказать, только поэтому я и решил подхватить вас. Обычно я никогда не останавливаюсь, разве что когда вижу знакомых или у кого-то машина сломалась. В наши дни на дороге всякие люди попадают. Никогда не поймешь, кого можешь посадить. Некоторые могут и пришить не моргнув глазом. – Он протянул брату Элиасу широкую мозолистую ладонь. – Тим Макдауэлл, будем знакомы. Работаю на лесопилке в Рэндолле. Ездил собирать заказы в Харгрейв. Не доводилось бывать в Харгрейве? – обернулся он к попутчику. – Небольшой городишко в Коконито. Вряд ли там больше полсотни жителей, а добраться туда можно только по одной проселочной дороге, которая петляет вдоль скал, стерва. – Внезапно смутившись грубого слова, он сконфуженно улыбнулся. – Прошу прощения. – Несколько миль они проехали молча. Шофер, не выдержав, кашлянул. – Какие дела вас подняли в дорогу?

Брат Элиас, не отрывая взгляда от шоссе, ответил кратко:

– Служение Господу.

Тим кивнул, улыбнулся и вновь погрузился в молчание. Следующий раз надо быть поумнее и не брать попутчиков. Никаких. Даже тот, кто выглядит нормально и респектабельно, в наши дни может вполне оказаться психом. Краем глаза он поглядел на брата Элиаса. Священник с непроницаемым лицом сидел прямо, уставившись в лобовое стекло и сложив руки на Библии, которую держал на коленях. Тим покачал головой. Сам виноват. Он же захотел подвезти этого клоуна. Теперь надо проявлять любезность. Проехав молча еще несколько миль, он обернулся к священнику.

– Значит, просто путешествуете? Автостопом? По мне так проще завести свою церковь и сидеть на одном месте.

– Я еду туда, где во мне нуждаются, – сказал брат Элиас.

– И куда же сейчас? В Рэндолл? Брат Элиас молча кивнул.

– Вы думаете, Рэндолл пора спасать? Брат Элиас кивнул еще раз.

– По мне так есть куча других мест похуже Рэндолла. Лос-Анджелес, к примеру. Чертово место, полно всяких хиппи, панков, гомиков, сами знаете. Прошу прощения. – Тим снова кашлянул, поймав себя на недобром слове. – А как же вы выбираете, куда ехать? Почему вы решили, что Рэндолл – то самое место, которое настала пора спасать?

– Я видел грядущего дьявола, – ответил брат Элиас. – Мне было видение. Господь показал мне грязь сатанинской порчи и лицо его Зла. Он показал мне пути, которыми противник Его восторжествует в этом новом Вавилоне. "И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу". Откровение, глава восемнадцатая, стих второй. Господь послал меня сразиться с этим Злом Его святым словом и учением Иисуса Христа нашего Господа и Спасителя.

Тим ничего не ответил священнику. Он промолчал, внимательно глядя вперед, где двухполосная дорога изгибалась, прячась в лесистом каньоне, и мысленно обругал себя еще раз за то, что подобрал этого человека. Брат Элиас – явный псих. Не садись играть с чертом, все равно проиграешь, как любил говорить отец. Это научит его не сажать в машину никаких хайкеров. Не важно, как они выглядят. Рискнув еще раз взглянуть на проповедника, Тим увидел, что тот опять с непроницаемым лицом уставился на дорогу. Тим передернул плечами и придавил педаль газа. Стрелка подползла к шестидесяти пяти.

Они миновали каньон и уже ехали по грунтовой дороге, которая вела к домику лесничего. Теперь вплоть до самого Рэндолла будет сплошной лес, и Тим включил радио, чтобы хоть немного скрасить путь и снять напряжение от молчания. Пытаясь поймать прилично звучащую станцию, он посмотрел на проповедника, но брат Элиас никак не отреагировал. Тим решил, что тот не возражает против звука, и оставил музыку. Через несколько минут проповедник прикрыл глаза.

Они были уже почти на окраине города, когда брат Элиас вдруг проснулся.

² Хич-хайкер – человек, путешествующий бесплатно на попутных машинах, автостопом.

- У вас есть сын. – Он не спросил, а словно констатировал факт.
- Да, – признался Тим.
- Высадите меня у полицейского участка, – попросил проповедник.
- У нас нет полицейского участка. У нас есть офис шерифа.
- Высадите меня у офиса шерифа.

Тим проехал по центру города и подрулил к нужному зданию. Глядя, как проповедник собирает свои вещи – чемодан, альбом, связку брошюр, он решил поинтересоваться:

- Почему вы сказали, что у меня есть сын?

Священник открыл дверцу и спустился на землю.

Из офиса шерифа выскочила Вив – с красным от слез лицом.

Тим, увидев бегущую навстречу жену, выпрыгнул из кабины, забыв вынуть ключ зажигания.

- В чем дело? Что случилось?

Она обхватила его руками за плечи, прижалась всем телом и зашлась в рыданиях. Он чувствовал горячую влагу ее лица. Обнимая жену и поглаживая по спине, пытаясь успокоить, он увидел, как из офиса шерифа неторопливой, но решительной походкой вышел Карл Чмура. Помощник шерифа шел, опустив голову, явно стараясь избежать его взгляда. Тим почувствовал внезапный приступ паники – Мэтт! – и быстро перевел взгляд с опущенного лица Карла на свои побелевшие костяшки пальцев, сжимающих плечи жены.

О нет, Господи, только не Мэтт!

- Тим... – подал голос помощник.

– Мэтт? Говори, Карл! Тот кивнул.

– Сегодня утром он не вернулся домой. Джек и Уэйн – тоже. Ваша жена сообщила о пропаже Мэтта примерно в десять утра. Я хотел задержать вас, но вы уже уехали. Позвонил в магазин в Харгрейве, но, видимо, они не нашли вас.

– Что с Мэттом? – Он уже начал чувствовать какое-то оцепенение, отключенность, словно сознание само готовилось к самому худшему.

– Мы не знаем, – признался помощник. – Мы уже отправили поисковую команду. Ваша жена сказала, что мальчики поехали на пикник с ночевкой на Осиновое озеро...

– Верно.

– Поэтому собрали дружину. – Он посмотрел на Тима. – Этой ночью в районе Зубцов была страшная буря.

– Черт побери, что это значит?

– Трудно сказать, – пожал плечами Карл. – Молнии, сильный дождь, сильный ветер. В лучшем случае они заблудились. Бродили по лесу, когда началась буря, и каким-то образом потеряли направление. В худшем... – Помощник предпочел оборвать фразу.

– Может, у них просто машина сломалась?

– Мы нашли машину. И все снаряжение. Они начали разбивать лагерь у озера.

– Нельзя было его отпускать! – всхлипнула Вив с искаженным от шока, боли и страха лицом. – Я же говорила тебе, нельзя его отпускать!

– Думаю, вам лучше отвезти ее домой, – посоветовал Карл. – Мы позвоним, как только что-нибудь прояснится.

– Я еду туда, – ответил Тим. – Я еду искать своего сына.

– Отвези меня домой, – сквозь рыдания попросила Вив, цепляясь ослабевшими руками за майку. – Пожалуйста, отвези меня домой. Я хочу попасть домой.

– Отвезите ее домой, – мягко повторил Чмура.

– Я вернусь, – пообещал Тим, ведя жену к машине. – Я поеду туда. – Открыв пассажирскую дверцу, он помог жене сесть, потом обежал машину и сел на свое место. Заводя двигатель, он сбросил на пол оставшуюся от проповедника на сиденье брошюру. Не поленившись, Тим нагнулся и поднял ее.

"Вы знаете, где сейчас ваши дети?" – бросилась ему в глаза фраза на яркой иллюстрированной обложке. – "Они могут быть в когтях Дьявола".

Разорвав буклет надвое, он вышвырнул его в окно. Покрышки взвизгнули, и Тим рванул со стоянки по направлению к дому.

2

Гордон остановил свой джип перед воротами свалки, запертыми на замок с цепью, и вышел из машины, оставив включенными фары. Мощные лучи с силой рассекали безлунную темень, но все равно не могли осветить больше чем узкую полосу свалки. По краям освещенного участка темнота казалась еще гуще, словно собиралась перейти в нападение.

Гордон поднял руки и просунул пальцы в квадратные отверстия металлической изгороди, прижимаясь лицом к тяжелой цепи. Он чувствовал сильный запах незахороненных отбросов, гниющих пищевых отходов, горящего мусора. Он знал, что свалка существует практически столько же, сколько и Рэндолл. Здесь под землей хранятся многие тонны всякого рода отходов. Много натуральных, органических, но много и других. Различные синтетические продукты, невероятно возрастающее количество предметов одноразового пользования, отработавшие свое карбюраторные фильтры, старое автомобильное масло, старая трансмиссионная жидкость... Бог знает, почему все это здесь оказалось.

Доктор Уотерстон прав. Все это вполне может просочиться под землю и попасть в водоносные пласты, откуда идет водоснабжение города.

Он вгляделся во мрак, стараясь рассмотреть подробности ландшафта свалки, занимающей площадь несколько акров. Он знал, что именно здесь обнаружили тела семейства Селвэй. Он читал об этом в газете. Они нашли тела детей, буквально разорванные на куски, едва узнаваемые. Голову миссис Селвэй отчленили от тела и закопали отдельно. Гордона передернуло. От страха его охватил настоящий озноб.

В рассеянном свете фар джипа вдруг возникла движущаяся белая фигура.

Сердце куда-то ухнуло, от прилива крови загудело в ушах. Пальцы изо всех сил вцепились в металлическую ограду.

– Эй! – громко крикнул он, подбадривая себя. – Что ты тут делаешь?

Ответа не последовало. Он продолжал пристально вглядываться в темноту свалки, надеясь зафиксировать какое-нибудь движение.

Вновь та же фигура пересекла полосу света фар, на этот раз ближе.

Гордон отпрянул от изгороди, не осмеливаясь отвести взгляд и испытывая ужас от того, что мог увидеть. Фигура была обгоревшей, очень сильно обгоревшей, угольно-черный стручок человеческого тела в сияюще-белой тишотке. Фигура звала его, приглашала подойти ближе.

Он ударился о свой джип и обрел некую уверенность, ощутив за спиной надежную металлическую прочность капота. На ощупь он добрался до водительского места, не сводя глаз с той точки, где последний раз видел кошмарную фигуру.

Он начал залезать в джип. И только в этот момент увидел, что на водительском месте сидит мальчик. Гордон отшатнулся.

– Не бойтесь, – произнес мальчик, пытаясь улыбнуться. Ему было лет двенадцать-тринадцать. Одет он был в странные великоватые ему штаны и белую тишотку. Грязные длинные волосы локонами лежали на плечах. Несмотря на то что мальчик хотел выглядеть храбрым, уверенным, спокойным, Гордону показалось, что он на самом деле нервничает и боится.

– Бояться нечего, – повторил мальчик.

– Кто ты? – спросил Гордон, пятясь от джипа.

– Ваш друг, – ответил мальчик. Он вылез из машины и приблизился к Гордону, протягивая руку. – Я должен вам кое-что показать.

Голос мальчика нервно дрожал, но в нем угадывалась железная решительность, словно он знал, что должен что-то сказать, но боялся произнести. Гордон покачал головой, продолжая отступать назад. Он понимал, что отступает в темень леса, прочь от современного комфорта джипа и света его фар, но это было не важно. Естественная темнота сзади казалась бесконечно предпочтительнее неестественного мальчика впереди.

– Я должен вам кое-что показать, – повторил мальчик, откидывая одной рукой прядь волос со лба. – Не убегайте.

Он отвернулся от мальчика... и оказался стоящим в большом полукруге вместе с

несколькими жителями города. Пламя, горящее перед ними, было таким высоким и жарким, что раскаленный воздух дрожал, не давая возможности разглядеть лица. Но Гордон инстинктивно чувствовал, что эти люди – из его города.

Огонь полыхал и трещал, языки пламени взвивались все выше и выше, пока не поднялись над макушками самых высоких сосен. Откуда-то из пламени доносились крики и стоны, вопли боли и агонии, и Гордон увидел, что то, что он по ошибке принял за обгорелые головешки, на самом деле шевелилось, корчилось, извивалось. Вдруг оттуда поднялась обгоревшая до черноты рука и упала, превратившись в пепел.

Кто-то рядом схватил его за руку. Гордон ощутил прикосновение ледяного мертвого тела, повернул голову и увидел мальчика. На лице застыло выражение суровой решимости.

А затем они с мальчиком оказались одни на небольшой поляне, окруженной соснами и осинами. Дул сильный ветер. Светила полная луна, которую то и дело перекрывали плотные дождевые облака, отчего залитый голубоватым светом пейзаж приобретал мистический вид бегущей реки. Где-то в лесу раздавался похоронный вой волка или койота.

– Вот это я хотел вам показать, – произнес мальчик, отпуская его руку.

Гордон всмотрелся в землю под ногами. Среди густых зарослей просвечивали маленькие белые кресты. Он испугался, внезапно ощутив такой леденящий ужас, какого не испытывал никогда в жизни. Гордон поднял голову, чтобы взглянуть на мальчика, но мальчик исчез. Он остался один в этом омерзительном месте, и крепко зажмурился в надежде, что оно тоже сейчас исчезнет, но, открыв глаза, увидел, что все осталось как было. Ветер уже просто гудел. По земле неслись листья, ветки, мелкие сучья. Белые кресты, одни – стоящие вертикально, другие – покосившиеся под разными углами, казалось, излучали какой-то неестественный свет.

Большое облако наплыло на небесное светило, погрузив поляну в полнейший мрак. А затем кусты перед белыми крестами расступились. Огромный пласт каменистой почвы вдруг начал подниматься, словно нечто, находящееся под ним, стремилось вырваться на волю.

Разбушевавшийся ветер относил в сторону его безумный вопль. Он почувствовал, как мягкая рука взяла его за ногу, опустил голову... и увидел на скомканной простыне руку Марины. Он сидел на кровати, весь в липком холодном поту, в окружении смятых простыней. Марина пристально смотрела на него. На ее прекрасном лице появились озабоченные морщинки.

– Что с тобой? – спросила она.

Он только покачал головой, не в силах произнести ни слова. Сердце все еще колотилось как бешеное. Он взял ее за руку и крепко сжал.

– Тебе в последнее время слишком часто стали сниться кошмары, – проговорила она, пристально вглядываясь в лицо.

– Верно, – кивнул он, откидываясь на подушку. – Но этот был просто невероятный.

– Что-то очень неприятное? Не хочешь пересказать? Если что-то серьезное, мы должны обсудить. Я не хочу, чтобы ты копил это в себе.

– Нет, так, в общем, – покачал он головой. – Думаю, дело в напряжении последних дней. Ребенок. То, о чем рассказывал доктор Уотерстон. Кошка. Ситуация с деньгами. – Гордон притянул к себе жену. – Это не то, с чем я бы не мог справиться. На самом деле, днем я никакого особенного стресса не ощущаю.

– А по ночам тебе снятся кошмары.

– По ночам снятся кошмары, – согласился Гордон.

Некоторое время они лежали молча, наслаждаясь близостью. Марина слушала, как где-то вдалеке лает собака.

– Слушай, а может... – начала она, поворачиваясь к мужу, но он уже спал, слегка похрапывая, и она снова легла на спину, глядя в потолок.

Вскоре она тоже заснула.

3

– О Господи, да что же это, весь мир с ума сошел, что ли! – в отчаянии воскликнул Джим, запустив пятерню в потные волосы. Шляпа съехала набок. Он плюхнулся в свое кресло. – Ну

что ж, – вздохнул он. – Пусть зайдет.

Рита кивнула, вышла из кабинета и характерным движением головы кивнула, приглашая посетителя. Джим услышал знакомый звук шагов по коридору. Устроившись поудобнее, он попытался принять заинтересованное и озабоченное выражение лица, но понял, что сейчас это ему не под силу, и перестал напрягаться.

Гордон миновал дежурную, которая все еще придерживала дверь, и вошел в кабинет. Шериф кивком головы пригласил его присаживаться.

– Какие новости, мистер Льюис? – устало спросил он. Рита вышла, прикрыв дверь.

– Я как раз хотел задать вам этот вопрос.

– Никаких, – улыбнулся Джим.

– Послушайте, шериф!..

– Нет, это вы послушайте. В данный момент на мне висит несколько нераскрытых убийств, несколько дел о пропаже людей и сотни тысяч долларов ущерба от вандализма, который я должен каким-то образом объяснить. И сейчас дело о вашей кошке, честно сказать, ну никак не попадает в список приоритетных.

– Конечно, это же пустяки. В наши дни люди то и дело вламываются в чужие дома, чтобы потрошить котят. – Гордон встал. – Послушайте, шериф. Моя жена в панике, я сам из-за этого потерял сон. Какой-то опасный психопат свободно шляется по округе, а вы пытаетесь сделать вид, что это безобидные детские шалости. Я уже чертовски устал от ваших...

– Лучше остановитесь, – перебил его Велдон, вставая. – Больше ни слова, – угрожающим тоном добавил он, направив на посетителя указательный палец. Его более молодой собеседник явно ступешался. Джим покачал головой. – Ладно, прошу прощения. Я не собирался отмахиваться от вашей проблемы или говорить, что она не имеет значения. Просто у меня сейчас одновременно куча дел. Вы правы, у нас действительно появились какие-то опасные психи, и я стараюсь изо всех сил держать ситуацию под контролем. В нашем городе стали происходить странные события.

– Я понимаю, – кивнул Гордон. – Одно из них произошло у меня дома. – Он снова сел.

Джим улыбнулся. Напряжение спало. Он подошел к окну и выглянул на улицу. Где-то на Зубцах поисковая партия пытается найти Джека Харрисона, Уэйна Фиска и Мэтта Макдауэлла. Лесопилка работает на четверть мощности. Многие рабочие, включая Тима Макдауэлла, отправились на поиски. Джим обернулся к Гордону.

– Вы знаете Тима Макдауэлла?

– Да, – кивнул Гордон. – Мы с ним давние друзья. Он мне позвонил, как только узнал об этом. Вчера после обеда я ездил с ним на поиски. Просто в голове не укладывается.

– Вы и половины не знаете, – фыркнул Джим. – Я могу вам рассказать такое... – помолчав, он чертыхнулся, словно изумляясь сам себе. – Да, чувствую себя просто шерифом из кинофильма, который обследует развалины своего города после крупной катастрофы и приговаривает – "здесь можно было неплохо жить". – Джим хмыкнул. – За исключением того, что у меня есть странное предчувствие, что крупная катастрофа еще не произошла.

– У меня тоже, – негромко заметил Гордон.

– У вас тоже? – Шериф не без удивления посмотрел на него. – Что значит "у вас тоже"? Вы и понятия не имеете, что происходит.

– Ну так просветите меня.

Джим некоторое время смотрел на него, словно раздумывая, потом покачал головой.

– Нет. – Он подошел к своему столу. Снял шляпу со стопки бумаг и перевесил ее на вешалку. – Послушайте, почему бы вам не поехать домой? Если что выяснится, я вам позвоню.

Гордон одарил его скептическим взглядом.

– Обещаю, – улыбнулся Джим, вскинув руку с тремя прижатыми пальцами. – Слово шерифа.

– Хорошо, – кивнул Гордон, вставая. – Тем более у меня все равно куча дел. Жена просит, чтобы я поставил новые запоры на все двери и посмотрел, нельзя ли что сделать с окнами. Позвоните мне, если что прояснится или появятся новые вопросы. – Он подавил зевок. – Прошу прощения, – смущенно улыбнулся Гордон. – С этими событиями и последними снами я катастрофически не высыпаюсь.

Рассеянная прощальная улыбка шерифа вдруг растаяла. Он уже был готов распахнуть дверь перед уходящим посетителем, но рука застыла на дверной ручке.

– Сны? – переспросил он.

– Да. Кошмары. – Гордон вопросительно посмотрел на него. – Какое это имеет значение?

– Скажите, у вас обычные кошмары?

– Смотря что вы понимаете под словом "обычные".

– И часто бывают?

– Очень часто, – кивнул Гордон.

– А когда они начались? Недавно? Примерно месяц назад?

Гордон молча попятился обратно к столу.

– Что все это значит? – тихо спросил он. – Что вам известно?

* * *

Через час двое мужчин ехали по Старой горной дороге мимо старого заброшенного здания, в котором когда-то размещался городской зал для боулинга.

– Я хочу, чтобы вы поговорили со священником, – говорил Джим. – Расскажите ему то, что говорили мне. Я тоже расскажу ему все, что знаю. У меня возникли некоторые смутные подозрения по поводу происходящего, но не уверен, что готов выложить ему все, что действительно думаю. – Джим свернул на боковую улицу. – Я встречался с отцом Эндрюсом несколько дней назад, когда в его жилище произошли эти гадости. Он очень разумный человек. Очень хорошо разбирается в экстрасенсорике, парапсихологии и подобных вещах. Думаю, он может нам помочь.

– В его доме тоже произошли какие-то гадости?

– Гораздо больше, чем в вашем. Уничтожили всю библиотеку. Книги разодраны, страницы дерьмом измазаны. –

Джим взглянул на Гордона. – Я имею в виду – настоящим дерьмом. Человеческими экскрементами. И вдобавок устроили пожар.

– Это дом отца Селвэя? – вдруг спросил Гордон.

– Да.

– Думаете, это может быть как-то связано?

– Не думаю, а уверен, – хмуро кивнул шериф. Машина остановилась перед одноэтажным деревянным строением, расположенным на некотором удалении от дороги. На грунтовой дорожке стоял черный "плимут". Шериф остановил машину и направился к входной двери. Гордон последовал за ним.

Они уже почти подошли к двери, как из-за угла дома показался чисто выбритый человек с коротко стриженными светлыми волосами, в поношенных джинсах и рабочей рубашке.

– Услышал звук мотора, – пояснил человек, приветственно помахав Джиму садовой лопаткой. – Решил вот немного садом заняться.

Гости обошли дом. Священник стоял рядом с большим прямоугольным участком перекопанной земли, который занимал почти всю территорию заднего двора. Почву перекопали недавно, под стеной дома еще громоздилась куча сухих стеблей и веток манзаниты. В дальнем конце участка виднелись начала грядок. Священник бросил совок рядом с пакетами семян и вытер руки о джинсы, прежде чем поздороваться с Гордоном.

– Отец Дональд Эндрюс, – представился он. – Первая епископальная церковь.

– Гордон Льюис, – в свою очередь назвал себя Гордон, отвечая на рукопожатие. – Доставщик пепси.

Священник расхохотался, подавая руку Велдону.

– Чем могу быть полезен, джентльмены?

Джим посмотрел на Гордона, потом – на священника.

– Нам надо поговорить. Я хотел бы вам кое о чем рассказать.

От интонации шерифа лицо священника посерьезнело.

– Это связано с тем, о чем мы с вами недавно разговаривали?

Джим кивнул:

– Я на это рассчитывал. У меня возникло чувство, что вы что-то недоговариваете. Надеюсь, что я ошибаюсь. – Эндрюс подхватил коробку с семенами и двинулся к дому. – Идемте, лучше поговорим там.

Пока отец Эндрюс мыл руки и ставил на огонь чайник, Джим с Гордоном сидели на диване в гостиной. Через пару минут священник вышел из кухни и устроился в большом мягком кресле напротив.

– Итак, о чем вы хотели поговорить? – спросил он, обращаясь к шерифу.

– О снах, – ответил Джим.

– О чем?

– Вы знакомы с проявлениями сверхъестественного, отец. Вы изучали их, вы сами их иногда испытываете. Священник кивнул.

– Думаю, то, что происходит здесь – из этого же ряда. С недавних пор нам с Гордоном стали сниться весьма странные кошмары. Насколько мне известно, подобного рода сны видят и другие. – Он помолчал, потом подался вперед. – Такие же сны видел мальчик по имени Дон Уилсон. Но он во сне видел то, что происходило в действительности. Он видел, как была убита семья Селвэй, и рассказал нам, где мы можем найти их тела.

От удивления брови священника полезли на лоб.

– Он умер, – продолжил шериф, предвосхищая очевидный вопрос. – Он увидел новый сон, очень важный сон, и сказал, что должен мне его рассказать лично, но погиб, не успев этого сделать.

– Что произошло? – спросил Гордон.

– Их дом сгорел. По официальной версии, он задохнулся в дыму. – Джим покачал головой. – То есть он действительно умер, задохнувшись в дыму. Но это было преднамеренно. Он был убит. Это был очень удобный пожар.

– Своего рода культ? – нахмурившись, спросил отец Эндрюс.

– Так думает моя жена. Но я лично так не считаю. Понимаю, это может прозвучать дико, но постарайтесь меня понять. – На кухне засвистел чайник, и шериф вопросительно посмотрел на хозяина, но священник отрицательно покачал головой. Джим перевел взгляд на Гордона, а затем – снова на Эндрюса. – Мальчик рассказал мне, что увидел сон, как некие монстры мучили и убивали семью Селвэй. Он сказал, что эти твари съели самого младшего, а остальных детей разорвали на части и оторвали голову миссис Селвэй. Мы нашли полусъеденные останки младенца, расчлененные тела остальных детей, мать, ее оторванную голову точно там, где указал мне Дон. – Шериф посмотрел на Гордона. – Все это должно остаться между нами, понятно?

Побледневший Гордон мог только молча кивнуть. – Но это еще не все. Дон сказал мне, что после того, как эти твари убили семью Селвэй, они поставили самого отца Селвэя на колени перед огнем и приказали поклониться его новому богу. Из пламени появилось нечто огромное, с рогами, как сказал Дон, напоминающее дьявола, и Селвэй вошел в огонь. – Он помолчал. – Останков Селвэя мы не нашли. Дон сказал, что и не найдем никогда.

– Потрясающая история, – проговорил отец Эндрюс. – Вы ждете, что я в нее поверю?

– Во что именно вы не можете поверить?

– С чего мне начать? – вопросом на вопрос ответил священник, взглянул на шерифа и вздохнул. – Ну хорошо. Во-первых, представление о дьяволе как существе с рогами, хвостом и вилами идет от художников и беллетристов. На самом деле, нет никакого теологического базиса...

– Вы хотите сказать, что Библия дает детальное описание всех и каждого из упоминаемых демонов, и ни у одного из них нет рогов?

– Разумеется, нет. Конкретных описаний чрезвычайно мало.

– Тогда дальше.

– Но корреляция возникающих во сне образов с действительностью не является буквальной. Вряд ли возможно установить четкое соотношение между конкретными предчувствиями и тем, что происходит в реальности.

– Сделайте одолжение, – поднял руку шериф. – Допустим, мальчик действительно видел то, что происходило. Что тогда?

– Я...

– Примите еще во внимание, что несколько церквей подверглись осквернению и измазаны козьей кровью, кровью тех коз, которые были жестоко умерщвлены в близлежащих фермерских хозяйствах, были убиты двое фермеров, и подобные вещи стали происходить во всем штате. Прибавьте сюда ваш собственный опыт, исчезновение троих подростков и такую мелочь, как кошка Гордона. Что получится?

– Вас интересует мое официальное мнение как представителя епископальной церкви или мое личное?

– Ваше личное мнение. Откровенное мнение.

– Я не знаю, – ответил отец Эндрюс. – Но вы меня напугали.

4

Когда Гордон вылез из машины, Марина уже спускалась по ступенькам крыльца навстречу.

– Что ты так долго?

Гордон поцеловал ее в губы и слегка пожал плечами.

– Узнал что-нибудь у шерифа?

– Нет. Ничего нового.

– Вот подлец. Будь я проклята, если проголосую за него еще раз. Пальцем о палец не хочет ударить, чтобы установить, в чем дело.

– Он старается, – заметил Гордон. Марина сделала шаг назад, вздернула брови и сложила на груди руки.

– И что же он сделал? Поведал жалостную историю о том, как много у него работы?

– Нет, – улыбнулся Гордон.

– А почему же ты торчишь у него?

– Сейчас много чего происходит. Он занят.

– Владу это не поможет. – Марина сердито вскинула голову, развернулась и пошла к дому.

– Слушай, давай не будем сейчас об этом, – проговорил Гордон, идя за ней следом. В руке у него оказался увесистый сверток из плотной коричневой бумаги. Он пошуршал, и Марина обернулась на звук.

– Я купил замки.

– Уже кое-что, – без особого энтузиазма откликнулась она.

– Хочу поставить, чтобы больше не думать, что к нам кто-нибудь может залезть.

– Вот и займись. А я займусь ужином, – сменила гнев на милость Марина.

Ближайший час он провел в занудной работе по установлению замков на окна. Когда он добрался до последнего, кухонного окна, Марина позвала к столу. Он отмахнулся, сказав, что осталось немного, и начал торопливо вкручивать последние шурупы.

Вернувшись в дом, он вымыл руки на кухне. Марина поставила на стол большую миску с салатом и две чашки мясного супа с овощами. Похоже, она уже забыла о недавнем недоразумении.

– Ну, – спросила она, раскладывая столовые приборы, – и как же эти замки работают?

– Просто, – ответил он, усаживаясь. – Толкаешь задвижку, когда закрываешь окно, и тянешь на себя, когда открываешь.

– А почему ты их поставил снаружи?

– Сам замок находится внутри, хотя ты и будешь запирать его снаружи.

Зазвонил телефон, и они переглянулись. Обычно на телефонные звонки во время ужина они не отвечали, но сейчас Гордон не хотел упустить ни единого шанса.

– Возьму, пожалуй, – сказал он. Марина кивнула.

Через пару минут он вернулся на кухню, явно смущенный.

– Брэд, – пояснил он и почесал затылок. – Просит помочь ему вечером.

– Ничего себе! – вскинулась Марина. – Уже седьмой час!

– Последние дни в связи с нашими происшествиями он отпускал меня раньше...

– Ну и что? Ты теперь ему по гроб жизни обязан?

– Нет, но поэтому он не укладывается в расписание. Ему надо помочь развезти всего лишь несколько ящиков по городским магазинам. Вот и все. Вдвоем это работы на час, от силы – на полтора.

– А как же дверные запоры? Ты что, хочешь меня просто так оставить? Через час уже стемнеет.

– У нас всего две двери, – попробовал урезонить жену Гордон. – Я вполне успею поставить оба запора.

– Ну тогда ешь быстрее. – Марина поежилась, хотя в доме было тепло. – Я хочу, чтобы ты поставил их, прежде чем уедешь.

* * *

Марина включила свет во всем доме, и тем не менее ей было страшно. Надо было поехать с Гордоном, поехать с ним по магазинам, посидеть в кабине, почитать журнал, пока они разгружают свои ящики.

Дом вздыхал и потрескивал, она уговаривала себя, что это из-за ветра, хотя на самом деле никакого ветра на улице не было. Она попробовала сосредоточиться на телевизоре, погрузиться в какой-то сериал, но картинка была некачественной, треск разрядов заглушал диалоги. Видимо, где-то между Рэндоллом и Флагстаффом идет гроза, решила Марина. Вслед за этой мыслью пришла другая – о своей полной изоляции от окружающего мира. Марина решила позвонить Джинни, но тут же передумала. Говорить ей на самом деле не о чем; звонок – всего лишь попытка пригасить свои страхи, симулировать приятельские отношения.

А разве этого недостаточно?

Нет. Она заставила себя уставиться в мельтешащий экран. Да и вообще Гордон скоро должен приехать.

Раздался стук в дверь. Марина подпрыгнула в кресле и выбежала из комнаты. Оказавшись в гостиной, она осторожно выглянула через неплотно задернутые шторы в окно, из которого было видно крыльцо. На крыльце стоял странный мужчина в сером деловом костюме.

Марина коротко вскрикнула, и острый взгляд мужчины моментально переместился на окно. Задернув занавеску, Марина попятилась, наткнулась на стул и вцепилась в спинку, чтобы не упасть.

Раздался новый стук. На этот раз – тверже, настойчивей. Мужчина хотел войти!

– Уходите! – крикнула Марина.

– Я пришел поговорить с вами и с вашим мужем! – сообщил мужчина громким, хорошо поставленным голосом профессионального оратора.

– Мужа нет дома! Приходите в другой раз!

– В таком случае я поговорю с вами.

Марина облизнула губы, но язык, оказывается, тоже пересох. Руки дрожали от страха. Медленно и осторожно она снова подкралась к окну. Подумав немного, она переместилась на другой наблюдательный пункт – к окну с противоположной стороны двери. Чуть-чуть отодвинув занавеску, она выглянула и увидела, что взгляд мужчины по-прежнему прикован к тому окну.

– Мне бы хотелось поговорить с вами! – повторил мужчина.

– Я вас очень хорошо слышу, – крикнула в ответ Марина. Говорите то, что вы хотите сказать, и уходите! Или я позвоню шерифу.

Мужчина быстро повернулся на голос, и Марина была поражена напряженностью его взгляда. Она обратила внимание, что в руке мужчина держал Библию в черном переплете.

– Кто вы? – спросила она.

– Меня зовут брат Элиас. Я пришел уберечь вас от опасности и отвести от края пропасти, над которой вы стоите.

– Уходите отсюда!

Брат Элиас поднял Библию и открыл на заранее заложенной странице. "Дети! Последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы

и познаем из того, что последнее время. Они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши". Он закрыл Библию и посмотрел Марине прямо в глаза.

Неужели вот так эти люди вербуют своих последователей? Неужели вот так Джим Джоунс обрел своих учеников? Она не могла отвести взгляд. Ее словно загипнотизировали.

– Так сказано в Первом послании Иоанна, глава вторая, стихи восемнадцатый и девятнадцатый. Антихрист не приближается, антихристы уже здесь! – Голос приобрел накатанную ораторскую интонацию фанатичного священника. – Мы должны бороться со Злом в его обители! Мы должны извлечь его из мрачных углов под ясный божественный свет Господа, и оно рассеется согласно священному слову Господа! – Он снова раскрыл Библию, отведя взгляд, и Марина быстро задвинула штору, ретировавшись в глубину комнаты.

Она пошла к телефону. Громкий голос с улицы перекрывал звучание телевизора.

– "И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним".

Марина трясущимися руками раскрыла блокнот с телефонами срочного вызова и набрала номер. Линия оказалась занята, и она набрала снова.

– "Когда же дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену, которая родила младенца мужского пола..."

– Замолчите! – крикнула Марина. – Замолчите! – К счастью, голос на мгновение умолк. Она снова набрала телефонный номер. – Я звоню шерифу, – сообщила она. – Я потребую, чтобы вас арестовали!

– Я пришел, чтобы спасти вас от мрака, который грозит вам, от Зла внутри. Я здесь, чтобы вывести вас на тропу праведности и...

– Убирайтесь к чертовой матери!

Марина сознавала, что голос звучит панически. Что она впадает в истерику, но от ужаса ничего не могла с собой сделать. Перед глазами непроизвольно возник образ забрызганной кровью кухни, красно-серых клочков тушки Влада, разбросанных по кафельному полу и по столешнице из "формайки"³. Она очередной раз набрала номер шерифа, и на этот раз на другом конце сняли трубку.

– Это Марина Льюис, – шепотом проговорила она. – У моего дома какой-то человек. Он перед входной дверью и пытается войти...

– К вам немедленно приедут, – ответила дежурная. – Не впускайте его. У вас есть в доме оружие?

– Нет.

– В таком случае предлагаю взять бейсбольную биту, или нож, короче, все, что может случить оружием. На всякий случай. – Послышался щелчок, голос дежурной стал едва слышен. Она отдавала какое-то распоряжение. – Помощник Чмура и помощник Весе уже выезжают к вам. Не паникуйте.

– Хорошо. – Марина подняла голову, отложив трубку. Голос снаружи прекратился. Какое-то время она прислушивалась, потом подбежала выключить телевизор. Тишина. Собрав остатки храбрости, она отодвинула штору и выглянула наружу.

Брат Элиас исчез.

Марина вернулась к телефону.

– Он ушел, – сказала она. – Спасибо. – И, не дождавшись ответа дежурной, положила трубку. Потом снова встала и подошла к окну, пытаясь разглядеть какое-нибудь движение в темноте, расслышать звук отъезжающей машины.

Через несколько секунд послышался звук сирены, он становился все громче, ближе. Деревья, окаймляющие узкую грунтовую дорогу, вскоре осветились сине-красными огнями фонарей патрульной машины шерифа. За ней, к невероятному облегчению, Марина увидела джип Гордона.

Марина открыла входную дверь и выбежала наружу.

³ "Формайка" – жаростойкий пластик для покрытия кухонной мебели (фирменное название).

И только в этот момент поняла, что плачет.

5

Молитвенное собрание завершилось, и отец Эндрюс топтался на месте, пожимая протянутые руки и общаясь с прихожанами. Собрание прошло гораздо лучше, чем он предполагал. Ему еще ни разу не доводилось проводить молитвенное собрание, и хотя теоретически он знал, что от него требовалось, был уверен, что практически все окажется по-другому. И сомневался, что сможет справиться. Но в это воскресенье паства отца Селвэя оказалась добра к нему, и пришедшие на молитвенное собрание оказались исключительно милы. Они направляли его в течение всего собрания, давая понять, как делал то или иное отец Селвэй, и в то же время показывая, что, если он хочет внести какие-то изменения, они совершенно не возражают.

Отец Эндрюс взял в руки чашку с красным пуншем. Пожилая дама в большой шляпе и чрезмерном количестве косметики, стоящая рядом, потянулась за печеньем.

– Меня зовут Бетти Мерфи, – улыбнувшись, представилась дама.

Он пожал протянутую ею руку.

– Очень приятно, миссис Мерфи. Рад, что вы смогли посетить наше собрание.

– О, я не пропустила бы его ни за что на свете, – хихикнула дама. – Я хожу каждую неделю. Начала ходить с тех пор, как не стало моего Джима. – Она поправила свою шляпу, украшенную цветами. – Мне хотелось спросить, что вы думаете по поводу этого нового проповедника, который выступает по городу?

– Новый проповедник?

– Да. Я точно не знаю, кто он такой, но на этой неделе видела его дважды. Первый раз он проповедовал на автостоянке перед старым зданием для боулинга. А во второй – около почты. Он забрался на крышу машины и кричал проходящим мимо людям про адский огонь, проклятие и все такое и что мы все будем гореть, если не покаемся. – Она с презрением сморщила носик и, фамильярно взяв священника за руку, добавила: – Мне никогда не нравились проповеди такого рода. Поэтому я хожу в епископальную церковь.

– Извините, что невольно услышал ваш разговор. – От небольшой группы отделился худощавый мужчина средних лет в новой пестрой рубашке с галстуком "боло" и протянул руку. – Джефф Хот.

– Очень приятно, – ответил на рукопожатие отец Эндрюс.

– Вы говорили об этом уличном проповеднике, который несколько дней бродит по городу? – уточнил он, повернувшись к миссис Мерфи.

Она кивнула; большая шляпа согласно качнулась вниз и вверх.

– Вы слышали, о чем он говорил?

– Более чем достаточно, – фыркнула миссис Мерфи.

– Этот проповедник – ненормальный, – продолжил мужчина, обращаясь к отцу Эндрюсу. – Вчера я подъехал на кольцо, мне надо было купить льда, и увидел толпу, собравшуюся у края здания. Я подошел посмотреть, и увидел этого проповедника. Он забрался на деревянную катушку от телефонного кабеля. Днем, в самое пекло, а он в плотном сером костюме. Ну, я решил постоять послушать немного. Ничего подобного в жизни слышать не приходилось, – покачал головой мужчина. – Сначала он, как говорила миссис Мерфи, пугал всех адскими муками, а потом перешел... к своему бреду о том, что сатана собирается сразиться с Богом здесь, на Земле, и что нам лучше позаботиться об оружии для битвы. Он говорил о том, что некоторые станут сражаться на стороне Бога, но будут и те, кто сразится на стороне сатаны. А потом начал показывать на конкретных людей!

– В этом нет ничего необычного, – улыбнулся отец Эндрюс. – Многие евангелисты пользуются такими методами, чтобы зажечь толпу и заставить людей к ним прислушиваться.

– Он сказал, что Бог и сатана собираются сразиться здесь, в Рэндолле. На следующей неделе.

Улыбка на лице отца Эндрюса пропала. Миссис Мерфи громко рассмеялась. Она отпустила руку священника и схватилась за мужчину.

– Ну Джефф! Ты же не хочешь сказать, что поверил в эти бредни?

– Разумеется, нет, – покачал тот головой. – Но многие, кажется, поверили. Вот о чем я хотел поговорить с вами, святой отец, – вновь обратился он к отцу Эндрюсу. – Вы не могли бы сделать какого-нибудь рода предупреждение во время воскресной службы? Сказать людям, чтобы не слушали этого ненормального?

– Нет, этого я сделать не могу, – медленно покачал головой священник. – Не моя роль критиковать иные верования, тем более с кафедры.

– Я понимаю. Я просто подумал, что, может, на благо общества...

– Нет, – твердо произнес отец Эндрюс.

– Ну ладно, – кивнул Джефф. Он уже собрался отойти, но остановился. Словно что-то вспомнив. – Знаете, что еще? Когда я уходил, он начал делать предсказания.

– Какого рода предсказания? – нахмурился отец Эндрюс.

– Я расслышал только самое первое. Он сказал, что все церкви города – одна за другой – будут поражены дьявольским огнем. Потом я пошел покупать лед. Он продолжал еще что-то говорить, но я уже не слышал.

– Это уже серьезнее, – произнес отец Эндрюс. Некоторое время он молчал, размышляя, но вспомнив, что на него смотрят две пары глаз, заставил себя улыбнуться. – Разумеется, он наверняка слышал про вандализм, и про то, что случилось с семьей Селвэй, и попытался повернуть это в свою пользу.

– Возможно, – кивнул Джефф и еще раз пожал руку священнику. – Я получил большое удовольствие от собрания, святой отец. Считаю своим долгом сказать вам об этом. Надеюсь, вы побудете с нами некоторое время.

– Я тоже надеюсь, – со смехом откликнулся отец Эндрюс, но почти мгновенно оборвал смех, сообразив, насколько бесчувственно и легкомысленно он ведет себя в свете того, что произошло с отцом Селвэем. Хотя он лично никогда не встречался со своим предшественником, все окружающие были с ним в дружеских отношениях и весьма любили его.

Однако ни Джефф, ни миссис Мерфи не заметили его оплошности, и он решил не заострять на этом внимания, переключившись на возбужденную болтовню миссис Мерфи, которая сообщала ему подробности обо всех, кто находился в зале. Он увидел, как Джефф с двумя приятелями вышли из помещения. Через несколько секунд к нему приблизилось еще несколько пожилых дам, желая сообщить, как им понравилось сегодняшнее собрание. Он продолжал поддерживать легкую беседу. Однако что-то в этой истории с уличным проповедником задело его, и он понял, что думает только об этом, почти не обращая внимания на разговоры вокруг.

К десяти часам все, даже миссис Мерфи, разошлись. Он отнес в холодильник коробку с неразобранным пуншем, потом собрал пластиковые стаканчики, оставленные на столах. Потом еще раз окинул беглым взглядом все помещение, выключил свет, вышел на улицу и запер за собой дверь. В первую же секунду, оказавшись снаружи, отец Эндрюс почувствовал, как его обволакивает какая-то волна ужаса. Воздух внезапно сгустился так, что стало трудно дышать. Он мгновенно вспомнил о проповеднике.

Вечернюю тишину вдруг пререзал громкий звук сирены. Звук доносился из центра города. Пожар, подумал отец Эндрюс. Горит одна из церквей.

Но усилием воли отказался от этой мысли. Это всего лишь гипертрофированная реакция на недавние разговоры с шерифом. Он уже на тени кидается. Нельзя допустить, чтобы довели эмоции. Если он хочет быть чем-то полезен шерифу, прежде всего нужно заставить себя думать логически и рационально.

Как только он сел в машину, начало моросить. Мелкий дождик и включенные дворники смыли со стекла мельчайшие частицы сажи и пепла.

Джим сидел в офисе Эрнста, скрючившись в неудобном пластиковом кресле, которое шеф пожарной команды стибрил из начальной школы, когда у них загорелась столовая. Эрнст,

установившись в стол, медленно покачивал головой.

– Это поджог, – повторил он. – Для официального расследования у нас, разумеется, еще не было времени, но с годами просто начинаешь чувствовать подобные вещи. Это поджог. Могу спорить на деньги.

Джим встал и начал мерить шагами комнату.

– Черт побери, так я и знал. Этого мне только и не хватало.

В открытую дверь просунулась голова Натали Эрнст.

– Вы не хотите чего-нибудь выпить? Кофе?

Главный пожарный покачал головой:

– Не сейчас, Нат. Спасибо. Может, попозже.

– Хорошо. – Натали одарила свекра лучезарной улыбкой. Эрнст взял со стола короткий толстый карандаш и принялся вертеть его между пальцев.

– Сезон пожаров, сам понимаешь. Лесничие делают все, что в их силах, но и у нас тоже забот хоть отбавляй.

– Понимаю, – кивнул Джим.

– Скоро начнутся муссоны, – продолжал Эрнст. – Если тебе с твоими парнями понадобится помощь, мы с удовольствием. Могу выделить тебе несколько человек, если тут, конечно, какой-нибудь сумасшедший дом не начнется.

– Спасибо, но... – заговорил Джим, но голос его был прерван частым и громким звоном колокола – сигнал пожарной тревоги. Эрнст моментально нажал кнопку интеркома на своем столе.

– Где это?

– Церковь, – послышался в динамике голос Натали. Первая южная баптистская. На востоке Главной улицы.

– Хочешь с нами? – спросил Эрнст Джима. Шериф кивнул и поспешил за ним в гараж, где четверо пожарных уже облачались в свои костюмы. Эрнст быстро влез в свою робу и прыгнул в машину. Джим устроился рядом, на пассажирском сиденье, остальные разместились сзади. Эрнст врубил сирену, и пожарный автомобиль выкатился на улицу.

– Жарковато будет, – заметил он, подъезжая к церкви. Джим обратил внимание, что вся стоянка перед церковью усеяна разбитым витражным стеклом. Окна словно взорвались изнутри, и из зияющих отверстий валили густые клубы белого дыма. Из отверстий крыши выплескивались оранжевые языки пламени.

– Есть кто внутри? – крикнул Эрнст, выпрыгивая из машины. Молодой человек, оказавшийся поблизости, покачал головой. Пожарные уже раскатывали шланги. – Давно горит? – продолжал Эрнст.

– Когда я пришел, уже горело, – ответил юноша.

– Ты звонил?

– Нет. Вот она, – показал он на девочку-подростка, которая смотрела на огонь, прижав кулачки ко рту.

Пожарные уже подсоединили шланги, двое снимали топоры с заднего борта машины. Эрнст поспешил им на помощь, а Джим подошел к рыдающей девочке.

– Это ты сообщила о пожаре? – мягко спросил он. Девочка кивнула, не отнимая рук от рта.

– Я шериф Джим Велдон. Ты не могла бы мне рассказать, что именно ты увидела? Ты видела, как все началось?

– Я просто шла мимо, в магазин, – покачала головой девочка, – и обратила внимание, что из-под двери тянется дым. Это моя церковь, понимаете, – добавила она, вытирая слезы. – Я подбежала, потянула дверь, и оттуда повалил дым. Я крикнула, чтобы узнать, нет ли кого внутри, но никто не ответил. Потом обежала вокруг здания, посмотреть, нет ли машины пастора Уильямса, не увидела и решила, что в церкви никого нет. И тогда перебежала через улицу и позвонила в пожарную часть. – Она опять всхлипнула. – Только в прошлом году нам сделали пристройку для занятий воскресной школы, а теперь придется все начинать заново!

Джим обернулся посмотреть, как пожарные борются с огнем.

– Может, они еще смогут спасти, – заметил он. – Может, еще ничего страшного.

– Она погибла! – воскликнула девочка.

К шерифу приблизился грузный мужчина в шляпе, поношенных джинсах и тишотке с надписью "Чарли Дэниэл". Поглядев, как пожарные с длинными шлангами исчезают в боковой двери церкви, он как бы между прочим заметил:

– Знаете, брат Элиас говорил, что это должно произойти.

– Что? – не сразу включился Джим.

– Я говорю, брат Элиас предупреждал, что это должно произойти.

Джим моментально насторожился. Брат Элиас. Человек, который угрожал жене Гордона.

– Кто такой этот брат Элиас?

Мужчина неопределенно покачал головой.

– Проповедник. Я видел его вчера на кольце. Прилипчив как клоп.

– И он сказал, что в этой церкви возникнет пожар?

Из глубины обширной груди мужчины послышался какой-то клекот, отдаленно напоминающий смех.

– Он не говорил, что именно в этой церкви будет пожар. Он говорил, что все церкви сгорят. Сатана спалит их, сказал он.

– Зачем?

– А я откуда знаю? – искренне удивился мужчина. Из здания все еще валил дым, но уже было ясно, что пожарным удалось локализовать огонь. Мужчина собрался уходить.

– Постойте, – окликнул его шериф. – Вы не знаете, где я могу найти этого брата Элиаса?

– Понятия не имею, – покачал головой мужчина. – Вчера я видел его на кольце, кто-то сегодня говорил, что, кажется, видел его у лесопилки. Попробуйте там посмотреть.

– Спасибо. – Джим поглядел вслед ковыляющему мужчине. Рядом с ним рыдала какая-то женщина. Из главной двери церкви показалась фигура в желтой пожарной робе, очевидно, Эрнст, и помахала ему рукой. Джим помахал в ответ.

– Все кончилось, – сказал он стоящей рядом девочке. – Похоже, им удалось спасти здание.

Она не слышала его, или, если и слышала, не обратила внимания, продолжая плакать, закрыв лицо ладонями. Над крышей еще вились дымки, но уже безобидные, как дым из печных труб. Бурые кирпичные стены почернели от воды и копоти.

Брат Элиас, подумал Джим.

7

Проповедник стоял на маленькой деревянной скамейке, подняв высоко над головой Библию и испепеляя взглядом собравшуюся перед ним толпу. Здесь, на старой асфальтовом тротуаре перед площадкой для родео, собралось человек пятнадцать – двадцать; все они с напряженным вниманием следили за ним. Еще несколько минут назад все шли мимо по каким-то своим делам, занятые своими мыслями, но, услышав звук его голоса, не могли не остановиться.

– Сатана уже среди вас! – вопил проповедник, размахивая перед толпой Библией. Криво усмехнувшись, он слегка пригнулся, как бы вглядываясь в людей. – И не делайте вид, что вы удивлены. Ибо вы не удивлены! Он уже здесь, и вы знаете, что он здесь! На самом деле, вы уже вошли с ним в сговор! – Проповедник подпрыгнул, указывая на длинноволосого молодого человека, пьющего коку.

– Да пошел ты, – лениво отмахнулся парень, ткнув в сторону священника кулаком с выставленным средним пальцем, и зашагал прочь. В толпе послышались смешки.

– О, вы можете смеяться сейчас, – продолжал проповедник. – Но вам будет не до смеха, когда сатана объявит землю своей собственностью и станет свободно разгуливать среди племен и народов! Ибо таковы его истинные намерения. Он завоюет эту землю и все на ней и превратит землю в свое поприще, в филиал ада!

В толпе кто-то подавил смешок.

Проповедник вытянул шею и уставился в небеса.

– О Боже, почто Ты дал им разум, если они не способны думать? Почто Ты дал им зрение, если они не способны видеть? – Внезапно он спрыгнул со скамейки, размахивая перед толпой

Библией. Люди испуганно отшатнулись. Черные глаза проповедника горели яростным, интенсивным огнем. – Он уже однажды приходил сюда, нечистый! Он приходил в этот город и потерпел поражение! – Проповедник поочередно всматривался в лица стоящих перед ним людей. – Есть ли в вас достаточно мужества, чтобы сразиться с ним вновь? Готовы ли вы сражаться на стороне Господа, или падете ниц и умрете, отдав ваши души в лапы сатаны?

Испуганная женщина из переднего ряда расстегнула сумочку и протянула ему доллар.

– Мне не нужны ваши деньги! – возопил проповедник, ударив ее по руке так, что банкнота полетела на землю. – Мне нужно ваше слово! Бог дал вам слово, способны ли вы дать Ему ваше? Будете ли вы бороться за свою судьбу? Будете ли вы бороться против сил Зла? – Он пристально смотрел на женщину, которая предлагала ему доллар. – Вы, – бросил он. – Ваш сын сражается на стороне сатаны. Он погиб.

Женщина побледнела:

– Я... у меня нет сына.

Но проповедник уже шел сквозь толпу, обращаясь к другим.

– Ваша жена умерла при родах, – сообщил он пожилому мужчине. – Она вкушает райское блаженство. Ваша дочь горит в геенне огненной. – Он обернулся к другому мужчине. – Вы можете выбрать любой путь.

– Откуда вам это известно? – послышался скептический голос. – Почему вы уверены, что мы должны вас послушаться?

– Это предсказано в Библии, – громко ответил проповедник. – Все предначертано всемогущим Господом. – Он огляделся. – Это уже происходило раньше, – повторил он, – и если мы преуспеем в наших попытках противостоять Его противнику, это когда-нибудь произойдет снова. И снова. И снова. Сатана навечно лишен присутствия и милости Бога, но он никогда не оставит попыток узурпировать власть Господа. Сатана собирает свое войско, и он использует это войско для борьбы с силами Добра. – Развернувшись, проповедник дошел до скамейки и снова забрался на нее. – У нас нет времени на споры и дискуссии. Либо вы с Богом, либо против Него. Время для колебаний прошло. Сатана уже здесь и готов к битве.

Толпа молчала.

Проповедник прикрыл глаза и начал раскачиваться.

– И прольется с неба красный огонь, знаменующий приход противника Его, – нараспев декламировал он. – И будут мухи во множестве, и содрогнется земля многократно. – Он замолчал, открыл глаза и внимательно оглядел толпу. Потом спрыгнул со скамьи, не говоря ни слова, подхватил свой чемоданчик, решительным шагом прошел сквозь собравшихся и не оглядываясь двинулся по улице.

На скамейке он ставил стопку брошюр, религиозных трактатов. Один мужчина нерешительно подошел и взял в руки одну из них. "Блаженны сильные духом", – было написано на обложке. – Ибо они есть воинство Божье".

8

Пит Кинг сидел на изогнутом металлическом стуле перед контрольной панелью, положив ноги на стол. Он смотрел на мигающие лампочки и размышлял, почему они загораются, если никто не звонит. Ему так и не удалось понять, как действует эта штуковина.

Из туалета появился Джадсон, застегивая ремень. Кивнув Питу, он поинтересовался:

– Пончики еще остались?

– Немного, – подвинул тот мятый белый бумажный пакет.

Джадсон вытащил половинку пончика и кленовую пастилку. Потом бросил их обратно и с отвращением оттолкнул пакет.

– Все, что ли? Остальное сожрал?

– Почему? Тебе два оставил.

– От которых еще и откусил.

– Ничего я не кусал, – расхохотался Пит. – Я их руками рвал. Что за неженка.

– Сам такой. Просто не хочу подхватить от тебя бациллу СПИДа. – Джадсон взял стул от стола Риты и уселся, уперев ноги в стенку так, что стул занял неустойчивое положение на двух

ножках. – Есть что? – кивнул он на приборную панель.

– Тишина, – покачал головой Пит.

– А что сказал тот кретин из Феникса?

– Макфарланд? Ничего нового. Думаю, их в штате больше интересует, что происходит в долине.

– Козлы. У нас гораздо больше всего происходит.

– Это тебе не конкурс, – хохотнул Пит. – Конечно, у нас больше событий, но они считают, раз Феникс больше, то там и больше места, где ему спрятаться. Мы-то тут сразу увидим любого незнакомца. Городок маленький.

– Ему? – переспросил Джадсон. – Они уже свели это до одного человека?

– Не лови меня на слове. Прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Они полагают, что злоумышленник или злоумышленники находится или находятся в районе Феникса. Я достаточно ясно выразился? Поэтому сосредоточили все усилия на долине. Макфарланд остается здесь, а Ралфс будет работать и у нас, и в Фениксе.

– Козлы. Ты говорил ему о проповеднике? Как там его?

– Элиас, кажется. Да, говорил. Он сказал, что посоветуется по этому поводу с Уилсоном, но сам принимать решения не уполномочен. Про пожар он тоже обещал передать, но думает, что эти события никак не связаны. Главное его шило в заднице – то, что происходит в Фениксе.

– Козел.

– Так устроен мир, – пожал плечами Пит. Джадсон опустил ноги на пол и достал из кармана рубашки пластинку жевательной резинки.

– Скажи мне честно, – заговорил он, медленно разворачивая бумажку. – Ты считаешь, что подключение этих парней было полезной идеей?

– Трудно сказать, – признался Пит, некоторое время подумав. – Сначала мне показалось, что да, но потом увидел, что они ничуть не лучше нас. Только относятся к нам как к быдлу. Предполагалось, что они будут сотрудничать с нами в расследовании, а они ведут себя так, будто мы им прислуга какая.

– Это ты верно подметил.

– Думают, если мы работаем в маленьком, а не большом городе, так мы деревенщина тупая, которых на пушечный выстрел нельзя подпускать к расследованию.

– Ситуация старины Барни Файфа, – рассмеялся Джадсон.

– Не знаю, – покачал головой Пит. Отвернувшись, он принялся разглядывать самопроизвольно мигающие лампочки на панели. За спиной Джадсон, не вставая со стула, подъехал к столу и зашуршал пакетом с пончиками. Поглядев еще некоторое время на разноцветные огоньки, он взглянул на напарника. Тот уже умял пончики и облизывал пальцы. Не зная толком, как сформулировать свою мысль, он решил отказаться от этой затеи, но в последний момент набрался смелости и, кашлянув, окликнул его.

– Джад!

– Ну?

– Ты не считаешь, что все это... как-то странно?

– Что значит "странно"?

– То и значит.

– В смысле типа тех странных следов в крови, что мы видели в доме фермера?

– Вот именно.

– Нет, не считаю.

– Да ладно тебе! Я серьезно. Понимаешь, о чем я говорю. Сам понимаешь, что это отнюдь не рядовое расследование.

– Да, – ответил Джадсон, медленно отставляя пакет из-под пончиков. – Да, понимаю. Не хочу, но понимаю. – Он вздохнул. – Я давно уже вижу, слышу, думаю и молю Бога, чтобы все это куда-нибудь подевалось.

– Что ты видишь?

– Следы, – помолчав, произнес Джадсон. – Ты ведь тоже видел следы? Пит кивнул.

– Мы оба видели следы. Почему же мы делаем вид, что их не существует? Почему мы не говорим об этом? Почему до сих пор не сказали Джиму? – Он покачал головой. – О Господи...

На прошлой неделе, как только все это началось, примерно в это же время Джим вылетел из своего кабинета с пушкой в руке. Он чуть не помер со страху. Это было видно по его лицу. Я как раз выходил из сортира, он налетел на меня так, что сшиб на пол. Он сказал, что видел что-то странное, промелькнувшее в коридоре. Я сказал, что он переутомился. – Джадсон невесело хохотнул. – Переутомился, черт побери.

– Думаешь, он действительно что-то видел?

– Черт побери, да я сам это видел! Быстро бегают и прячутся по темным углам. Сам знаешь, какое тут дерьмовое освещение по ночам. Но я смог разглядеть – оно размером с маленькую собаку. Розоватое, без волос, бегают на четырех лапах и при этом издают какие-то звуки, будто болтает само с собой. Я его увидел, как только ушел шериф. Прямо сразу! Он повернул за угол, а это мелькнуло в дальнем конце коридора. Надо было мне окликнуть Джима или по крайней мере на следующий день сказать ему, но я не сказал. Я отмахнулся, постарался забыть об этом, сделать вид, что ничего не было.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – кивнул Пит. – Я тоже видел эти следы. Самое странное, что мне приходилось видеть в жизни. Как ты думаешь, что это такое?

– Не знаю, – медленно покачал головой Джадсон. – И боюсь, что не хочу знать.

– А что насчет трупов? Фермеры, семья священника? Ведь мы и тут вели себя так, словно ничего особенного, словно мы ежедневно с таким имеем дело, словно нас учили управляться с таким, но будь я проклят, если меня к чему-нибудь такому готовили. Никогда в жизни такого не видел. И не думал, что доведется. Разве что в кино.

– Мне тоже, – согласился Джадсон. Пит встал и начал ходить.

– В городе тоже об этом говорят. Сам слышал. В магазинах, на бензоколонке, в ресторанах. Все понимают, что ситуация ненормальная. У народа на такие вещи хороший нюх, сразу просекают, если возникает что-нибудь не то. Многие обсуждают этого проповедника, брата Элиаса, говорят, он делает какие-то предсказания. Предупреждает о том, что должно произойти. – Он остановился и пристально взгляделся в дальний конец коридора. Свет там не горел, коридор терялся во мраке. Пит передернул плечами. – Что-то здесь явно происходит, но убей меня Бог, если я понимаю, в чем дело.

– Я тоже не понимаю. Но думаю, что и не хочу понимать. – Джадсон подтянул к себе пакет и извлек последнюю кленовую пастилку.

– Тебе даже не любопытно?

– Конечно, любопытно. Но я не намерен ничего делать по этому поводу. – Джадсон криво усмехнулся. – Это не входит в мои обязанности.

Пит молча вернулся к своему стулу, сел и уставился на мигающие огоньки панели.

– Да, – вздохнул он, не сводя глаз с лампочек. – Да.

9

Доктор Уотерстон разорвал листки с результатами анализов, скомкал их и со злостью швырнул в угол. Комки бумаги упали далеко от места своего назначения, плавно опустившись на ковер посреди комнаты. Уотерстон взял фляжку с виски и сделал долгий, энергичный, целебный глоток.

Ничего. Результаты анализов показали, что в родниках Джеронимо ничего нет. Более того, вода оказалась чище чем обычно. Никаких химикатов, практически никаких примесей, за исключением нескольких едва уловимых минералов.

Так в чем же дело, черт побери?

Должен же быть какой-то общий знаменатель, нечто объединяющее между Джули Кемпбелл, Джони Купер, Сюзен Стратфорд и, возможно, престарелую миссис Перри. Но что именно? Вода исключается. Шансы обнаружить что-либо в продуктах питания близки к нулю. Могли они случайно оказаться в зоне действия какого-нибудь опасного для здоровья груза, который провозили мимо Рэндолла? Возможно. Хотя такой маршрут получался гораздо более длинным, многие водители грузовиков, курсирующих между фениксом, Прескотом и Флагстаффом, предпочитали ездить через Рэндолл, чтобы избежать пунктов весового и инспекционного контроля на шоссе Черного Каньона. А кто знает, что в тех грузовиках? Кто

может сказать, какие вещества они перевозят?

Уотерстон сделал еще один большой глоток. Он понимал, что хватается за соломинку. Если бы в крови хотя бы одной из женщин были какие-то неизвестные химикаты, анализ крови немедленно показал бы это. Ни у одной из женщин не наблюдалось и никаких физиологических отклонений, разве что у миссис Перри. Но что-то плохое несомненно имело место. Очень плохое.

Доктор вынужден был признать, что зашел в тупик.

Но во всем этом была по крайней мере и одна положительная новость – шансы на возможность возникновения каких-то осложнений с беременностью миссис Льюис тоже становились весьма и весьма незначительными.

Уотерстон выдвинул ящик письменного стола и достал фотографии мертворожденных младенцев, которые он сделал перед аутопсией. С самой верхней на него слепо уставились полусформировавшиеся желеобразные глаза плода Джули Кэмпбелл. На следующем снимке недоношенный младенец навечно сжал в кулачки рептильные ручки.

Уотерстон отложил фотографии и еще отхлебнул виски. Нужно собраться с духом. Нужно позвонить всем этим женщинам и сообщить, что он смог выяснить. Или – что он не смог выяснить.

Перебирая снимки, он наткнулся на жуткое лицо младенца Джони Купер. На гладком лысом черепе лобик был покрыт множеством морщин, а беззубый рот искажен пугающей гримасой. Глаза, совершенно белые, без зрачка и радужной оболочки, казалось, смотрят прямо ему в лицо.

Доктора передернуло. Он бросил стопку снимков на стол. Невероятно, но микроскопический младенец казался просто разгневанным.

Уотерстон пододвинул телефон и набрал номер.

* * *

Джони Купер сидела в гостиной, уставившись в темноту. Телефон звонил и звонил. Из спальни донесся раздраженный крик Стэна:

– Ты будешь брать трубку или как?

Она не удостоила его ответом.

– Ну и черт с ним, – буркнул муж. Телефон прозвонил еще три раза и смолк. Джони не шевельнулась. Шторы в комнате были плотно задернуты, свет выключен. Она ничего не видела, но продолжала сидеть с открытыми глазами, слушая, думая. Она слышала, как Стэн чем-то гремит в спальне, вымещая агрессию на неодушевленных предметах, подвернувшихся под руку. Вечером у них опять произошла ссора, точнее, очередной раунд бесконечно длящейся с некоторых пор ссоры. Казалось, это должно ее огорчать. Но почему-то последнее время Джони стало все равно.

Через какое-то время Стэн выключил телевизор. Потом она услышала его ровное, размеренное дыхание – дыхание спящего человека – громкое в мертвенно-пустом доме.

Год. Прошел почти целый год с тех пор, как она потеряла ребенка.

Она думала об этом непрестанно, грустила, оплакивала свою потерю. Уже стало ясно, что такая заикленность на этом несчастном случае влияет на семейные отношения, на работу, на знакомства, но даже придумать не могла, как с этим справиться. Ситуация просто вышла из-под контроля. Она потеряла интерес ко всему на свете.

Она понимала, что это глупо. Сколько женщин делает аборт! Это же не конец света. И всегда можно завести другого. С точки зрения физиологии и у нее, и у Стэна в этом смысле никаких отклонений. Теоретически они могут обзавестись целым выводком.

Но она не могла упустить этого. Стэн-младший, подумала она. Они хотели назвать его Стэн-младший.

Иногда, среди ночи, лежа без сна и глядя в темноту, ей даже казалось, что слышит детский плач.

Внезапно в спальне раздался какой-то грохот. Упало что-то тяжелое. Лампа. Она услышала звон разбитого стекла, потом – громкие тяжелые шаги. Что он там делает, решил

разнести весь дом? Джони понимала, что надо встать и пойти посмотреть, но не могла заставить себя шевельнуться. Поэтому продолжала сидеть, глядя в темноту и прислушиваясь.

Послышался приглушенный вскрик.

А затем – детский плач.

Джони вскочила с колотящимся сердцем. Звук повторился, и она поспешила по коридору в спальню. Комната была освещена лишь слабым светом, пробивающимся через матовое окно ванной комнаты. Настольная лампа действительно валялась на полу. Она огляделась и негромко окликнула мужа.

В этот момент к ноге ее прикоснулось что-то маленькое и мягкое. Дрожь возбуждения пронзила все тело. Джони опустилась на одно колено и вытянула вперед руки. Пальцы наткнулись на холодную и слегка липкую кожу. В полумраке она смогла разглядеть, что к ней прижимается что-то розоватое. Стэн-младший? Она потянулась и инстинктивно, не глядя, прижала непонятное существо к груди.

И тут же ощутила пронзительную боль – маленькие когти и острые зубки впились в грудь. Она попыталась оторвать от себя это существо, но оно крепко вцепилось в грудь, раздирая кожу. Она с воплем повалилась вперед, чувствуя, как из рваных ран вовсю хлещет кровь. Еще одна пара острых челюстей впилась в обнаженную икру.

Последняя мысль перед тем, как от боли помутилось сознание, была парадоксально логичной: мы слишком далеко от города. Никто не услышит, как мы умираем.

10

Грузовик свернул с Главной на Старую горную дорогу. Брэд слишком сильно повернул руль, срезая длинный поворот, – контейнеры с пепси покатались по металлическому полу кузова и мягко ударились в борт. Но машина выровнялась, и они поехали дальше – мимо парка по направлению к рынку на северной окраине города. Внезапно Брэд подался вперед, вглядываясь сквозь грязное лобовое стекло и щурясь от низкого утреннего солнца.

– Это еще что такое?

Притормозив, он остановил машину на площадке перед зданием филиала Национального банка. На стоянке собралась довольно большая толпа. Люди стояли тесной группой, лицом к зданию, те, кто стоял в задних рядах, вытягивали шеи, стараясь что-то разглядеть.

– Что, хочешь сходить посмотреть, в чем дело? – поинтересовался Гордон.

Брэд снял шляпу, положил ее на сиденье рядом с собой и попытался пятерней пригладить волосы.

– Такое не каждый день увидишь, – откликнулся он. – По-моему, там человек пятьдесят – шестьдесят.

Оба вышли из машины и двинулись через дорогу в направлении толпы. Уже был слышен четкий голос общественного оратора, громкий даже без усилителя. Толпа подвигалась вперед, вслушиваясь и стараясь одним глазком увидеть выступающего.

– Сатана ловит юных, потому что они слабые. Они не ведают, что выполняют его приказания, они просто не понимают! Они невинны! А невинность – это ни добро, ни зло. Это отсутствие того и другого. Вот почему невинность так легко совратить, вот почему невинные столь часто становятся нечестивцами. Мы не должны оставаться невинными или несведущими, если хотим дать бой сатане! Мы должны быть вооружены! Вооружены оружием истины! Святым словом Господа!

Брэд остановился, не пройдя и половины пути. Послушав некоторое время, он громко расхохотался. Несколько человек, стоявших с краю, обернулись.

– Я думал, тут что-нибудь важное, – громко произнес он. – А это какой-то проповедник лопоухих собирает. Наверное, призывает всех на вечернее собрание, где будет вещать о вреде секса, наркотиков и рок-н-ролла. – Сплюнув на асфальт, он кивнул в сторону грузовика. – Ладно, хватит. Пошли. Не желаю слушать эти бредни, у нас сегодня много дел.

– Постой, – поднял руку Гордон, продолжая идти вперед. – Я хочу кое-что посмотреть.

Гордон ничего не сказал Брэду о вчерашней встрече Марины с братом Элиасом, хотя его очень подмывало это сделать. За спиной слышалось неохотное пошаркивание тяжелых

ковбойских ботинок Брэда по мелким камешкам.

– Ты уже наслушался, – ворчал тот. – Что тебе еще надо?

Гордон, не отвечая, шел вперед.

– Цель сатаны – хаос! Он не остановится ни перед чем! Он намерен сокрушить все творения Господа, все плоды человеческого труда и установить свой собственный миропорядок! Мир Зла, мрака, вечной ночи!

Он узнал этот голос. Он слышал его всего лишь однажды, и он тогда был гораздо тише, более смиренным, хотя и исполнен той же самой демонической напряженности и звучал такими же ритмическими каденциями. Гордон пролагал себе путь в толпе, раздвигая плечами пожилых мужчин и молодых женщин, перешагивая через малышей в прогулочных колясках. И наконец оказался прямо перед братом Элиасом.

Проповедник был в том же плотном сером костюме, в котором Гордон видел его тогда в больнице. Коротко стриженные и тщательно причесанные волосы поблескивают, как напомаженные. Он стоял на небольшой скамейке перед банком и держал в правой руке Библию. За ним Гордон видел любопытные лица банковских служащих, столпившихся у тонированных окон и стеклянных дверей здания. Брат Элиас вышагивал взад и вперед по прямоугольному сиденью скамейки, как животное в клетке. Периодически он останавливался и театральным жестом указывал Библией на кого-нибудь из толпы, а речь в этот момент обретала особую пылкость. Золотая застежка галстука в виде распятия поблескивала на солнце.

Внезапно брат Элиас пригнулся, указывая на молодую мать с маленьким ребенком. Потом выпрямился и увидел Гордона. Оборвав речь, он впился в него своим испепеляющим взглядом. Выражение лица его стало столь фанатичным, взгляд столь жестким и решительным, что Гордон почувствовал, как закипающий внутри гнев куда-то испаряется и уступает место другому чувству, очень напоминающему страх.

Толпа зашушукалась, ожидая продолжения речи проповедника, но когда брат Элиас заговорил, голос его был едва слышен.

– "Итак, смирись под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время; Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. Резвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого проглотить. Противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире". Первое послание Петра, глава пятая, стихи с шестого по девятый.

Гордон отвел взгляд, избегая испепеляюще-черных глаз, не очень понимая, почему вдруг так сильно забило сердце. Где-то в городе взывала знакомая сирена. Гордон сообразил, что кто-нибудь из банка, наверное, позвонил шерифу. Он опять взглянул на брата Элиаса и обнаружил, что тот пристально смотрит ему в глаза. Проповедник больше не произнес ни слова, и в толпе уже послышалось недоумевающее шушуканье. Брат Элиас медленно поднял Библию и указал ею на Гордона.

– Вы и ваша жена не без греха. Вы грешники перед лицом Господа. Но вы избраны Господом.

Сирена взывала громче и резко оборвалась. Машина подъехала. Гордон, вместе с остальными, повернул голову, но ничего не увидел. Слишком много голов заслоняли поле зрения. Хлопнула дверца машины.

– Посторонитесь. Девушка, позвольте пройти. Дайте пройти, – слышался усталый, чуть гнусавый голос помощника шерифа Карла Чмуры. Протиснувшись между пожилой парой, он коротко кивнул Гордону и двинулся дальше. Брат Элиас недвижно стоял на своей скамейке и неотрывно смотрел на Гордона.

Двойные стеклянные двери банка распахнулись, и Делмер Ранд, маленький, похожий на хоряка менеджер, официальной походкой направился к месту событий в сопровождении троих своих подчиненных.

– Этот человек нарушил границы владения, создал общественное волнение и помешал развитию моего бизнеса, – заявил Делмер, обращаясь к помощнику. – Я требую, чтобы его арестовали.

– Дел, – снисходительно поглядел на него сверху вниз Карл, – давай мы тут сами разберемся, в чем он может быть виноват, ладно? – После этого обернулся к проповеднику, все

еще стоявшему на скамье, и лицо его посуровело. Рука легла на рукоятку дубинки. – Очень хорошо, мистер. Ваше имя?

– Брат Элиас.

Услышав имя, Чмура напрягся. Быстро оглянувшись на Гордона, он шагнул вперед.

– Боюсь, придется вас задержать, сэр. Вам надо будет проследовать со мной. – Рука его при этом крепко сжимала рукоятку дубинки, готовая к действиям.

Брат Элиас согласно кивнул, словно это предложение совершенно не противоречило его планам, только черные глаза по-прежнему горели испепеляющим огнем. Сойдя со скамьи, он протянул вперед руки.

– Наденете на меня наручники, сэр? – полюбопытствовал он.

– В этом нет необходимости, – покачал головой Чмура. – Просто пройдемте со мной в машину.

Толпа расступилась, давая им пройти, и немедленно начала рассасываться. Кое-кто двинулся вслед за помощником и проповедником, слушая, как представитель власти зачитывал задержанному его права, но большинство неторопливо потянулось в разные стороны, вспоминая о своих отложенных на время делах. Гордон оглянулся в поисках Брэда, и обнаружил, что тот уже сидит в кабине грузовика. Опустив секло, он нетерпеливо нажал на клаксон и прикрикнул на недостаточно быстро приближающегося напарника:

– Давай шевели задницей! Куча дел впереди! Гордон очень хотел присутствовать при допросе шерифом брата Элиаса. Он был бы не против и сам задать тому пару-тройку вопросов. Но просить очередной отгул у Брэда – об этом не может быть и речи. Доставка и так уже выбивается из графика, и хотя Брэд помалкивает, Гордон понимал, что непредвиденная задержка его весьма раздражает. Поэтому он предпочел преодолеть последние футы трусцой и быстро забраться в кабину. Брэд рванул с места так, что Гордона откинуло на спинку сиденья. Потом он натянул свою шляпу и хмуро поинтересовался:

– Ну и что там за дела?

– Так, ничего, – немного подумав, ответил Гордон.

11

Джим въехал на стоянку перед офисом шерифа и некоторое время посидел в машине, разглядывая серое приземистое здание. Встреча с Макфэрландом оказалась пустой тратой времени. Он договорился о встрече с полисменом штата в кафе, надеясь за поздним завтраком выяснить, в каком направлении движется расследование и какие версии отрабатываются. Однако Макфэрланд молчал, как рыба, сообщив лишь, что, по мнению Уилсона, основные усилия необходимо сосредоточить в Долине. Джим попытался объяснить ему насчет брата Элиаса, который, на его взгляд, имеет самое непосредственное отношение как минимум к пожарам, но Макфэрланд весьма покровительственно заметил, что психи выползают из всех щелей как раз для такого рода случаев.

Джим, разъяренный, быстро уехал с намерением позвонить Уилсону и сообщить все, что он о нем думает. Дело должно было стать совместным расследованием, равным партнерством, а эти молодые панки относятся к нему как деревенщине, который ни черта не соображает в тонких материях.

Некоторое время он поколесил по городу, выключив радио и стараясь успокоиться. И только когда желание совершить акт физического насилия по отношению к этому козлу из штата несколько выветрилось, позволил себе вернуться в офис.

Теперь он сидел в машине, уставившись в пыльное лобовое стекло. Очень жаль, что половину утра пришлось потратить на этого Макфэрланда. Говорить с ним – все равно что с колодой. Лучше было вообще не звонить в полицию штата, и черт с ней, с известностью. Судя по всему, от этих столичных штучек все равно никакого проку.

Он вышел из машины, поправил ремень и направился в здание.

За пультом дежурного сидела Рита.

– Где сегодня поисковая группа? – спросил Джим, кивнув в знак приветствия.

– Выходили на связь около часа назад, сказали, что по-прежнему в районе между

Осиновым озером и Молочной фермой. Это довольно большая территория.

Район Молочной фермы.

Джим вспомнил сон про Молочную ферму, когда Дон Уилсон устроил ему прогулку между маленькими белыми надгробиями, и поежился.

– Я буду в кабинете, – сообщил он Рите. Она кивнула и нажала кнопку на пульте, переключая входящие звонки.

Но не успел он сделать и пару шагов, как за спиной послышался возбужденный голос Карла:

– Шериф! Я нашел его!

Обернувшись, Джим обнаружил своего помощника, входящего в здание вместе с мужчиной в строгом деловом костюме консервативного вида. Мужчина шел спокойно, сопротивления не оказывал, но в походке, в напряженной осанке сквозило возмущение. Неестественно черные глаза впились прямо в глаза Джима. Под мышкой мужчина нес Библию в черном переплете.

– Брат Элиас, – взволнованно продолжил Карл. – Сообщили о нарушении общественного спокойствия у филиала Национального банка. Я приехал и обнаружил, что он там проповедует.

– Хорошо, – ровным тоном откликнулся Джим. – Отведи его в комнату для допросов. Я хочу поговорить с ним. – Неимоверным усилием воли он заставил себя сохранять внешнее спокойствие, хотя внутри все закипело. Своим ключом он отпер дверь комнаты для допросов и щелкнул выключателем.

Люминесцентные лампы под потолком помигали, но наконец зажглись.

Карл ввел в комнату брата Элиаса и усадил его на металлический складной стул. Проповедник взглянул на помощника и слегка усмехнулся. Глаза его при этом оставались холодными.

– Выйдите отсюда, – негромко произнес брат Элиас. Карл изумленно уставился на шерифа.

– Он мой помощник. Он останется.

– Тогда я не смогу говорить. – Брат Элиас сложил на столе перед собой руки и уставился в голую белизну противоположной стены.

Джим посмотрел на проповедника. На лице брата Элиаса застыло выражение бесконечного терпения. Терпение истинно верующего. Ему уже приходилось сталкиваться с таким выражением – может, даже чаще, чем хотелось бы, – и он прекрасно знал, что против этой бесстрастной удовлетворенности нет никаких средств. Брат Элиас сказал, что не станет говорить – значит, не станет. Шериф тяжело вздохнул.

– Хорошо, Карл. Для начала поиграем по его правилам. Оставь нас. Позову в случае необходимости.

Помощник окинул проповедника ненавидящим взглядом и вышел из комнаты. Джим обернулся к брату Элиасу.

– Итак, – заговорил он, – последняя неделя у вас выдалась весьма напряженной, не так ли?

Проповедник внимательно всмотрелся в его лицо, словно изучая.

– Семейное сходство довольно заметное, – наконец произнес он.

– Что?!

– Вы ужасно похожи на своего прадедушку.

Джим уставился на священника, не понимая, как реагировать. В глубине холодного взгляда черных глаз светилось безумие. Он изобразил кроткую улыбку. Хорошо, пускай ход беседы определяет этот странный проповедник.

– На прадедушку? – переспросил он.

– Да, на Эзру Велдона.

Вежливая улыбка Джима растаяла. Его прадеда действительно звали Эзра Велдон. Откуда это стало известно брату Элиасу? Глядя в немигающие черные глаза, он почувствовал, как где-то в глубине души зарождаются первые ростки страха.

– Он был хорошим человеком и хорошим шерифом, – сказал проповедник.

– Кто вы? – требовательно спросил Джим, вставая перед ним. – И что вы здесь делаете?

– Я брат Элиас, – спокойно ответил проповедник. – Я пришел вести борьбу на стороне

Добра. Я пришел отразить нечестивых и вступить в бой с силами Зла. Ибо нечистый уже здесь. "Между ними пришел и сатана". Книга Иова, глава первая, стих шестой.

– Как вы узнали имя моего прадеда? И как вы узнали, что он был шерифом?

– Я знал его, – улыбнулся брат Элиас. – В последний раз он был со мной.

Джим начал мерить шагами комнату. Этот человек явно с приветом. Каким-то образом он узнал имя прадеда местного шерифа, и вот оно пригодились. На самом деле, в этом нет никакого секрета, ничего загадочного. Любой из полусотни членов местного исторического общества мог обеспечить его подробной информацией о Велдонах, Мерфи, Стоунах, Смидах и прочих семьях, несколько поколений которых жили и продолжают жить в Рэндолле.

Но зачем кому-то из них приспичило рассказывать брату Элиасу об Эзре Велдоне? Зачем брату Элиасу понадобилось узнавать что-либо про Эзру Велдона?

– Что вам известно о Первой южной баптистской церкви? – с вызовом спросил Джим.

– Ее поглотил огонь.

– А о католической церкви святой Марии? О пресвитерианской церкви?

– Они тоже сгорели в нечестивом пламени ада.

– И вы предсказывали, что все эти церкви поглотит пламя, – заявил Джим. – Вы знали, что им суждено сгореть?

– Все это было предвещено, – кивнул брат Элиас. – У меня было божественное видение. Бог снизошел на меня и сказал, что противник появится здесь. Он сказал мне, что храмы Господа пострадают сначала от кощунства, а потом – от огня.

– И вы не знаете, что стало причиной этих пожаров?

– Знаю.

– Что же?

– Огонь породили приспешники сатаны. Они готовятся к началу битвы против сил Господа.

Шериф потер лоб ладонью. О Господи. Ну почему все опять упирается в какую-то чушь?

– Будут пожары, – монотонным речитативом заговорил брат Элиас. – И будут красные молнии, знаменующие пришествие противника. И будут мухи. И будут землетрясения.

Джим с отвращением распахнул дверь и подозвал Карла.

– В камеру его, – коротко бросил шериф. Карл ухмыльнулся.

– Что инкриминируется?

– Подозрение в поджоге. Нарушение общественного порядка и прав личности. Пусть жена Гордона Льюиса заедет и оставит заявление.

– Будет сделано.

Джим проследил, как Карл вошел в комнату для допросов, после чего препроводил проповедника в одну из камер. С одной стороны, ему хотелось поверить в то, что брат Элиас действительно знал, что должно произойти, но полицейская выучка оказалась сильнее. У мужчины явно не все дома. Хлопнула дверь камеры, лязгнул замок. Для подозрения в поджоге у него не было на руках ни единого доказательства, но он отказывался признать, что Макфэрланд прав и что брат Элиас – обыкновенный сумасшедший, выползший из какой-то щели и на самом деле ничего не понимающий в том, что происходит. Лучше поддержать его несколько дней в изоляции и посмотреть, не удастся ли что-нибудь раскопать. Хоть что-нибудь.

В отчаянии покачав головой, Джим Велдон прошел в свой кабинет и плотно закрыл за собой дверь.

12

Они закончили доставку по городским магазинам на час раньше намеченного, даже несмотря на проливной дождь, хлынувший после обеда, и Брэд решил, что на сегодня достаточно. Завтра им предстоит объехать окрестности, и придется вставать пораньше. Гордон отклонил предложение Брэда заглянуть к "Кольту" выпить по кружке пива и отправился домой. Было сильное желание по пути заскочить к шерифу и поговорить с ним по поводу брата Элиаса, но он все же решил съездить домой и забрать Марину. На самом деле ей предстояло опознать в нем человека, так ее напугавшего, и после этого предъявить претензии – если можно будет

говорить о каких-то претензиях.

Джип миновал бензоколонку Чара Клифтона. Гордон с удивлением обнаружил, что она закрыта. Насколько он помнил, колонка никогда не закрывалась так рано. Тут же он вспомнил, что видел еще несколько заведений в городе, которые тоже совершенно неожиданно были закрыты. Мелькнула мысль, что на город обрушилась какая-то инфекция. Или что-то похуже?

Но Гордон отогнал эту мысль, сосредоточившись на узкой дороге, петляющей между деревьями. Впереди, за ложбиной, виднелись очертания плоской гряды Зубцов. Где-то наверху вилась к небу струйка дыма. Не исключено, что молния стала причиной небольшого лесного пожара.

Несколько минут спустя он вырулил на узкую грунтовую дорогу, ведущую к дому. Как только джип остановился, из кухни вышла Марина. Воздух после недавнего дождя был немного прохладен, и она неторопливо шла к нему, пряча руки в карманах джинсов и старательно обходя лужи. Марина поцеловала его в губы, он приобнял ее за талию, и они двинулись обратно к дому.

– Звонил шериф, – сказала Марина. – Я пыталась после обеда позвонить на склад, предупредить тебя, но никто не ответил. Позвонила Конни, она сказала, что вы с Брэдом где-то в городе.

– Он не сказал, в чем дело?

– Нет. Просто просил позвонить ему, как только сможешь.

– Сегодня утром они задержали брата Элиаса, – проговорил Гордон. – Я это видел. Он проповедовал перед зданием филиала Национального банка.

– Почему же он мне не сказал? – Марина от возмущения даже остановилась.

– Наверное, не хотел тебя лишний раз беспокоить, – пожал плечами Гордон. – Впрочем, не знаю.

– Но ведь именно я собиралась подавать на него жалобу!

– Конечно. – Они уже вошли в кухню. Гордон взял яблоко из плетеной металлической корзинки рядом с мойкой. – Хочешь туда съездить?

Марина поежилась, вспомнив странные черные глаза, от которых лишилась дара речи.

– Не знаю. Не думаю, что я хочу его видеть.

– Для того чтобы подать жалобу, тебе совершенно необязательно его видеть. – Гордон вошел в гостиную, собираясь углубиться в недра дома. – Мне надо принять душ. Потом поедем.

Марина осталась в гостиной. Стоя перед сетчатой дверью, она смотрела на улицу. Буря прошла, но над Зубцами уже клубились новые тучи. Полыхнула молния, и она моргнула, не веря своим глазам.

Гордон положил ей руку на плечо. Она дернулась.

– Господи, что же ты меня так пугаешь!

– Извини, – усмехнулся он.

– Посмотри, – показала она в направлении Зубцов. – Обрати внимание, какие молнии.

– Ничего не вижу, – откликнулся муж.

– Подожди, сейчас увидишь.

– Странно, – наконец протянул он. – Какие-то красные.

Гордон оказался прав. Для того чтобы подать жалобу, Марине не пришлось лично встречаться с братом Элиасом.

Она просто заполнила форму, которую выдал ей шериф, и расписалась внизу. Джим посмотрел и кивнул.

– Отлично, – сказал он и передал бумагу Рите для дальнейших процедур.

Хотя Марина и ничего не сказала шерифу насчет котенка, держала она себя с ним прохладно, и Гордон был рад, когда формальности с бумагой были улажены и настало время раскланяться. Ситуация получилась неловкой. Они уже почти вышли за дверь, когда громкое покашливание Велдона заставило его обернуться.

– Мы не могли бы немного поговорить? – спросил Джим. – Наедине.

Гордон взглянул на Марину.

– Я подожду в машине, – сказала она равнодушно и вышла из помещения, не взглянув на шерифа.

– До сих пор на меня сердится, да? – усмехнулся Джим.

– Ну, видите ли...

– Сплошь и рядом случается, – небрежно махнул рукой шериф. – Не переживайте. – Открыв небольшую калитку рядом со столом дежурного, он жестом пригласил Гордона пойти в свой кабинет.

– В чем дело? – спросил Гордон, когда они оказались вдвоем.

– Брат Элиас. Скажите, что вы о нем думаете?

– Трудно сказать, – пожал плечами Гордон. – Я встречался с ним всего один раз. Мне показалось, что он ненормальный. Марина думает, что он псих.

– Он... не напугал вас?

– К чему вы клоните?

Джим некоторое время раздумывал.

– Ладно. Только никому не слова.

– Вы же меня знаете.

– Он проповедует в городе вот уже несколько дней. – Шериф помолчал. – Пророчествует. Он предсказал, что те церкви сгорят, и сказал мне, что не имеет к этому никакого отношения. Я ему верю.

Гордон хранил молчание.

– И рассказывал мне о моем прадеде, словно был знаком с ним. Я думал об этом весь день, прикидывал так и этак, и не смог сообразить, откуда он мог взять такие сведения про моего прадеда. Это нереально. Честно сказать, – Джим опять поглядел на Гордона, – меня он уже здорово пугает. Я несколько раз заглядывал сюда, проверить, как он тут, и каждый раз он в упор смотрит на меня, ждет меня, словно заранее знает, что я должен прийти. Прямо мурашки по телу. Никакой логической связи, кроме пожаров, я не вижу, но чувствую, что и со всем остальным он тоже каким-то образом связан. Конечно, в суде этого не предъявишь, но... – еще немного помолчав, шериф закончил: – Я хочу попросить приехать сюда отца Эндрюса. Пусть он посмотрит на него и скажет, что думает.

– Какие еще предсказания он делал? – спросил Гордон.

– Трудно сказать, – покачал головой Джим. – Что-то насчет мух, землетрясений, разноцветных молний...

– Красных?

Шериф молча кивнул.

– Выгляните в окно, – посоветовал Гордон и почувствовал, как затряслись руки.

Джим подошел к окну. Вдали, за городом, на отрогах Зубцов, собиралась очередная гроза. Он увидел вспышку красной молнии и побледнел.

– Как долго это происходит? – обернувшись, спросил он.

– Не знаю. Мы сами обратили внимание только полчаса назад.

– Вы не думаете, что это какое-то редкое природное явление? В смысле – мог ли он каким-то образом заранее об этом узнать?

– Не знаю, – покачал головой Гордон. Мужчины обменялись долгим взглядом.

– Хотите с ним встретиться? – наконец спросил шериф.

– Не сейчас. В данный момент я хочу отвезти домой Марину и забыть обо всем к чертовой матери.

Джим понимающе покивал головой, а потом негромко спросил:

– А что, если среди ночи начнется землетрясение?

– Придется обнять ее крепче и ждать, пока пройдет.

– Но мы же не можем просто игнорировать это. Не можем сделать вид, что ничего не происходит.

– А что нам еще остается делать?

– Я хочу позвонить отцу Эндрюсу, – повторил Джим. – Ему приходилось иметь дело с вещами такого рода. Посмотрим, что он скажет. Может, он увидит какой-нибудь смысл в том, что говорит брат Элиас.

– Вам все еще снятся кошмары?

– Конечно, – кивнул шериф. – А вам?

– Да. Прошлой ночью был просто ужас.

– О чем?

– Я оказался на свалке, а потом – в том месте, где маленькие белые кресты, и там был мальчик...

– О Боже, – выдохнул Джим и медленно опустился в кресло. – Я видел точно такой же сон. Значит, так. Вы отвозите жену домой и возвращаетесь сюда. Я звоню отцу Эндрюсу. Мы должны поговорить с братом Элиасом.

Гордон молча кивнул.

– Сейчас четыре, – продолжил шериф, взглянув на часы. – Жду вас в пять тридцать. Мы должны в этом разобраться.

– Вы уверены, что мы хотим этого? – спросил Гордон.

– У нас нет выбора.

Гордон оставил шерифа в его кабинете. На выходе из здания он вежливо кивнул Рите, потом толкнул двойные стеклянные двери и оказался на улице. Идя по автостоянке к своей машине, он не мог оторвать взгляд от грозы над Зубцами.

Красные молнии стали сверкать гораздо чаще. И становились все более сильными.

13

Дневная гроза началась раньше, чем обычно, сразу после двенадцати, и отец Эндрюс неожиданно для себя почти всю середину дня провел у окна, глядя на струи дождя и прикидывая урон, который будет нанесен его только что высаженным в грунт растениям. Словно заипнотизированный, он наблюдал за нескончаемыми каплями, равномерно разбивающимися о бетонный пол открытого патио.

Еще одно из маленьких чудес Господа.

Оторвавшись наконец от окна, он с удивлением обнаружил, что в доме стемнело. Пришлось пройти на кухню и включить свет. На кухне стало светло, но весь остальной дом от этого как бы погрузился в еще больший мрак. Помрачнело и за окном. Он поймал себя на том, что непроизвольно прислушивается, пытаясь уловить какие-нибудь чуждые звуки в глубине дома, в кабинете отца Селвэя. Но ничего не услышал.

Поставив на плиту чайник, он присел к кухонному столу, на котором оставил епископальное издание Симфонии⁴. Несколько страниц он заложил маленькими полосками бумаги. Рядом с Симфонией лежал список, который он составил сам. В этот список отец Эндрюс внес все, что услышал от шерифа и Гордона, а также свои переживания. Он знал, что большинство из написанного к тексту Библии не имеет никакого отношения. Он просто надеялся, что подробности и описания, которые удастся найти, помогут каким-то образом связать разрозненные фрагменты, а может, и понять целое.

Он решил перечитать все места, имеющие отношение к сатане или дьяволу. Несмотря на то что в семинарии все это проходили и многие куски текста он знал наизусть, отец Эндрюс считал, что лишний раз просмотреть не повредит. Как он и предполагал, все эпизоды концентрировали внимание скорее на действиях сатаны, нежели на внешнем описании падшего ангела. Единственное описание, которое он нашел – и то описание через аналогию, – в Откровении Иоанна Богослова, где сатана характеризовался как дракон и змей. Никакого традиционного черта с копытцами. Тем не менее он отчеркнул соответствующий абзац, заложил бумажку и решил посмотреть ссылки на "сны" и "видения", но снов и видений упоминается в Библии так много, что, просмотрев малую часть, решил отложить это занятие на вечер.

И вот теперь он снова взял в руки Симфонию, полистал, и книга чуть ли не сама раскрылась на той странице Откровения, где описывается сатана. Отец Эндрюс пробежал глазами отчеркнутый фрагмент:

⁴ Симфония, или конкорданция, – алфавитный указатель слов, встречающихся в Библии, с отсылками к соответствующим местам текста.

"И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем; хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал пред женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца".

Отец Эндрюс вздрогнул и отложил книгу. Он знал, что жена – это Мария, младенец – Иисус Христос, а дракон – сатана, знал традиционное толкование всех символов, но что-то в этом фрагменте пугало его, каким-то образом имело отношение к разрозненным мыслям, крутящимся в голове. Он не мог дать альтернативной интерпретации этому тексту, но каким-то внутренним чутьем – предчувствие? интуиция? – догадывался, что он связан с ситуацией в Рэндолле.

Ситуация в Рэндолле. Даже удивительно, как быстро он поверил, что в Рэндолле есть некая "ситуация", которая не может быть объяснена с точки зрения логики или какого-то иного рационализма. Здесь происходит нечто, охватывающее все недавние дико странные события. Нечто столь значительное, что явные преступления являются лишь малой частью этого целого. Нечто абсолютно невидимое и, возможно, непостижимое.

Отец Эндрюс понимал, что подобный ход мыслей совершенно не подкреплён объективными и доступными фактами. Однако умозаключения и конкретные факты – зачастую далеко не одно и то же. И он всегда был больше склонен полагаться на свои ощущения и инстинкты, нежели на рационалистическое мышление. Чувства и ощущения всегда были для него важнее того, что он думал. Хотя подобная опора на веру, подобное доверие скорее чувствам, чем фактам необходимы каждому, исповедующему религию, он понимал, что епископ не одобрил бы такого хода мыслей одного из своих священников. Тем более по отношению к столь явно мирскому делу. Он улыбнулся, вспомнив, как кратко, одним непечатным словом Джим Велдон охарактеризовал епископа. Сам он, пожалуй, пока что не стал бы заходить так далеко, но уже было ясно, что они с епископом Синклером на многое смотрят весьма по-разному. К сожалению. Отец Эндрюс чувствовал необходимость с кем-нибудь обсудить этот вопрос, с кем-нибудь более опытным, кому можно было бы доверять.

Шериф. Телефон. Эти мысли – не слова и не образы – сами всплыли в сознании, отдельные, но связанные. Через долю секунды после того, как мозг осознал их, зазвонил телефон, и он тут же понял, что это звонит шериф. Он снял трубку.

– Слушаю.

– Алло, отец? Это я, Джим.

Священник ощутил на затылке ледяные пальцы страха.

– Я понял. Я понял, это раньше, чем зазвонил телефон.

– Правда? – удивленно переспросил шериф.

– У нас, экстрасенсов, это обычное дело. – Он постарался, чтобы голос звучал как можно непринужденнее. – Так с чем вы звоните, шериф? Я чем-нибудь могу вам быть полезен?

– На самом деле, я как раз по этому поводу.

– По какому поводу?

– Насчет экстрасенсорики. – Легкие, дружелюбные нотки пропали, и Эндрюс мог поклясться, что в голосе шерифа слышен испуг. – Мы тут задержали одного. Уличный проповедник. Сегодня утром выступал перед зданием Национального банка. Пару дней назад он появлялся у дома Гордона и до смерти перепугал его жену.

– Брат Элиас, – произнес священник.

– Вы его знаете? – помолчав некоторое время, спросил шериф.

– Нет, но я слышал о нем. За последние пару дней я много о нем слышался.

– Ну, вам предстоит услышать еще больше. Я хочу, чтобы вы сейчас приехали к нам. Думаю, вам полезно послушать, что он собирается рассказать.

– На какую тему?

– Предпочел бы не говорить об этом по телефону, – осторожно ответил шериф.

Он боится, подумал отец Эндрюс. Шериф боится.

– Хорошо, – сказал он в трубку. – Сейчас выезжаю. Попрощавшись с шерифом и положив

трубку, священник некоторое время сидел молча, глядя на черный телефонный аппарат, и чувствовал, как холод медленно пробирает его изнутри. Появилось внезапное предчувствие смерти. Или гибели.

Ливень, начавшийся в середине дня, незаметно перешел в мелкий бесконечный дождь. Над вершинами Зубцов перекашивался гром. Отец Эндрюс бегом пересек двор и нырнул в машину. Он не захватил с собой в Рэндолл дождевик, потому что не знал о муссонах. В Фениксе дожди летом – большая редкость. Он завел двигатель и включил дворники. Щетка с правой стороны почему-то только дергалась, но не работала.

Он вырулил на дорогу и поехал не торопясь, пристально глядя перед собой через небольшое полукруглое чистое пространство стекла, оставляемое одним работающим дворником. Дорога свернула к реке, бурой и грязной из-за дождя; с восточной стороны лесопилки находился мост. Сквозь лобовое стекло ему была видна труба котельной, из которой навстречу дождю смело рвались в небо энергичные клубы дыма. Вдруг полыхнула красная вспышка, и отец Эндрюс ударил по тормозам.

Что это?

Еще одна – яркий красный свет залил все кругом. Даже листва деревьев стала кроваво-красной.

Молния. Это была вспышка молнии, и отец Эндрюс с изумлением уставился в небо. Ему никогда раньше не приходилось видеть красных молний. Вот еще одна. За ней – другая... третья...

Наконец он отпустил тормоз и поехал дальше. Что-то странное в этих цветных молниях, что-то ему в них не понравилось, даже стало как-то тревожно. Но он постарался сосредоточиться на дороге и не обращать внимания на необычно громкий и раскатистый гром и молнии, которые уже вспыхивали почти непрерывно.

Он свернул направо, на Главную, и подъехал к офису шерифа. Припарковав машину как можно ближе ко входу, он в несколько прыжков преодолел открытое пространство и приостановился в вестибюле, вытирая ноги и стряхивая капли дождя с волос.

– Ненавижу такую погоду, – улыбнулся он, обращаясь к миловидной дежурной.

– А нам нравится, – с улыбкой откликнулась она. – С муссонами тут гораздо легче жить. Чем могу быть полезна? – добавила женщина, вспомнив о своих служебных обязанностях.

– Мне нужно увидеться с шерифом Велдоном. Я Дональд Эндрюс.

– Отец Эндрюс! Шериф ждет вас. Я провожу. – Дежурная встала, толкнула качающуюся калиточку, разделяющую вестибюль и ее рабочее место, и двинулась по коридору в глубь здания. – Они в конференц-зале. – Через несколько секунд она толкнула массивную дверь, просунула голову и сообщила: – Пришел отец Эндрюс. – Придержав дверь, она пропустила посетителя внутрь.

Шериф уже встал с кресла, протягивая руку.

– Рад вас видеть, отец.

Отец Эндрюс пожал протянутую руку, но внимание его переключилось на мужчину в строгом деловом костюме, который сидел с противоположной стороны стола посередине комнаты. Брат Элиас. Он медленно двинулся вперед, глядя в лицо проповедника. Глаза брата Элиаса – сплошные черные зрачки – немигающе смотрели на него.

Шериф обошел вокруг стола и сел рядом с проповедником, кивком приглашая священника занять свободное кресло. Эндрюс предпочел место напротив шерифа. Придвинувшись ближе к столу, он мог разглядеть, что булавка галстука брата Элиаса выполнена из золота в виде маленького распятия. И запонки в виде крестов.

Шериф снял шляпу, положил на стол перед собой и громко прокашлялся.

– Вы сказали, что слышали про брата Элиаса, – заговорил он, обращаясь к священнику. – Что именно вы слышали?

Отец Эндрюс бросил взгляд на проповедника. Ему показалось неловко говорить о том в третьем лице, словно об отсутствующем.

– Немного, – ответил он. – Так, слухи.

– Например?

– Со мной разговаривали некоторые из моих прихожан. Они говорили, что он проповедует

по городу, делает предсказания...

– Так, предсказания, – кивнул шериф. – Какого рода предсказания? Вам их называли? Отец Эндрюс покачал головой.

– Он предсказывал пожары в церквях, – негромко заговорил Джим. – И церкви горели. Он предсказывал, что будут красные молнии. Мы видим красные молнии. – Он помолчал. – И предсказывал, что будут землетрясения.

– И мухи, – добавил брат Элиас, слегка улыбнувшись.

– И мухи, – согласился Джим и внимательно посмотрел на священника. – Как вы это можете истолковать?

– Не знаю, – честно признался Эндрюс. – А как я должен это истолковывать?

– Спросите у него, – предложил шериф. – Может, вы увидите какой-то смысл в том, что он говорит. Священник повернул голову к брату Элиасу.

– Почему сбываются ваши предсказания?

– Противник уже среди нас, – произнес проповедник. – Нечистый здесь.

– Что значит "противник уже среди нас"? – подался вперед отец Эндрюс. – Вы хотите сказать, сатана? Действительно, физически, именно здесь?

– Сатана здесь, – повторил брат Элиас. – И он собирает войнство, призванное помочь ему свершить его дело.

– Но что значит "здесь"? Вы имеете в виду – здесь, на Земле? Или здесь, в Рэндолле?

Брат Элиас впился своими черными глазами в глаза Эндрюса.

– Он здесь, – заговорил он, постукивая указательным пальцем по столу, подчеркивая каждое слово. – Здесь, в городе. Он набирает себе слуг, готовясь к грядущей битве с силами Господа. Здесь будет поле брани.

Джим поднялся, устало почесывая пятерней в волосах.

– Почему вы решили, что он здесь? – спросил он. – В фениксе тоже были осквернены несколько церквей. Откуда вы знаете, что он не там?

– Он здесь.

– Почему?

– Кто знает, почему сатана делает то, что делает, почему он направляется туда, куда направляется? Достаточно знать, что он здесь, среди нас, что он собирает свое войнство, готовясь к решающей битве, к битве, которая была предсказана...

– Стоп, – громко произнес Джим. – Я утомился от вашего бреда. Не думаю, что готов поверить во все эти сказки насчет конца света, – продолжил он, уже обращаясь к отцу Эндрюсу, – но для меня вполне очевидно, что он имеет отношение ко всему этому. Не знаю, каким образом. Может, он ненормальный. Может, я тоже ненормальный, но мне кажется, он понимает, что здесь происходит. Как вы думаете?

Священник согласно покивал головой.

– Очень хорошо. В таком случае переходим к конкретике. Что, где, когда. Только не забивайте мне голову этим бредом насчет предвидений и пророчеств.

– Вы прямо как Эзра, – улынулся брат Элиас. – Точно как ваш прадед.

– Отец, может, вы попробуете с ним поговорить, – взмолился Джим и принялся расхаживать по комнате. – Черт бы его побрал. Прошу прощения.

Эндрюс усмехнулся, покачав головой в знак того, что извинения необязательны, и переключил свое внимание на проповедника. Что-то было неправильное в этом человеке, что-то глубоко и фундаментально неправильное. Что-то нечеловеческое. Он всмотрелся в спокойное лицо проповедника и почувствовал, как в груди нарастает страх. Под внешним спокойствием этого человека крылась какая-то извращенность. Костюм брата Элиаса был тщательно выглажен, волосы аккуратно уложены... Прищурившись, отец Эндрюс подался вперед, словно не веря своим глазам.

В мочке уха брата Элиаса был маленький крест. Татуировка? Он присмотрелся. Нет, это не татуировка. Крест был врезан в плоть. Эндрюс посмотрел на другое ухо проповедника. И вторая мочка была жестоко помечена врезанным крестом.

Дверь конференц-зала открылась, и Рита впустила Гордона. Тот остановился на пороге, словно соображая. Что тут происходит.

– Присаживайтесь, – произнес Велдон. – Мы только что начали.

Гордон вежливо кивнул отцу Эндрюсу, но все его внимание было приковано к брату Элиасу. Проповедник в упор посмотрел на Гордона.

– Я ждал, когда вы придете.

– Вернемся к вопросам, – взял инициативу шериф. – Что именно сатана делает здесь, в Рэндолле?

Гордон бросил быстрый взгляд на шерифа, но счел за лучшее промолчать и не задавать лишних вопросов. Надо понять суть происходящего, а вопросы задать можно и потом, если потребуется.

– Он набирает себе слуг, готовясь к грядущей битве... – заговорил брат Элиас, не сводя глаз с Гордона.

– Каким образом он их набирает? – перебил Велдон. – Кого он набирает? Где? По тюрьмам? По барам? Или среди людей, которые не верят в Бога или не ходят в церковь?

Брат Элиас посмотрел на шерифа так, словно тот сморозил невероятную глупость.

– Где он их берет? Он берет их из женского лона. Он набирает себе младенцев.

Младенцы.

Гордон заметил, как резко побледнели лица шерифа и священника, чувствуя, что сам выглядит не лучше. От страха просто пересохло во рту.

Брат Элиас поднял с пола Библию в черном переплете и раскрыл ее на заложенной странице.

– Откровение, глава двадцатая, стих четырнадцатый, – спокойно произнес он. В голосе появились властные нотки. – "И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это – смерть вторая. И тот, кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное". – Подняв голову, он повторил, уже чуть мягче: – "И тот, кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное".

В комнате наступила тишина.

Брат Элиас закрыл Библию и положил на пол рядом со своим креслом.

– Озеро огненное – это ад, – сказал он. – А те, кто не записан в книге жизни, те, кто не родились, жертвы аборта, выкидыши, мертворожденные – они попадают в озеро огненное, чтобы стать слугами дьявола. Эти нерожденные младенцы – пустая доска, им не ведомы ни добро, ни зло, но сатана захватывает их в свои сети, заставляя их исполнять его злой умысел, обращая их в своих слуг.

– Вы ошибаетесь, – покачал головой отец Эндрюс. – Вы не понимаете, о чем говорите. Озеро огненное – не ад, а книга жизни – не жизнь. Любой семинарист может сказать вам...

– Не следует опираться на интерпретации прошлого, – перебил брат Элиас. – Ибо они неверны.

– Вы понятия не имеете, что...

– Господь, – спокойно продолжал брат Элиас, – говорил со мной путем божественного видения. Он указал мне, что надлежит сделать. – И медленно обведя взглядом присутствующих, – веско закончил: – А вы мне в этом поможете.

– Зачем мы вам нужны? – возразил отец Эндрюс. – Вы, судя по всему, знаете, что надлежит сделать и как это сделать, почему же вам не сделать это самому?

– Противник коварен. Он лжец и отец лжи. Он может выслать вперед своих приспешников. Он будет делать все, что в его силах, чтобы остановить меня в исполнении моего долга.

Джим тяжело опустился в кресло рядом с братом Элиасом.

– Не знаю, чему верить, – со вздохом заговорил он, обращаясь к проповеднику. – Я верю, что вы понимаете, что происходит, но я не уверен, что вы говорите нам правду. Или всю правду. Мне нужны дополнительные доказательства. Прежде чем я приступлю к каким-либо действиям, мне нужны доказательства. Я не могу поверить вам на слово.

Пальцы брата Элиаса поглаживали золотое распытие булавки для галстука.

– К завтрашнему дню у вас будут доказательства, – произнес он, сверкнув глазами. – Но если вы будете ждать дольше, окажется слишком поздно.

14

Тим Макдауэлл, вооруженный лишь фонариком и детским переговорником, в тринадцатый раз пересек промытую дождем канаву, что прорезала ложбину у северного берега Осинового озера. Мелкий дождь, начавшийся несколько часов назад, превратился в настоящий ливень, и почти все из поисковой команды разъехались по домам. Кое-кто остался пережидать непогоду в машинах, стоящих вдоль дороги у берега озера и теперь они с недоумением глядели на свинцовое небо, которое попеременно освещали вспышки красных и синих молний. Поиски продолжали, кроме него, только Мак Бакстон и Ральф Дэниэлс. Он понимал, что шансов найти какие-либо следы практически нет, особенно в этой ложбине, почти полностью, за исключением самого места лагеря, покрытой густой растительностью, и тем не менее был решительно настроен продолжать поиски до тех пор, пока что-либо не выяснит насчет Мэтта. Так или иначе.

Кое-кто из поисковиков пытался уже мягко намекнуть, что мальчишки скорее всего погибли, и разумом он понимал, что они, вероятно, правы, но сердце отказывалось этому верить. Внутренний голос твердил, что Мэтт жив, просто заблудился или сильно травмирован. – Мэтт! – крикнул он. – Мэтт! Тишина.

Он охрип, руки и ноги болели, но это не имело значения. Тим достал кусок табачной жвачки из банки "Скол" и сунул за щеку. Табак был хорош. Он сплюнул и вытер слюну с бороды. Потом снял шляпу, стряхнул воду и снова нахлобучил ее на голову.

Затрещала рация, он мгновенно поднес ее к уху, но это оказалось очередной ложной тревогой. Сунув приборчик в карман, он посмотрел на озеро. Среди зелени сосен виднелись красные и голубые пятна автомобильных кабин. В одной из них сидят Рон Харрисон и Джо Фиск. Пьют, наверное. Он сплюнул от отвращения. Как они могут вот так сидеть, не зная, куда пропали их дети? Что они за отцы?

– Дерьмо, – вслух произнес Тим. Оглядевшись, он пошел вперед, пытаясь высмотреть в густой траве рубашку, ботинок, что-нибудь...

– Мэтт! – снова крикнул он.

Рация опять затрещала. Он прижал ее к уху.

– Тим. Я нашел кое-что.

Сердце замерло. Губы мгновенно пересохли, несмотря на дождь. Громко сглотнув, он нажал пальцем кнопку "передача".

– Это... Мэтт?

– Ты... лучше иди сюда сам, – странным голосом ответил Ральф.

– Что там? – не мог скрыть испуга Тим. – Что?

– Иди сюда. Мак, ты тоже.

– Ты где? – откуда-то издали послышался голос Мака.

– За холмом на западном склоне, примерно перпендикулярно лагерю.

Тим уже бежал. Ноги тонули в вязкой почве. Он пытался выбирать более твердые каменистые участки, цеплялся руками за кусты, но при такой скорости это было затруднительно. Через некоторое время ему попалась оленья тропа, ведущая вверх по склону, и он помчался по ней. Ветки хлестали по лицу. Он задыхался – как от напряжения, так и от страха, ломило в груди, но он заставлял себя не снижать темпа.

Выскочив на вершину холма, он увидел далеко внизу между деревьями красное пятно куртки Ральфа. Сбоку послышались громкие крики Мака, созывающего остальных участников поисковой команды. Тим, продолжая бежать, надеялся, что сейчас начнут хлопать дверцы кабин, но ничего не услышал. Вероятно, публика, сидящая по машинам с поднятыми стеклами, за шумом дождя просто не услышала Мака. Затрещала рация, и голос Мака, уже более отчетливый, произнес:

– Я хочу забежать за остальными. Погодите, мы сейчас. Тим поскользнулся и последние двадцать – тридцать футов проехал по склону на заднице. Вскочил и подбежал к Ральфу, который стоял, закинув голову к небу, и тяжело дышал.

– Ну? – крикнул он, хватая Ральфа за плечо. – Что ты нашел?

Ральф опустил голову. Капли дождя катились по его лицу, словно слезы. Он молча

показал вправо. Тим проследил за рукой, но сначала ничего не увидел. Мертвое полусгнившее бревно, мелкие заросли, папоротники...

Тим медленно пошел вперед. Сердце тяжело стучало в грудную клетку, и казалось, готово проломить ее. На одном из светло-зеленых листьев папоротника он увидел водянисто-розовое пятно. Он подошел ближе. Среди папоротников теперь уже отчетливо вырисовывалось какое-то тело. Тело в майке и джинсах. Мэтт?

– О господи-боже-мой, господи-боже-мой, – услышал собственное бормотание Тим. На этом расстоянии уже можно было понять, что розоватый оттенок листьям папоротников придают размытые дождем пятна крови. На сырой почве виднелись более плотные пятна, а там, где земля была прикрыта растительностью, все было просто забрызгано кровью. Тим опустился на одно колено, мысленно умоляя Господа Бога, чтобы это оказался не Мэтт, и осторожно прикоснулся к телу.

Там, где палец дотронулся до майки, сразу образовалась вмятина. Под ней ничего не было. У тела как будто не было спины. Он придавил посильнее и ощутил желеобразную массу. И твердость кости. Грязная белизна майки начала быстро таять от проступающей красноты.

Внезапно он обратил внимание на светлые волосы. Мэтт был брюнетом.

Не осмелившись перевернуть тело, он передвинулся так, чтобы взглянуть в лицо.

И мгновенно зажмурился.

Лицо было просто выедено. За отдельными кровавыми клочьями рваной плоти можно было увидеть кости черепа. Один глаз висел на ниточке. Окровавленные зубы скалились в мертвой идиотской усмешке.

Он встал, отвернулся и только после этого открыл глаза. Запрокинув голову и глядя на облака, он старался выдавить из сознания кошмарный образ и немного прийти в себя. Даже несмотря на сильный дождь, он чувствовал этот густой, тяжелый, тошнотворный запах крови. Глубоко вздохнув, он снова взглянул на тело. Рук и ног не было. И майка, и джинсы спереди были разорваны в клочья. От тела осталось одно очертание, пустая оболочка. Тим вернулся к Ральфу.

– Где остальные? – спросил он, громко сглотнув.

– Не знаю, – ответил бледный как мел Ральф. – Я не смог искать дальше.

Послышались голоса и хруст сучьев под ногами компании, спускающейся с холма. Тим поднял голову. Впереди шел Мак. С одной стороны, ему хотелось немедленно броситься на поиски Мэтта, с другой – дожидаться остальных, потому что безумно боялся того, что может обнаружиться в ближайшее время. Увидев это тело, он уже не сомневался, что Мэтт мертв, но с ужасом ждал подтверждения и хотел оттянуть этот миг как можно дольше.

Один из спускающихся с холма поскользнулся и прокатился по скользкой грязи. Тут же послышался вскрик омерзения, а за ним – панический ужас:

– О нет! Не-е-е-е-т! Джек! – звериный вопль боли Рона Харрисона разрезал шорох дождя и невнятные голоса, как нож – желе. Джек. Они нашли тело Джека Харрисона. Тим инстинктивно оглянулся на тело в листьях папоротника. Значит, это Уэйн. Уэйн Фиск.

Но где же Мэтт?

Он обернулся к Ральфу. Их глаза встретились. Им не надо было подниматься по холму, чтобы понять, что нашли там. Оба, не говоря ни слова, разошлись в противоположных направлениях, глаза – в землю, в поисках последнего тела. Тела Мэтта.

У Тима болели все мышцы – не столько от утомления, как от напряжения. Мышцы сводило от страха и тревоги.

Он стискивал зубы так, что каменела шея. Тим шел медленно, глядя под ноги, осматриваясь по сторонам, заглядывая под каждый куст, под разлапистые папоротники, за каждое поваленное дерево в поисках следов крови или одежды. Нога зацепилась за камень, едва не вывернув его из земли, и Тим, чуть не упав, остановился.

Впереди, на фоне упавшего ствола дерева, почти скрытое за густым подлеском, он увидел кровавые остатки того, что когда-то было телом. Телом его сына.

Он рванулся вперед, чувствуя, как из глотки непроизвольно рвется животный вопль.словно эхо, послышались крики Ральфа и других мужчин на склоне холма. Он добежал до дерева и остановился. Руки бессильно повисли. Он не знал, что делать. Первобытный

отцовский инстинкт толкал броситься наземь и обнять мертвое тело сына. Но обнимать было нечего. То, что осталось от Мэтта, представляло собой вывернутые наизнанку куски кровавой плоти. Ни головы, ни рук, ни ног, ничего узнаваемого. Как будто тело разорвали на части и долго месили, превращая в желеобразную массу. К корню дерева прилип лишь небольшой окровавленный клочок ткани.

Тим отвел взгляд. Хотелось плакать, но слез не было. Потрясение оказалось слишком страшным. Почему-то он никак не мог вызвать в памяти образ живого сына. Все попытки заканчивались этим кровавым комком плоти. Он попытался вспомнить о сыне что-то хорошее, вспомнить, что они делали вместе, чтобы как-то восстановить прошлое и осознать постигшее горе, но чувства отказывались повиноваться. Мозг онемел.

Где-то за спиной послышались характерные звуки. Кого-то судорожно рвало.

И тут он заметил рядом со своим ботинком отпечаток маленькой ступни. Что за чертовщина? Очень похоже на босую детскую ножку. Присмотревшись, он увидел в районе дерева и другие такие же следы. Некоторые размыло давно идущим дождем, другие – более глубокие и четкие.

Подошел Ральф и сочувственно положил на плечо руку.

– Беда, – произнес он, вложив в одно слово искреннюю боль и сочувствие. Мельком глянув на кровавое месиво, он отвернулся.

– Смотри, – прикоснувшись к его руке, кивнул Тим на отпечатки следов.

Справа в папоротниках началось какое-то энергичное движение. Мужчины увидели, как сквозь траву и папоротники метнулась от них какая-то живность. Вокруг нарастал непонятный шорох.

Тим почувствовал, как инстинктивный страх начинает вытеснять все остальные эмоции. Дождь внезапно усилился, шум тяжелых капель, бьющих по листве, почти заглушил посторонние звуки. Он обернулся к Ральфу.

– Что это, как ты думаешь?

Что-то крепко схватило его сзади за ноги. От рывка Тим начал падать и в последнее мгновение перед тем, как когти вонзились ему в глаза, успел увидеть, что Ральф, облепленный какими-то мелкими, бурыми от грязи тварями, тоже валится наземь. Из-под листьев папоротников быстро лезли такие же создания, высокими голосами лопоча что-то на непонятном языке.

Дальше он боролся вслепую, яростно отбиваясь от невидимого противника. Руки сами хватали, стискивали, отбрасывали мягкую скользкую плоть, но слишком много острых когтей и мелких зубов уже раздирало его на части заживо. Неведомая сила начала разрывать его за ноги, Адская боль пронзила спинной хребет и вспыхнула в мозгу как белая молния.

Где же остальные? Неужели они не видят, что происходит?

Последнее, что он услышал, прежде чем сознание покинуло его навсегда, это дикие вопли других мужчин.

15

Когда Гордон покинул кабинет шерифа, дождь прекратился, молнии сверкать перестали, но в воздухе висела какая-то водяная взвесь, а небо по-прежнему было затянуто плотными облаками. Выехав со стоянки на Главную улицу, он увидел, что через дорогу, на уровне телефонных проводов, двое рабочих в дождевиках натягивают большое полотнище. На белом фоне красными буквами четко читалась надпись: "30-е ежегодное родео. 1 – 3 сентября".

Родео. Он даже забыл, что они с Мариной планировали в этом году попасть на него. Медленно проезжая мимо рабочих, стоящих на высоких раздвижных лестницах, он подумал, сколько людей в этом городе в этом году тоже забыли про родео.

Весь город на грани, сказал шериф, когда они расставались.

Гордон миновал здание филиала Национального банка, уже закрытого, проехал кольцо и прибавил газу. К моменту, когда он оказался в ложбине за лугом Грэя, стрелка спидометра далеко перевалила за шестьдесят. Он точно знал, что шериф в данный момент не сидит за кустами, подавлявая любителей быстрой езды, и что у его помощников выписывание

квитанций за превышение скорости сейчас тоже не является задачей приоритетной важности. На повороте он едва увернулся от случайного булыжника. Свалившегося со скалы во время дождя. Чертыхнувшись, Гордон снял ногу с педали газа. Самоубийство не входит в его планы.

К тому времени, когда он свернул на узкую грунтовую дорогу, ведущую к дому, почти стемнело. За черными стволами уже мелькали уютные желтые огоньки светящихся окон. Он остановился. Марина, выглянув в окно, пошла открывать дверь.

– Что случилось? – с порога спросила жена. Посмотрев в большие карие глаза. Гордон непроизвольным защитным движением положил ладонь ей на живот. Он сомневался, стоит ли посвящать жену во все это. Нет, сказать, конечно, придется, но очень не хочется. Не хочется волновать ее лишним раз без необходимости. Хотя он и сам еще не понял, насколько поверил всему, что сообщил брат Элиас, но и сам проповедник, и его теория вызывали у Гордона животный страх.

– Ничего, – ответил он.

Марина посмотрела ему в лицо, стараясь поймать взгляд.

– Врешь. Я же вижу. Что случилось?

– Ничего.

– Врешь.

– Никогда не удавалось тебя обмануть, – усмехнулся Гордон и поцеловал жену, но та отстранилась.

– Не отвлекайся.

– Шериф считает, что у нас недостаточно оснований для обвинения брата Элиаса, – изображая несчастную покорность, сообщил Гордон. – Максимум, что ему грозит – тридцать суток, а потом свободен как ветер.

Он встретился с ней взглядом, чувствуя ужасную неловкость за то, что ведет с ней нечестную игру и не рассказывает о настоящей причине встречи с шерифом.

Марина пришла в ярость.

– Этот человек – психопат! – воскликнула она. – Что же ему надо сделать, убить меня, что ли, только после этого его посадят? – В горестном недоумении она покачала головой. – Господи, а ведь я думала, что консерваторы – идиоты, когда они говорили о том, что наша судебная система никуда не годится.

– Я понимаю, – кивнул Гордон.

– А этот Велдон – безграмотный осел. Боже, как я его ненавижу!

Гордон молча притянул ее к себе и принялся гладить по плечу, пока не почувствовал, что жена немного расслабилась и успокоилась.

– Ну ладно, – сказала Марина, отстраняясь. – Пошли в дом. Ужин давно готов. Я думала, ты вернешься раньше. Недолго тебе осталось наслаждаться домашней пищей, – говорила она, направляясь на кухню. – Через пару недель начнется школа, тебе снова придется самому себе готовить.

Гордон уселся за стол. Марина выключила духовку, достала из нее горшочек и принялась лопаточкой поровну выкладывать содержимое на тарелки.

– Ума не приложу, как он мог дослужиться выше патрульного, – продолжала она, вынимая из шкафчика бокалы для вина. – Он совершенно не понимает, что делает.

– Да нет, он нормальный парень, – робко заметил Гордон.

– С каких это пор вы стали с ним такими закадычными друзьями? – поинтересовалась Марина, садясь напротив. – Нашу кошечку разорвали на куски на нашей собственной кухне, а он целыми днями только и знает, что штаны просиживать и ни черта не делать.

– Он поймал брата Элиаса, – напомнил Гордон.

– А теперь собирается отпускать. Знаешь, говорят, журналисты, которые работают с полицией, сами превращаются в полицейских, если слишком долго с ними крутятся.

– Очень смешно, – поморщился Гордон.

– Ой, чуть не забыла. – Марина встала, подошла к холодильнику и вынула блюдо с нарезанными дольками морковкой и огурцами.

– Фаллические овощи? – усмехнулся Гордон. – Это намек?

Марина взяла дольку морковки и красноречиво вставила ее в рот, не забыв облизать

языком.

– После ужина, – пообещала она.

Они быстро поужинали и вместе помыли посуду. Гордон выключил свет на кухне, и они, взявшись за руки, пошли в спальню. Марина откинула покрывало и стянула через голову майку. Под майкой ничего не было. Следующим движением она избавилась от брюк.

Гордон уже сбросил туфли и расстегивал брюки, но вдруг замер, прислушиваясь. Марина уже устроилась под простыней.

– Что это? – спросил он.

– Что?

– Прислушайся, – поднял он руку. Марина не двигаясь наклонила голову. Откуда-то доносилось едва слышное жужжание.

– Это? Жужжит что-то?

– Похоже, снаружи, – кивнул Гордон.

– Может, электричество в проводах. Или жуки какие-нибудь.

Мухи. Гордон застегнул штаны.

– Не вставай, – сказал он. – Я только на минутку, проверить.

Он пошел обратно, по пути щелкая всеми выключателями. Нет, в помещениях ничего не видно и не слышно. Остановившись посередине гостиной, он опять прислушался. Звук явно доносился снаружи. Он уже стал значительно громче.

Медленно, уже догадываясь, что предстоит увидеть, и страшась этого. Гордон отодвинул штору и прижался лицом к стеклу.

Весь джип был облеплен мухами. С серого капота черное покрывало напозало на лобовое стекло. Даже с такого расстояния было видно, что мухи живые. Они шевелились, напозали одна на другую, и в слабом свете, падавшем из окон дома, джип казался почти живым существом.

Гордон отпустил штору, передернув плечами от ужаса и омерзения. Она закрыл глаза, пытаясь отогнать видение. Однако сводящее с ума гудение никуда не делось, и образ прочно застрял в мозгу.

Он вернулся в спальню, стараясь выглядеть спокойным, хотя сердце колотилось как бешеное. Он даже попытался улыбнуться. Марина сидела на кровати, оперевшись спиной о подголовник и укрывшись до пояса простыней, оставив обнаженными груди. На какую-то кошмарную долю секунды Гордон вообразил, что они покрыты мухами.

– Что там? – нахмутив брови, спросила Марина. – Ты что-то побледнел. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Нормально, – ответил Гордон, устраиваясь рядом. – Отлично, – повторил он, крепко обнимая жену и закрывая глаза. Оставалось надеяться, что ни одна из них не проникнет в дом.

16

Отведя брата Элиаса обратно в камеру и попрощавшись с Гордоном и отцом Эндрюсом, Джим вернулся к себе в кабинет. Некоторое время он сидел, молча глядя на стопку бумаг на столе, потом выдвинул нижний ящик стола и достал телефонный справочник. Найдя телефон исторического общества округа, он набрал номер.

– Алло? – послышался в трубке знакомый голос Милли Томас.

– Милли, здравствуйте, это Джим Велдон.

– Джим! – бодро воскликнула пожилая женщина. – Давненько тебя не слышала. Как поживаешь?

– Спасибо, Милли, – невольно улыбнулся ее энтузиазму шериф. – Как у вас?

– Отлично. Если помнишь, в прошлом году мы начали составлять книгу по истории Рэндолла, и на будущей неделе должны уже отдавать в печать. Поэтому и сию допоздна. Приходится все самой проверять – на тот случай, не упустили ли чего.

Джим моментально ухватился за подвернувшийся случай.

– А в книге упоминается Молочная ферма? – как можно небрежнее спросил он.

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто вспомнил те истории, которые мы любили пересказывать в детстве.

– Истории о призраках? – рассмеялась Милли. – Они были старыми, когда мы с твоими родителями были детьми. – Думаю, нынешние дети их тоже рассказывают.

– А вы о них в книге упоминаете? – развивал тему Джим.

– Конечно! Как в большинстве историй, которые передаются из поколения в поколение, – возбужденным голосом историка, влюбленного в свой предмет, продолжала Милли, – в них обязательно кроется частица истины. Полагаю, ты бывал в районе Молочной фермы? Видел кресты и могилы?

– Да, только попал туда уже подростком, намного позже, чем про них услышал.

– Там действительно жители нашего региона хоронили умерших детей.

– А зачем надо было уезжать так далеко от города?

– А затем, – для большего эффекта Милли выдержала театральную паузу, – что не все дети были мертвыми. Большинство – да, мертворожденные, но бывали случаи, когда ребенок рождался больным или калекой, то родители привозили его сюда и оставляли умирать.

– Господи, – ужаснулся Джим.

– Вот тогда и начались все эти истории.

– Просто не верится.

– Не суди их слишком строго, – продолжала Милли. – В те времена умирали три из четырех младенцев. Люди поступали так, как считали практичным. Они предпочитали выпалывать слабые и нетвердые ростки, а не тратить на них впустую. Времена были суровые. Большинство семей не могло позволить себе больше одного ребенка, и они хотели быть уверены, что их единственное чадо вырастет сильным и здоровым. А о контроле за рождаемостью, как понимаешь, тогда никто не думал.

– Просто не верится, – повторил Джим. – Мне всегда казалось, что эти истории – вымышленные. Я даже не предполагал, что эти кресты стоят на настоящих могилах. Впрочем, не помню, что я про них тогда думал. Но то, что там нет настоящих могил – в этом я был уверен.

– Абсолютно настоящие. Но это еще не все. Еще раньше, до того, как сюда пришли белые люди, индейцы из племени Анасази делали то же самое. В том же самом месте. Вполне возможно, что наши предки именно у них и переняли это обычай.

Джим уже чувствовал, как сердце колотится где-то под горлом, а в висках пульсирует кровь. Живот свело страхом.

– А я еще вспоминаю историю о проповеднике, – солгал он. – О проповеднике, который каким-то образом связан с Молочной фермой.

– Конечно, – ничуть не удивилась Милли. – Был такой проповедник. Только это не выдумка. Во время исследования мы нашли ряд документов – дневники и журналы, которые подтверждают реальность существования этого человека.

– Правда? – зажмурившись и прижимая трубку к уху, чтобы не выронить ее из внезапно ослабевшей руки, переспросил Джим.

– Да. Это было примерно полтора века назад. Некий странствующий священник, оказавшийся в нашем регионе, каким-то образом узнал про то, что делается на Молочной ферме, и начал с каждого ящика кричать о греховности подобной практики. Перепугал всех. Он пробыл в городе неделю, а потом начал уговаривать людей пойти туда вместе с ним. Но никто не хотел. И все-таки несколько человек согласились подняться с ним на Зубцы. На самом деле... – Милли на секунду запнулась. – погоди, сейчас... точно, вот я нашла. В то время шерифом в городе был твой прадед. Он тоже ходил с ними.

– А как выглядел этот проповедник? Вы не знаете?

– На самом деле описаний практически не сохранилось, за исключением, может, одной детали. Судя по всему, у него были удивительные, неестественно черные глаза.

Джим облизнул внезапно пересохшие губы.

– И что произошло дальше?

– Этого мы не знаем. В одном из дневников записано, что они занимались чем-то вроде экзорцизма, но это не наверняка. Мы даже не знаем, что именно они там собирались изгонять. Изумительно, не правда ли?

– Да, – механически откликнулся Джим.

– Теперь ты понимаешь, как рождаются всякие слухи и легенды о призраках. Разумеется, большую часть этой информации мы почерпнули из личных воспоминаний, а ты сам знаешь, что на такие источники полагаться нельзя. Но пища для размышлений имеется.

– Конечно, – прокашлялся Джим. – А что дальше случилось с этим проповедником?

– Неизвестно, – призналась Милли. – Но мы постоянно находим что-нибудь новенькое. Надеюсь, и это постепенно узнаем. Думаю, тебе придется покупать продолжение, – рассмеялась женщина.

– С удовольствием. Спасибо, Милли. Вы мне очень помогли.

– Скажи пожалуйста, а зачем тебе это понадобилось?

– Нет, ни за чем. Просто из любопытства.

– Ну ладно, отпускаю тебя. Надеюсь, купишь нашу книжку, когда она выйдет?

– Безусловно, – улыбнулся Джим.

– Ну хорошо. Тогда будь здоров. До свидания.

– До свидания. – Джим положил трубку, чувствуя полное оупение. Взгляд невольно устремился в коридор, в конце которого располагалась камера, где сейчас находился брат Элиас.

Ему показалось, что брат Элиас в своей камере смотрит в его сторону и улыбается.

Джим встал. Нет, надо уезжать отсюда. Он понимал, что следовало бы пойти к этому проповеднику, поговорить, расспросить как следует, но в настоящий момент даже видеть его не хотелось. Прежде надо самому попробовать разобраться. Он взял шляпу и вышел в вестибюль. Рита только что ушла, и на дежурство заступили Пит и Джадсон. Он устало махнул им рукой и направился по тихой стоянке к своей машине.

Домой он ехал на автомате; сознание было полностью занято мыслями о Молочной ферме. Он вспоминал все страшные истории, которые они с друзьями пересказывали друг другу в детстве. Призраки брошенных детей, непрестанно плачущие и зовущие своих матерей, которые никогда не придут за ними. Дети, брошенные на произвол судьбы, которые вырастали в диких, звериных убийц. Несмотря на теплый вечер. По рукам побежали мурашки.

Он оставил машину у тротуара и по нестриженому газону пошел к дому. Мозг был занят своими мыслями. Он не обратил внимания на странные темные лужи перед гаражом. Он не обратил внимания, что эти темные лужи шевелятся. Он даже не обратил внимания, что они жужжат.

17

Отец Эндрюс, покинув офис шерифа, поехал к церкви. В семь часов у него должен состояться кружок по изучению Библии, и, хотя особого настроения заниматься не было, отменить занятие он не считал для себя возможным. Оставив машину на стоянке, он пошел по усыпанной гравием площадке к зданию церкви. Под ногами посверкивали разноцветные мельчайшие частицы разбитых стекол. Само же здание, с двойными затемненными окнами, сияло как новенькое. Никто бы не сказал, что с ней что-то недавно произошло, если не считать несколько отличающейся по тону краски на передней стене.

Он вынул ключи, отпер дверь, вошел внутрь и включил свет. Заглянул в часовню, удостовериться, все ли в порядке. Лучи заходящего солнца, проходя сквозь красные, синие, желтые, оранжевые стекла часовни, падали на алтарь, придавая ему праздничный вид. Все как положено.

По небольшому коридору отец Эндрюс прошел в большую классную комнату воскресной школы, где должно было состояться занятие. Интересно, почему эта церковь не сгорела, лениво подумал он, тут же вспомнил о брате Элиасе, и по спине пробежал холодок. Внезапно он сообразил, что совершенно один в церкви. Эндрюс поспешил в классную комнату и включил транзисторный, приемник, радуясь звуку другого голоса.

И начал старательно готовиться к занятию, чтобы выбросить из головы неприятные воспоминания от встречи в офисе шерифа.

Первыми появились Билли Форд и Глен Дануэй в сопровождении матери Глена.

Мальчишки беспрестанно хихикали. Отец Эндрюс улыбнулся.

– Что вас так насмешило?

– Ничего, – мотнул головой Билли. Перешептываясь, они то и дело продолжали прыскать от смеха.

Вслед за ними на пороге появилась Сюзен Пауэлл. Она постоянно что-то делала со своими волосами, словно пыталась выбрать оттуда застрявший мусор.

– Откуда здесь взялось столько мух? – жалобно спросила она, глядя на отца Эндрюса.

– Сама знаешь, на что они летят, – быстро сказал Глен, и мальчишки громко расхохотались.

Мухи? Отец Эндрюс вновь почувствовал приступ страха. Широким шагом он покинул классную комнату и вышел на крыльцо церкви. На стоянке горели габаритные огни чьей-то машины. Стемнело, и он ничего не мог разглядеть.

Но мог расслышать, даже за звуком работающего двигателя, глухое жужжание.

Мухи.

Брат Элиас предсказывал, что появятся мухи.

Сразу вспомнились все библейские казни. Может, нечто подобное должно произойти здесь? Снова захотелось позвонить епископу. Он не готов иметь дело с чем-то подобным. У него нет опыта. Но Эндрюс знал, что епископ не захочет понять, скорее, сочтет его сумасшедшим и освободит от занимаемой должности.

Может, ему лучше самому освободить занимаемую должность? И уехать из Рэндолла как можно дальше.

Однако нет, он не имеет права так поступить. У него есть обязательства. Кроме того, неудобно перед шерифом. Он уже ввязался в это дело, нравится ему это или нет.

Стоя перед дверью, он смотрел, как к церкви бегут еще две группки детей, на ходу отмахиваясь от назойливых мух. На стоянке появлялись все новые машины.

После мух должно произойти землетрясение, вдруг с тошнотворной слабостью в животе вспомнил отец Эндрюс. А если это произойдет в то время, когда они будут заниматься изучением Библии? Церковь может рухнуть и погубить детей.

Но отменять что-либо уже поздно. Большинство родителей, высадив детишек, уже уехали по своим делам и вернутся лишь через час, к концу занятий.

Он решил, что сегодня они займутся учением по гражданской обороне.

Энн Симон, последняя из его учеников, вбежала в церковь, и отец Эндрюс запер тяжелую дверь. Чтобы мухи не налетели, пояснил он.

– У нас дома их просто туча, – сообщила девочка по пути в класс. – Не понимаю, откуда они вдруг взялись.

Отец Эндрюс рассказал детям историю про Иосифа и его братьев, потом немного потренировались прятаться в укрытие, затем он рассказал им про землетрясения и объявил, что урок закончен. Ничего не произошло.

После того как всех детей разобрали, отец Эндрюс запер за ними дверь и вернулся в часовню. Он встал на колени и молился до поздней ночи.

Он просил наставления, но не услышал.

18

Землетрясение произошло ночью, ровно в десять минут первого.

Гордон с Мариной занимались любовью. В первый момент, когда дрогнула земля, они замерли, боясь вздохнуть. За первым толчком последовало еще несколько, с неравными промежутками времени. Из кухни послышался звон бьющегося стекла. Что-то рухнуло в ванной.

– Что это?! – вскрикнула Марина, вцепившись в спину Гордону и глядя на бешено раскачивающуюся люстру.

– Землетрясение, – пояснил Гордон, изображая спокойствие, которого не было и в помине.

– О Господи, – вздохнула Марина, закрывая глаза. – О Господи...

Они крепко обняли друг друга.

* * *

Джим весь вечер пролежал без сна, ожидая этого момента, зная, что это должно случиться, готовя себя, и тем не менее испытал обесиливающее чувство животной паники, когда резко качнулся пол. Вскочив, он толчком разбудил Аннет и метнулся по коридору к детским спальням. Схватив Сюзанну на руки и сдернув с кровати Джастина, он бегом вернулся в свою спальню. Здесь они с Аннет, крепко обнявшись, встали под дверным проемом и стояли так еще долго после того, как толчки прекратились.

* * *

Отец Эндрюс, стоя на коленях перед алтарем, крепко зажмурился и с еще большим жаром продолжал молиться, надеясь, что эта тряска когда-нибудь кончится.

* * *

На следующее утро в телевизионной программе "Сегодня" Джон Палмер сообщил, что в Аризоне впервые более чем за сто лет наблюдений произошло землетрясение. Он сказал, что сила толчков достигала четырех с половиной баллов по шкале Рихтера, а эпицентр его находился рядом с небольшим городком Рэндолл в районе горной гряды Моголлон.

19

Джим сидел в своем кабинете, заперев дверь, выдернув телефон, и ждал появления Гордона и отца Эндрюса. Отщипнув кусок глазированной булочки, лежащей перед ним на столе, он положил его в рот и запил глотком тепловатого кофе. Урон от землетрясения оказался незначительным. Он пообщался с Эрнстом из пожарной охраны, и оба пришли к выводу, что урон гораздо меньше, чем они могли предположить. Разумеется, материальный ущерб еще не подсчитан, и в ближайшую неделю, вероятно, подсчитан не будет, но ни одно здание в городе не рухнуло и никто не получил серьезных ранений.

Однако это не могло остановить желающих дозвониться до шерифа. После землетрясения он попытался связаться с Питом и потратил на это пятнадцать минут. С тех пор телефоны в офисе звонили не переставая, поэтому он и решил отключить свой аппарат. Не было ни малейшего желания выслушивать мелкие жалобы по поводу разбитого фарфора или любимого чайного сервиза. С этим вполне могут справиться Рита и Том.

У него есть дела поважнее.

Джим отломил еще кусок булки и сделал еще один глоток кофе. Он понимал, что пора вставать и идти разговаривать с братом Элиасом, но очень не хотелось делать это одному. Ему попросту было страшно. Поэтому он и хотел дождаться отца Эндрюса и Гордона. В дверь постучали.

– Кто там?

– Эндрюс.

Джим встал и пошел открывать. Бросилось в глаза, что священник был в той же одежде, что и вчера. И небрит. Лицо, обычно бледное, казалось еще бледнее. Шериф внимательно оглядел его.

– Как вы себя чувствуете?

– Мало спал прошлой ночью, – пожал плечами Эндрюс.

– Не удивительно, – хмыкнул Джим и, оглянувшись на свой стол, спросил: – Хотите дождаться Гордона или лучше сразу пойти к брату Элиасу?

– Лучше сразу, – ответил священник, облизнув губы. Джим запер кабинет и двинулся по коридору – мимо конференц-зала, мимо складского помещения – к массивной металлической двери, которая перекрывала вход в три изолированных камеры. Даже через дверь было слышно, как брат Элиас громко распевает какие-то гимны. Они переглянулись.

– Уверены? – переспросил Джим. Отец Эндрюс кивнул.

Шериф отпер дверь, и они подошли к первой камере. Брат Элиас посмотрел на Джима и усмехнулся.

– Вы получили свои доказательства.

– Да, я получил доказательства, – кивнул шериф, отпирая дверь камеры. – Что мы делаем дальше? Полагаю, у вас есть некий план.

Брат Элиас неторопливо встал, зажав под мышкой свою Библию.

– Подождем, когда все будут в сборе, – сказал он, выходя из камеры. – Лучше это сделать в вашем кабинете.

– Хорошо, – согласился шериф. – Пошли.

Все вернулись в кабинет.

Через десять минут послышался вежливый стук. Дверь открылась, и появился Гордон. Шериф сидел за столом и крутил в пальцах металлическую скрепку для бумаг. Отец Эндрюс устроился на диване напротив стола шерифа, разглядывая ковер и спрятав ладони между колен. При появлении Гордона он поднял голову и улыбнулся, но улыбка вышла жалкой и натянутой.

Брат Элиас стоял у окна и смотрел на улицу. Черный силуэт казался застывшим.

Но он тут же развернулся и шагнул на центр комнаты, волшебным образом преобразившись из черного силуэта в почти нормально выглядящего мужчину. Он тоже улыбнулся Гордону, хотя черные глаза были такими же непроницаемыми, как обычно.

– Мы ждем вас, – произнес брат Элиас. Гордон молча кивнул, не зная, что на это ответить. Его сковала робость, хотя и непонятно почему. Единственное, что он мог сказать наверняка – баланс сил со вчерашнего дня в этой комнате резко изменился. Вчера здесь неоспоримо властвовал шериф. Сегодня хозяином положения стал брат Элиас.

– Ну хорошо, – проговорил, вставая, Джим. – Все в сборе. Может, теперь вы нам объясните, что происходит? Брат Элиас неторопливо оглядел всех по очереди.

– Вы все избраны Господом нашим Богом выйти на бой против сил зла. Сатана был изгнан навечно от милостивого лица Господа, и в своей бессильной ярости поклялся отомстить Отцу небесному. Он уже собрал свое воинство, чтобы помешать исполнению Господней воли, и если его не остановить вовремя, он может преуспеть в своем замысле. – Взглянув на Гордона, а потом на шерифа, брат Элиас спросил: – Вам снились кошмары?

Оба молча кивнули.

– Господь избрал вас, чтобы говорить с вами через видения, – продолжил брат Элиас, держась за распятие на галстук. – Он увидел возможность предупредить вас о грядущем Зле через ваши сны, как делал и ранее, как делал с Иосифом и другими пророками.

– Так что это значит? – прокашлявшись, перебил его Велдон. – То, что мы видели в снах, должно стать явью?

– Пути Господни неисповедимы, – ответил проповедник и бросил взгляд на отца Эндрюса. – Добрый отец может подтвердить, что Господь часто выражается иносказаниями и аллегориями.

Отец Эндрюс неожиданно для себя кивнул.

– Может, поначалу это и было правдой, – заговорил Джим, – но с недавних пор мне стали сниться совершенно особенные сны. В этих снах стал появляться знакомый мне ребенок. – Он тяжело посмотрел на проповедника. – Мне стала сниться Молочная ферма.

– Мне тоже, – кивнул Гордон.

– Когда время близится к ночи, – улыбнулся брат Элиас, – когда силы обеих сторон стремятся к своему пику, видения становятся менее расплывчатыми. Мои видения тоже проясняются.

– А мне не снятся кошмары, – подал голос отец Эндрюс.

– Тем не менее, вы избраны, – отреагировал брат Элиас и, обращаясь к Джиму, продолжил: – Этот мальчик, ваш знакомый. Он избран Господом нашим Богом. Теперь он направляет ваши видения, исполняя волю Господа на другой стороне. Вы, – тут он снова обернулся к отцу Эндрюсу, – избраны, чтобы исполнить Его роль.

– Почему я? Почему мы все избраны?

– Вы – экстрасенс, – просто ответил брат Элиас. – Бог наделил вас силой, превосходящей

обычные способности человека. Теперь он хочет, чтобы вы воспользовались этой силой. Вы должны будете говорить с противником, вы должны будете общаться с нечистым. Отец Эндрюс побледнел.

– Ваша семья, – обратился брат Элиас к Джиму, – всегда способствовала богоугодному делу. Ваши предки храбро сражались с его противником. Теперь – ваш черед.

– Такое уже было, – сказал Джим. Брат Элиас кивнул.

– У Молочной фермы.

– Да.

– Как давно это длится? – спросил Джим. – Как долго наш род принимает в этом участие?

– Если я скажу, вы не поверите.

– Все-таки скажите. – Он помолчал. – Мой прадед там был, верно?

– Эзра Велдон, – подтвердил брат Элиас. – А до него Тен-Хано-Какия. А до него Нан-Тимока. И Ва-Кай-Нон...

– И вы тоже? Вы тоже каждый раз были с ними?

Брат Элиас только улыбнулся.

Джим посмотрел на мужчину в строгом деловом костюме, и его передернуло. Интересно, в каком виде он являлся прадеду? В качестве одного из тех священников, что ходили по пограничным землям в пыльных черных костюмах и высоких цилиндрах? А как раньше? Кочующим индейцем? А в самом начале? Пещерным человеком? Он задумался, каким образом мог оказаться втянут в это дело его самый дальний предок, прародитель... Ведь кто-то когда-то должен был принять сознательное решение...

Но ведь он сам принимает сознательное решение, не так ли? Это его личный выбор.

Не совсем. Это уже решено за него.

– Почему я избран? – спросил Гордон.

– Пока я вам этого сказать не могу, – покачал головой брат Элиас. – Вы еще не готовы. Я скажу, когда придет время.

– Скажите сейчас, – настаивал Гордон.

– Я скажу, когда придет время, – повторил брат Элиас. Под пристальным взглядом черных глаз Гордон почувствовал, как его воля сникает. Проповедник подошел к столу шерифа и взял с него карандаш и блокнот.

– У нас мало времени. Час уже близок. Мы должны быть готовы, если хотим преуспеть.

– Что будет, если мы преуспеем? – спросил Велдон. – На этом все кончится или как?

– Нам сопутствовал успех в прошлом, – покачал головой брат Элиас. – В противном случае нас с вами здесь бы не было. Сатана повержен и унижен всемогущим Господом, но он никогда не оставит попыток посягнуть на власть Бога. Он бессмертен. И хотя мы можем одолеть его в этих малых битвах, он способен ждать. Он будет повторять попытки снова и снова, каждый раз собирая новое войско, – до тех пор, пока не добьется успеха.

– А если мы проиграем? – спросил Гордон.

– Сатана пойдет по Земле. Земля станет его владением, и все на ней – его подданными. Он изменит жизнь в своих собственных целях и извратит творения Господа. Он посмеется в лицо Господу.

– Почему Бог сам не предпримет какие-то действия, чтобы противостоять ему? – негромко спросил отец Эндрюс. – Зачем ему требуются наши несовершенные, бранные существа?

– Не смейте оспаривать решения Господа! – сурово одернул его брат Элиас. – Не тщитесь понять высший разум!

– Как вы полагаете, сколько у нас времени? – решил сменить тему Джим.

– Не знаю, – признался брат Элиас. – Дьявол уже приступил к действиям, и чем больше их происходит, тем сильнее он становится. Я считаю, есть еще сутки, прежде чем сатана и его войнство наберутся силы, достаточной, чтобы захватить желаемое. Мы должны выступить раньше. В ином случае мы проиграли.

Услышав это, все переглянулись. Наступила мертвая тишина. Только брат Элиас что-то быстро писал в блокноте.

Потом он вырвал листок и протянул шерифу. Джим пробежал глазами, потом передал отцу Эндрюсу, который, в свою очередь, дал ознакомиться Гордону.

"Необходимые предметы", было написано уверенным крупным почерком. Гордон просмотрел список. Толстая веревка, неопределенной длины. Автомобили-пикапы. Четыре экземпляра Пересмотренного стандартного издания Библии. Непромокаемый брезент. Четыре креста. Четверо вил.

Вилы?

Четыре мощных ружья. Четыре топора. Спички. Галлон человеческой крови.

– Что нам предстоит делать? – подняв голову от бумажки, прошептал Гордон.

Брат Элиас не отреагировал. Джим забрал список у Гордона, еще раз заглянул в него и заметил:

– Большую часть этого достать нет проблем. С кровью, конечно, сложнее, но я надеюсь, мне удастся ее реквизируют в местной больнице.

– Я хочу, чтобы вы отправили из города свои семьи, – сказал брат Элиас. – Отправьте их в безопасное место, подальше отсюда. Пусть ваша жена с детьми, – бросил он взгляд на шерифа, – уедет к родственникам и поживет там пару дней, пока все кончится.

Джим кивнул.

Затем проповедник обернулся к Гордону.

– Сделайте так, чтобы ваша жена тоже оказалась как можно дальше отсюда. Это очень важно. Завтра ее здесь не должно быть.

– Почему? – не удержался Гордон.

– Я не могу вам сказать этого. Время еще не пришло. Но вы обязаны отправить ее отсюда.

Гордон почувствовал сухость во рту. Он представил себе Марину, разорванную на куски, как семейство Селвэй, как Влад. Облизнув губы, он ответил:

– Не знаю, согласится ли она. Не знаю, поверит ли она вообще, если я ей расскажу все это.

– Не имеет значения, что вы ей скажете, главное, чтобы ее здесь не было.

– Она сама принимает решения, – твердо возразил Гордон. – Я не могу заставить ее сделать что-то против ее воли.

– Отправьте ее из этого города, – настойчиво повторил брат Элиас. – "Потому что муж есть глава жены, как и Христос есть глава Церкви... Как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем". Послание к Ефесянам, глава пятая, стих двадцать третий. – Проповедник взял в руки Библию, которая все это время ненавязчиво находилась у него под мышкой, пролистал ее, достал две фотографии и протянул Гордону.

Гордон уставился на цветной снимок. Сделан он был на каком-то пляже. Вдалеке виднелось море. Не переднем плане – несколько мертвых окровавленных тел.

Младенец с окровавленными зубами выкарабкивался из живота беременной женщины.

Намек был ясен.

Гордон, испытывая тошноту, вернул фотографии. Сознание протестовало, пытаясь представить этот снимок как подделку, приписать жуткую сцену ловкости рук фотографа-шулера, но внутренний голос подсказывал, что фотография подлинная.

– Да, нам еще нужен фотоаппарат, – заметил проповедник, обращаясь к шерифу.

Джим взял карандаш и приписал: "камера. Пленка".

– Но что именно нам предстоит делать? – снова спросил Гордон.

Однако брат Элиас уже отошел к окну и замер, глядя на темный силуэт Зубцов, нависших над городом.

20

Тед Макфарлэнд подъехал на своем белом "пontiаке" специальной государственной модели к закрытой и брошенной бензоколонке рядом с салуном "Кольт". Выключив фары и двигатель, он некоторое время посидел в темноте, размышляя. Он чувствовал себя одиноким и подавленным. Он прекрасно понимал, что не продвинулся ни на шаг в этом чертовом расследовании и чувствовал сопротивление местных властей каждый раз, когда пытался выдвинуть какое-то предположение или просто высказать свое мнение. Тед вздохнул. Он не понимал, почему Вильсон вообще решил подключать людей к этому делу. Полиция штата не обязана спасать местные структуры каждый раз, когда те готовы сесть в лужу.

Фары подъехавшего пикапа отразились в зеркальце заднего вида и буквально ослепили его. Пришлось повернуть зеркало. Через минуту послышалось хлопанье дверей машины и хруст тяжелых ботинок по гравию. Приехавшие направились в бар.

Надо позвонить Дениз. Наверняка она уже не отходит от телефона и ждет звонка. Однако ее голос, разговор с ней только подчеркнет это нынешнее одиночество и расстроит еще больше. Тед посмотрел на ярко освещенные двери салуна. Изнутри доносились громкие хриплые голоса людей, хорошо проводящих время, музыка Чарли Дэниэлса. Он понял, что если не позвонит Дениз, то в своем нынешнем состоянии наверняка может совершить какую-нибудь глупость, о которой потом придется жалеть.

Молодая пышногрудая девица в обтягивающих джинсах и весьма откровенной кофточке, пошатываясь, вышла из бара. Она обеими руками держалась за крупного парня в ковбойской шляпе.

Глядя на нее, Макфарлэнд подумал про Дениз, потом решительно поднял стекло, вышел из машины и хлопнул дверцей. Пройдя несколько шагов по разбитому асфальту, он перепрыгнул через невысокую кирпичную ограду, отделяющую территорию бензоколонки от салуна. Стоянка перед "Кольтом" была полна машин. Несколько выдавших виды грузовых пикапов. Несколько небольших иностранных экономичных легковушек. Но в основном – мощные, крепкие американские машины, по большей части – "форды", почти все – с обязательным трейлером на прицепе и креплением для ружей у заднего стекла.

Тед вошел в бар. В жарком сыром воздухе висела табачная синева. Комбинация сигаретного дыма, запаха пива и потных человеческих тел была почти непереносимой. Музыка играла громко, слишком громко. Разговаривать при ней было бы весьма затруднительно, если вообще возможно. Он поискал знакомые лица, никого не нашел и направился к стойке бара. В этот момент песня закончилась, пока не началась другая, он махнул бармену и громко крикнул "пива!"

Чья-то тяжелая рука ударила по плечу. Макфарлэнд резко обернулся. Карл Чмура. Правая рука шерифа Велдона, стоял перед ним и улыбался.

– Привет, – крикнул он. – Как дела?

Макфарлэнд кивнул бармену, поставившему перед ним бокал с пивом.

– Нормально.

Чмура был из тех, кто наиболее ярко выражал свое недовольство его присутствием, и ясно давал понять, что не желает и не станет принимать помощь от представителя полиции штата, хотя формально неукоснительно выполнял все приказания шерифа. Теперь же молодой помощник улыбался вполне дружелюбно, на лице его не было и тени враждебности. Очевидно, он относится к тому разряду людей, кто может успешно отделять служебные дела от остальной жизни – в отличие от Макфарлэнда, которому это никогда не удавалось.

Он попробовал улыбнуться в ответ, но улыбка получилась вымученной; он сам почувствовал фальшь.

– Что вы тут делаете? – спросил Макфарлэнд, сознавая весь идиотизм вопроса, но ничего лучшего все равно придумать не смог.

Чмура сделал большой глоток из бутылки, которую держал в руке.

– У меня свободный вечер, только что расстался со своей подружкой и вот решил отметить это событие. Присоединяйтесь. – Он оглядел зал. Несколько ковбоев со своими подружками отплясывали тустеп под оркестр Маршалла Такера. Несколько свободных девиц стояли у края танцпола, оглядываясь в поисках партнеров. – Уверяю, можем подхватить парочку этих фифочек.

– Не сегодня, – покачал головой Макфарлэнд. – Нет настроения.

– Да ладно, пошли! – схватил Чмура его за руку, и Тед понял, что помощник шерифа довольно пьян.

Он еще раз, более уверенно, покачал головой и высвободился из сильной лапы помощника.

– Не могу. Я женат.

– Какая разница? – расхохотался Чмура. – Я тоже однажды был женат. Кому это мешало?

Макфарлэнд посмотрел на молодого человека. Был женат и уже развелся? На взгляд ему

не больше двадцати пяти. Покачивая головой, он демонстративно посмотрел на часы.

– Прошу прощения. Я должен позвонить жене. Мне уже пора ехать. – Допив свое пиво, он встал. Сейчас он вернется в отель и будет смотреть телевизор. Может, даже позвонит Дениз. А что? Может, это, наоборот, как-то подбодрит. Во всяком случае, хуже не станет. Он хлопнул Карла по спине, изображая дружеские чувства, которых на самом деле не испытывал, и произнес: – Ну, пока. Увидимся.

– Пойдите! – воскликнул парень с какой-то ноткой отчаяния. – Может, все-таки останетесь, посидим, поговорим, а?

– Извините, – еще раз покачал головой Макфарлэнд, – но мне действительно пора. Может, как-нибудь в другой раз.

В этот момент рядом с музыкальным автоматом, в глубине бара, слышались громкие возбужденные голоса, и оба оглянулись на звук. Раздался какой-то грохот, иглока звукоснимателя издала душераздирающий скрип, многократно усиленный мощными динамиками. Чмура поставил бутылку на стойку бара и положил руку на кобуру.

– В такие моменты очень забавно быть помощником шерифа, – заметил он, направляясь в глубину зала. Вдруг толпа, которая клубилась там, начала медленно пятиться назад. Одна дамочка средних лет развернулась и метнулась к выходу. Автомат заиграл по новой. Зазвучала песня Вэйлона Дженнингса, но низкий голос Дженнингса тут же стал еще ниже, потому что кто-то, видимо, выдернул шнур, и музыкальный автомат через секунду остановился.

Макфарлэнд несколько мгновений наблюдал за помощником шерифа, машинально хлопывая себя по груди, по поясу в поисках кобуры, которой не было, потом потянулся за оставленной на стойке бутылкой и резким движением отбил донышко, чтобы обеспечить себя хоть каким-то оружием. После этого двинулся на помощь Чмуре. Никогда не знаешь, что может произойти в таких провинциальных барах. Дополнительная предосторожность никогда не помешает.

В баре стало тихо. Все разговоры прекратились, все танцующие и сидевшие за столиками с любопытством тянули шеи, пытаясь понять, что происходит в глубине зала. Кое-кто из завсегдатаев даже взобрался на стул, глядя на дверь по соседству с музыкальным автоматом, но большая часть посетителей торопливой цепочкой потянулась к выходу.

Макфарлэнд, следуя за Карлом, подошел к толпе и остановился.

Крошечный младенец, безногий, с почти неразвитыми ручками, появившийся, видимо, из той самой двери, шлепал по деревянному полу, хихикая и лопоча что-то сам себе. Голосок был тихим, но в наступившей тишине, нарушаемой только шарканьем ног, Макфарлэнд отчетливо его слышал. По телу пробежали мурашки. Он сделал шаг вперед и всмотрелся в младенца. Он был мелким, недоразвитым, как будто только что родившимся. Розовое тельце было еще мокрым от крови; за ним оставался влажный след, как от улитки. По мере того как он шлепал вперед, глаза мигали с равными интервалами, как у куклы. Рот продолжал издавать какой-то дикий лепет.

На лицах окружающих застыло выражение страха и отвращения. Макфарлэнд предположил, что кто-нибудь из женщин, из сострадательных мамочек, сейчас бросится к младенцу, пожалеет его, постарается оказать помощь. Но в этом младенце было что-то настолько неправильное, настолько злобное, что он понял, почему люди отступают перед этим созданием, а некоторые предпочитают спастись бегством. Его самого охватил какой-то животный страх и возникло инстинктивное желание броситься вперед и затоптать его, как огромного и отвратительного жука.

Справа раздался истерический женский визг. Макфарлэнд оглянулся на звук. Еще один младенец, такой же мелкий и такой же уродливый, так же хихикая, заползал через открытое окно. Мелкое тельце уже было на подоконнике; маленькие ручки лихорадочно хватались за воздух. Окно, как он знал, выходило на дренажную канаву, которая опоясывала здание и тянулась в поле. От дна канавы до окна было не меньше двадцати футов.

Каким образом младенец мог забраться в него? Макфарлэнд бросил взгляд на Чмуру. Тот тоже тупо смотрел на окно с выражением полнейшего недоумения на лице. Шок, очевидно, полностью нейтрализовал действие алкоголя. Он почувствовал на себе взгляд и обернулся.

– Что тут происходит?

Полисмен только пожал плечами. Из двери рядом с музыкальным автоматом появился еще один младенец. Он полз по кровавому следу первого. У этого была огромная уродливая голова. Послышались крики от входа.

Они появлялись со всех сторон.

Макфарлэнд оглянулся. Бармен откуда-то извлек револьвер и уже держал его двумя руками, готовый применить в случае необходимости. На лице его было смятение. Макфарлэнд кивнул Чмуре и побежал к стойке, на ходу вытаскивая из нагрудного кармана полицейский жетон.

– Полиция штата! – крикнул он, протягивая руку к оружию.

– Не лапай, ублюдок, – рявкнул бармен, наводя ствол ему в грудь. Палец лег на спусковой крючок.

– Я полицейский, – громче повторил Макфарлэнд. – пожалуйста, передайте мне ваше оружие, мой пистолет остался в машине.

Взгляд бармена переместился в зал. Первый из младенцев уже вскарабкался на возвышение танцпола. Хватка его ослабла, пистолет дрогнул, и Тед быстро выхватил его из ослабевших рук.

– Что это? – слабым от страха голосом произнес бармен.

– Не знаю, – честно признался Тед. Крепко сжимая оружие, он поспешил обратно к помощнику шерифа. Но не успел до него дойти, потому что все здание содрогнулось от удара страшной силы. От входа послышался металлический лязг, и толпа медленно, молча попятилась. На этот раз уже не было ни криков, ни стонов, но голосов. Только хриплое напряженное дыхание и тошнотворные влажные шлепки окровавленных младенцев, перемещающихся по деревянному полу.

И тут Макфарлэнд увидел это.

Обугленная, почерневшая фигура, одетая в нечто, напоминающее обрывки облачения священника, возникла на пороге салуна, зыряка во все стороны совершенно белыми глазами. Обожженная кожа лохмотьями свисала с лица. Руки напоминали когтистые лапы. Рядом с дверью, в стене, за фигурой зияла огромная дыра. Тед придвинулся к Чмуре.

– Что это может быть? – прошептал он, громко сглотнув. Чмура покачал головой.

– Грешники! – изрекла фигура и расхохоталась скрипучим, нечеловеческим смехом.

– Селвэй, – вдруг прошептал Чмура. – Отец Селвэй!

В толпе послышался шепот. Видимо, многие тоже узнали священника.

– Просите, и воздается вам, – насмешливо возвестила фигура, обнажив в усмешке кривые почерневшие зубы. – Я пришел дать вам волю. – Скрипучий голос произнес что-то нараспев на непонятном языке и ткнул в толпу обугленным пальцем. В это время в дыру вваливались все новые и новые младенцы, их было, наверное, уже более двух десятков. Над головой послышался какой-то скрежет. Словно отдирали крышу.

– Это нелюди, – прошептал Чмура, безумно оглядываясь по сторонам, потом выхватил из рук Макфарлэнда пистолет, направил его в голову фигуры и спустил курок. Оглушительно грохнул выстрел... и ничего не изменилось.

Пуля не разорвала фигуру и не прошила ее насквозь. Черная голова словно поглотила ее, даже не покачнувшись при этом.

Чмура выстрелил еще раз. Тот же эффект. Еще раз. Никаких изменений. Голова обнажила в улыбке зубы. Макфарлэнд отобрал у него пистолет. – Ты был плохим. Карл, – возвестила фигура. – Ты сошел с пути. – Фигура двинулась, и люди в панике попятились, уступая дорогу. Макфарлэнд ощутил непреодолимое желание отодвинуться от помощника шерифа. Фигура остановилась прямо перед ним. – Плохой Карл.

Помощник шерифа даже не попытался отстраниться. Он стоял, словно припечатанный к полу, явно в шоке, и даже не моргнул, когда это потянулось и одним движением вырвало у него кисть руки. Фигура высоко подняла кровоточащую конечность и ухмыльнулась.

Карл Чмура не шевельнулся. Он стоял и тупо смотрел, как из руки потоком льется кровь. Шум на крыше стал громче.

Макфарлэнд больше не мог этого вынести. Вскинув пистолет, он ткнул стволом прямо в обугленное лицо. Металл легко, без сопротивления погрузился в черную плоть, но фигура этого

попросту не заметила. Тед спустил курок. Грохнул выстрел, но пуля словно исчезла в голове.

Только после этого фигура перенесла свое внимание на Макфарлэнда. Легко вырвав из рук полисмена пистолет, она отшвырнула его прочь и ослабилась.

Послышался треск ломаемого дерева. Краем глаза Макфарлэнд заметил, как с крыши посыпались маленькие уродцы. Они падали на обнаженные головы и ковбойские шляпы, но были не таким неловкими и неуклюжими, как первые. Напротив, они действовали быстро. Сосредоточенно, целеустремленно. Одна тварь прыгнула на дородного мужчину и тут же начала вгрызаться ему в голову. Отчаянные попытки того избавиться ни к чему не привели.

По мере того как все новые и новые твари сыпались с потолка, все помещение заполнялось воплями боли и ужаса.

– Надеюсь, вы все вчера вечером помолились, отходя ко сну, – скрипучим голосом произнесла фигура и захохотала.

Макфарлэнд дернулся, почувствовав, как сильная рука схватила его за горло. В нос ударил запах горелой плоти.

"Дениз! – вспыхнуло в мозгу. – Я же должен был позвонить Дениз!"

В следующий миг отец Селвэй оторвал ему голову.

21

Брат Элиас сидел в хорошо освещенном конференц-зале офиса шерифа и вспоминал те времена, когда он еще не был известен как брат Элиас. Тогда у него были более темные волосы, а костюм более потрепанный, в соответствии с нравами времени. Тогда он называл себя отец Джосая. А до этого он был Иктар-Ва. А еще раньше – Викип-Асази.

Имена менялись, но люди оставались все те же.

И зло оставалось все тем же.

Он посмотрел на лежащую перед ним Библию в черном переплете и улыбнулся. Ему нравилось христианство. Простая религия, с несколькими стандартными ритуалами, войти в которые не составляет труда. И, в отличие от некоторых более холистических восточных религий, христианство признает, что существует четкая дихотомия между добром и злом.

Даже если и не понимает истинную природу зла. Брат Элиас с безмятежным выражением лица смотрел на противоположную стену, зная, за ним наблюдают в специальный глазок, вмонтированный в стальную дверь. Один из помощников шерифа каждые несколько часов подходил проверять его и фиксировать, чем он занимается. Обычно человек несколько секунд смотрел в глазок, после чего исчезал.

Брат Элиас знал, что происходит в городе. Он знал, что некоторые слабые места уже подвергаются нападению. Он знал, что зло уже быстро нарастает и позволяет себе угрожающие набеги. Все это он уже видел. В других городах. В другие времена. И в Рэндолле.

Брат Элиас прикоснулся к маленькому золотому распятию, служащему ему зажимом для галстука. Такого провала, который случился во время его последнего появления в Рэндолле, он больше допустить не может. В тот раз четверо из шести мужчин, принимавших участие в этом деле, погибли. Зло было подавлено, сила его иссякла на ближайшие полторы сотни лет, но они были на грани катастрофы. Живыми с Зубцов вернулись лишь двое – он и Эзра Велдон.

Он опасался, что нечто подобное может произойти и сейчас.

Если не худшее.

Скоро может оказаться слишком поздно. Надо было появиться в Рэндолле гораздо раньше. События начинают выходить из-под контроля. Но ни он сам, ни отец Эндрюс, ни шериф, ни Гордон не были готовы. Он не уверен, что они готовы сейчас. Шансы на то, что они преуспеют в своей миссии, ничтожно малы.

Но он не имеет права показывать свои опасения. Нельзя демонстрировать неуверенность. Он должен быть сильным ради них всех. Он должен проявить силу и мужество, которых у них нет.

Если ритуал совершен правильно, если все пройдет по плану, то осечек быть не должно. Жертв быть не должно. Но ничто не проходит идеально. Всегда возникают непредвиденные отклонения. Всегда приходилось делать изменения в соответствии с обстоятельствами.

Всегда были смерти.

22

Узкая грунтовая дорога петляла по лесу. Высокие сосны, черные и пугающие на фоне безлунного неба, обступали с обеих сторон глубокие борозды, как молчаливые стражи. Гордон шел вперед, глядя перед собой, время от времени оступаясь в глубокие ямы, которые не успевал заметить, спотыкаясь босыми ногами о камни, невидимые в темноте. Лес впереди, казалось, уже смыкался, могучие сосны выходили на обочины, и дорога того и гляди должна была просто исчезнуть.

Гордон продолжал идти вперед. Он не знал, что его ждет впереди, но по мере углубления в лес нарастающее ощущение угрозы уже переходило в паранойю. Ему хотелось вернуться, но что-то внутри удерживало от этого шага. По обе стороны дороги между деревьями слышались зловеющие шепоты и непонятные звуки, напоминающие детский лепет. Он ускорил шаг.

Внезапно нечто большое и черное появилось из-за дерева и встало прямо посреди дороги, перекрывая путь. Ночь была темной, но фигура – еще темнее. Она недвижно нависала над ним. Эта абсолютная неподвижность казалась угрожающей, и Гордон заставил себя остановиться. Громко кашлянув, он спросил:

– Кто это?

Фигура молчала.

– Что это?

Гордон почувствовал, что фигура двинулась, но глазом это не зафиксировал, поэтому испугался еще больше. Он развернулся, чтобы бежать прочь, и... оказался посреди старой Горной дороги. Вокруг были развалины Рэндолла. Прямо впереди он увидел руины здания филиала Национального банка. Из горы черного пепла торчали обломки бетона и куски стальных конструкций. Два человека в рваных одеждах, пошатываясь и поддерживая друг друга, удалялись от дымящейся груды того, что некогда было магазином на Кольце. Какие-то люди бежали что есть сил по дороге, удаляясь от него, удаляясь от центра города. А высоко над Зубцами грозно нависала гигантская черная туча; она тянулась вперед, быстро превращаясь в нечто, напоминающее когтистую лапу.

Что-то ударило его в ногу. Гордон увидел зверька, который выглядел как крупная крыса, крыса размером с собаку. Она сидела на асфальте перед ним и скалила зубы в злобной ухмылке. Прежде чем он успел среагировать, прежде чем успел пнуть ее или хотя бы крикнуть, тварь метнулась вперед, вцепилась в него когтями, острые хищные зубы впились в лицо. Он уже почувствовал, как полилась горячая кровь, как тварь вырывает куски мягкой плоти; пытаясь избавиться от нее, он стал падать навзничь и... оказался на мягкой горе сырого мусора. Потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Наконец, осознав, где находится, он огляделся по сторонам. Было утро, солнечные зайчики сверкали на хромированных обломках какой-то конструкции, валявшейся неподалеку. По другую руку полыхал костер из дерева и других горючих материалов; окружающий воздух дрожал и плыл раскаленным маревом. Совершенно произвольно в языках пламени он стал различать странные изменяющиеся фигуры. Тела. Лица. Фигуры были очень похожи на человеческие, и лица казались знакомыми, только не сразу узнаваемыми. Он даже попытался сосредоточиться на каком-нибудь из лиц, но не смог, потому что они слишком быстро менялись.

Из-под костра выполз обгорелый, дымящийся младенец. Младенец обуглился почти до неузнаваемости, но Гордон смог понять, что тот не столько сторел, сколько жестоко изувечен. Весь скелет был словно перекрученный. Младенец выполз из костра и начал затаскивать себя на соседнюю горку мусора, при этом он хихикал и улыбался, обнажая неестественно длинные кривые зубы, которые сверкали ослепительно белой полосой посреди черного как смоль лица.

Младенец повернул голову к Гордону и отчетливо произнес:

– Папа!

Ни о чем больше не думая. Гордон вскочил, схватил первую подвернувшуюся длинную палку и что было сил воткнул ее в спину младенцу. Он почувствовал, как острый конец прошил тельце насквозь. Младенец испустил один пронзительный вопль, дернулся и затих.

Гордон поднял голову и увидел в пламени колеблющуюся фигуру Марины. Лица он не мог разглядеть, но каким-то образом понял, что она плачет.

Оглянувшись, он с удивлением обнаружил, что вокруг костра стоит кольцо людей. Некоторые держали в руках длинные палки, как у него. Большинство – нет. Среди лиц он узнал отца Эндрюса и шерифа Велдона. Рядом с шерифом стоял и с восхищением смотрел на него снизу вверх мальчик-подросток с грязными нечесаными волосами и в грязной одежде.

Мальчик из предыдущего сна.

Мальчик улыбнулся ему и кивнул в знак приветствия. Гордон подошел к ним и взял шерифа и мальчика за руки. Неподалеку он увидел лицо Чара Клифтона, а рядом с ним – Элси Каванау – продавщицы из винной лавки...

Нечто огромное стало вырастать из огня... и Гордон оказался перед черной металлической топкой лесопилки. Он был один. Вокруг свистел и завывал ветер, поднимая тучи сухих листьев. Дверца топки медленно открывалась.

И оттуда высунулась голова разъяренного демона, бессвязно бормочущего что-то на дьявольском языке. Гордон резко сел в постели; крик застрял в глотке. Марина прижимала его к себе, крепко обнимая за плечи.

– Тихо, тихо, успокойся, – шептала она. – Все хорошо. Все в порядке. Это просто сон.

Он молча крепко стиснул ее руку.

– Все в порядке? – спросила она, поглаживая его по спине и приводя в порядок разметавшиеся со сна волосы.

Он утвердительно кивнул, ткнувшись лбом ей в плечо, и опять ничего не сказал.

– Может, расскажешь?

Гордон отстранился и внимательно посмотрел на нее. Лицо жены было испуганным и тревожным.

– Тебе надо уехать, – сказал он. – Уехать отсюда.

Марина молча притянула его обратно к себе.

– Ты должна уехать отсюда, – повторил он. – Как можно раньше.

– Я никуда не поеду.

– Я серьезно.

– Я тоже серьезно, – вздохнула она и слегка прикоснулась губами к щеке. – Давай лучше еще поспим, ладно? А утром поговорим.

Гордон попытался возразить, но она крепко прижала его голову к своей груди, и через несколько мгновений он уже крепко спал. Аккуратно переложив голову на подушку, Марина встала и пошла к окну, не понимая, почему вдруг на нее накатила такая волна страха и одиночества.

* * *

Нечто огромное стало вырастать из огня... и Джим оказался перед черной металлической топкой лесопилки. Он был один. Вокруг свистел и завывал ветер, поднимая тучи сухих листьев. Дверца топки медленно открывалась.

И оттуда высунулась голова разъяренного демона, бессвязно бормочущего что-то на дьявольском языке.

Джим проснулся, едва не задохнувшись, потому что спал, уткнувшись лицом в подушку и крепко вцепившись руками в ее пухлые углы. Он был весь мокрым от пота. Аннет спала, хотя и подвинулась во сне от его движений. Мелькнула мысль разбудить ее, но в следующий момент он передумал. Утром ей предстоит долгий путь, пусть лучше выспится как следует.

Весь вечер они спорили насчет ее отъезда, ни до чего не договорились, и жена наконец заявила:

– Я шагу не сделаю из этого дома, пока ты мне честно не объяснишь, с чем это связано. Тебе угрожает опасность? Только не вздумай совершать никаких героических подвигов, ясно?

– Я просто хочу, чтобы вы на несколько дней уехали из города, – терпеливо повторил Джим.

– Слушай, если в тебе осталась хоть капелька уважения ко мне, – не на шутку разозлилась

Аннет, – может, ты перестанешь вести себя со мной как с ребенком и объяснишь, в чем дело?

Это его прорвало. Он искренне извинился, а потом складно соврал о том, что они напали на след убийц, вышли на некую культовую группу, и в этот момент семья шерифа – она сама и дети – может оказаться для них весьма привлекательной целью. Аннет, кажется, проглотила эту версию, или по крайней мере осознала, что детям действительно может грозить серьезная опасность, и согласилась съездить на несколько дней к сестре.

Она взяла с него обещание, что он будет вести себя осторожно, что предоставит играть роль героя кому угодно, и на этом все успокоилось.

Джим осторожно снял прядь волос с ее лица. В затихшем темном доме он почувствовал себя странно одиноким. Чувство одиночества возникло не от тишины или темноты. Он чувствовал себя одиноким от знания.

Он закрыл глаза и попытался задремать.

* * *

На другом конце города отец Эндрюс мирно спал без сновидений.

* * *

Брат Элиас, у которого сна не было ни в одном глазу, смотрел на голую стену освещенного конференц-зала в офисе шерифа.

Часть третья

1

Гордон проснулся задолго до того, как прозвонил поставленный на четыре утра будильник. Марина спала на боку, уткнувшись лицом в подушку и сбив простыню. Он смотрел, как равномерно поднимается ее бок от дыхания. Надо сделать так, чтобы она уехала. Надо ее заставить.

Но она этого не хочет. И любое дальнейшее давление с его стороны вызовет только еще большее упорство.

Необходимо убедить ее уехать из города хотя бы на день, хотя бы в Феникс по магазинам. То, что они затеяли с братом Элиасом, шерифом и отцом Эндрюсом, слишком опасно. Есть большая вероятность того, что кто-то – или несколько человек – каким-то образом пострадают. Или погибнут.

Он постарался выкинуть из головы эту мысль. О такой возможности даже не хотелось думать. Гордон считал себя человеком, не верящим в легендарное самоотречение всякого рода пророков, но на каком-то подсознательном уровне мысли такого плана доставляли душевное беспокойство. Возможно, если не думать об этом, ничего подобного и не произойдет.

Он посмотрел на Марину. Казалось, она спит совершенно безмятежным, младенческим сном. Он осторожно прикоснулся к плечу, и она мгновенно обернулась.

– Который час?

– Извини, не хотел тебя напугать.

Протерев глаза, Марина приподнялась на локте.

– Извини за вчерашний вечер, – серьезным тоном проговорила она. – Я подумала и решила, что ты прав. Мне с ребенком тут действительно опасно оставаться.

– То есть ты согласна...

– И тебе тоже, – продолжила Марина. – Думаю, нам всем следует отсюда уехать.

Он тупо уставился на нее, застигнутый врасплох неожиданным изменением настроения жены. Он приготовился продолжать бой, чтобы заставить ее покинуть город, а оказывается, она не только хочет уехать из Рэндолла, но хочет, чтобы и он поехал с ней. Гордон не знал, как

отреагировать.

– Я хочу, чтобы мы уехали в Феникс или, может, даже во Флагстафф, пока тут все не рассосется.

– Нет, – хмуро покачал он головой. – Я этого не могу сделать. – Он произнес это с сожалением, но твердо, не оставляя возможности для дискуссий.

– Одна я никуда не поеду, – тут же поджала губы Марина.

– Я должен остаться здесь. Я должен...

– Помочь шерифу? Помочь брату Элиасу? Перестань, ты этим людям абсолютно ничего не должен. Твой долг – это я и твоя дочь. – Она положила руку на живот. – Твоя семья.

– Здесь опасно, – повторил Гордон. – Сама понимаешь. Высадишь меня у офиса шерифа, а после этого...

– Не желаю слушать твоих приказов, – сверкнула глазами Марина. – Прекрати разговаривать со мной так, словно ты мой отец!

– Послушай, – глубоко вздохнув, гнул свое Гордон. – Я забочусь исключительно о твоей безопасности. И хочу быть уверен, что с ребенком ничего не случится. Пожалуйста, обещай мне, что возьмешь машину и на весь день уедешь в Феникс.

– Без тебя я не поеду. Если ты остаешься – я тоже.

– Ну это уже просто глупости, – покачал головой Гордон.

– Возможно. Допустим, я дура. Но ты не лучше. Не понимаю, что происходит, но в последнее время ты ведешь себя как последний мужлан. – Марина сердито отбросила простыню, встала и начала натягивать джинсы. Потом надела майку и рукой пригладила волосы. Затем подошла к туалетному столику и звякнула ключами.

– Что ты хочешь сделать?

– Хочу отвезти тебя в этот несчастный офис шерифа, а потом уехать к чертовой матери.

Гордон потянулся и дотронулся кончиками пальцев до ее спины.

– Я думаю только о твоей безопасности, – повторил он. – Я волнуюсь за тебя, понимаешь?

Марина передернула плечами, глядя в стену, и не произнесла ни слова в ответ.

Он встал, оделся и, глядя ей в затылок, решил уточнить:

– Ты правда уедешь в Феникс?

Марина промолчала. Он подошел к ней и осторожно взял за плечи.

– Отвяжись, – сбросила она руку.

– Марина...

– Я делаю это только ради ребенка. Если бы не она, ты бы ни за что не заставил меня уехать одну.

– Можешь быстренько принять душ, – с облегчением произнес Гордон. – А я пока сварю кофе. Потом забросишь меня в офис, и прямиком на шоссе.

– Приму душ потом. Очень хочу, чтобы ты побыстрее отсюда выкатывался.

– Ну хорошо, – не стал спорить Гордон, – Хорошо. Сейчас сполоснусь, и поедem. – Подхватив со стула рубашку, он уже направился в душ, но обернулся и переспросил, глядя в ее застывшую спину: – Ты уезжаешь в Феникс. Договорились?

– Иди в свой чертов душ, – не оборачиваясь, откликнулась жена.

Гордон скрылся в ванной.

2

Отец Эндрюс проснулся от шипящего потрескивания телевизора. Экран был темен. Он сообразил, что перед сном забыл его выключить. Так же, как и свет в комнате. Впрочем, чувство неловкости прошло сразу же, как только он вспомнил, что им предстоит сегодня. На душе стало мрачно. Он сомневался в этом мероприятии. Нет, неправильно. В самом мероприятии он не сомневался. Он сомневался в себе.

Ему было страшно.

Именно так. Страшно. Как Джим и Гордон, он лишь в общих чертах представлял себе план брата Элиаса. Но этих общих черт вполне хватало, чтобы трястись от страха.

Он встал с кровати и выключил телевизор. Появилось сильное желание позвонить

епископу и рассказать, что они собираются делать. Еще не было четырех, епископ, скорее всего, спит, но он не сомневался, что начальству следует об этом знать.

И прекрасно понимал, что епископ не одобрит эти действия и запретит ему принимать в них участие.

Веская причина, не правда ли? Именно поэтому ему захотелось позвонить епископу. Не из уважения к мнению другого человека, не из моральных и этических соображений относительно того, что они хотят сделать, а просто от страха и желания найти легкий способ увернуться от этого. Ему захотелось снять ответственность за свои действия со своих плеч и переложить ее на кого-то другого. Свалить с больной головы на здоровую. Очень хотелось воспользоваться древним и надежным извинением: "Я не могу. Мне не позволено".

Устыдившись, отец Эндрюс даже опустил голову, хотя в данный момент его никто не мог видеть. Потом взглянул в окно... и увидел брата Элиаса, стоящего в одиночестве на лугу. Щеки его покрывала легкая щетина, грязноватая шляпа и костюм были вполне типичны для странствующих по американскому Западу священников середины девятнадцатого столетия. На краю луга стояла группа одинаково одетых мужчин, один из которых внешне до боли напоминал Джима Велдона. Мужчины смотрели на брата Элиаса. Тот поднял руки и запрокинул голову в небо. Кусты, окружающие луг, угрожающе зашевелились. Проповедник нагнулся и взял в руки вилы.

Отец Эндрюс отвел взор от окна и крепко зажмурился. Голова кружилась от силы и яркости видения. Он даже присел на кровать, ожидая, пока пройдет приступ слабости. Никогда раньше ему не приходилось переживать видение такой продолжительности и значимости. Ему как экстрасенсу еще не доводилось быть реципиентом столь ясного и однозначного послания.

Он открыл глаза, и взгляд упал на четыре экземпляра Библии, завернутые в белую бумагу, которые он обещал принести шерифу. Библии были новенькие, не использованные.

Стараясь ни о чем не думать, сосредоточившись исключительно на текущих делах, отец Эндрюс облачился в неприметную уличную одежду и положил Библии в сумку. Прежде чем выйти из дома, он встал на колени перед кроватью и, как ребенок, сложил перед собой руки на матрасе.

Отец Эндрюс молился.

3

Пит Кинг сидел перед контрольной панелью, смотрел на лампочки и ждал звонка, когда раздались громкие шаги по кафельному полу. Он вздрогнул, вскочил, увидел вошедшего шерифа и с облегчением выдохнул:

– Слава Богу, вы пришли!

Джим с удивлением уставился на обычно невозмутимое лицо молодого помощника. У Пита, помимо отчаянного выражения лица, были темные круги под глазами, и даже неизменно аккуратно уложенные волосы выглядели встрепанными, как у мальчишки с улицы.

– В чем дело? – спросил шериф. Пит покачал головой и показал на стопку исписанных листков рядом с телефоном.

– Даже не знаю, с чего начать, – признался он. – Поисковая группа, которая поехала искать мальчишек на озеро, до сих пор не вернулась. В баре "Кольт" произошла какая-то жуткая потасовка, я точно не знаю, сколько человек погибло и что именно там случилось, но все здание разрушено. Департамент общественной безопасности каждый час сообщает о страшных авариях на трассе. Восемь человек из трех различных районов звонили сообщить, что слышат у соседей жуткие вопли и стрельбу в домах...

– Ладно, Пит, мне все ясно.

– Я так не думаю. Джайсон не звонит с тех пор, как ушел из епископальной церкви. Том сказал, что Карл...

– Все ясно, – перебил его шериф. – Где проповедник?

– В конференц-зале по-прежнему.

Джим кивнул и собрался уже было туда, но остановился.

– Пит, можешь идти домой.

– А кто на дежурстве будет?

– Никого. Мы на время закроем офис.

– Тогда я остаюсь, – покачал головой помощник.

– Тебе нужно отдохнуть. Ты ужасно выглядишь. Отправляйся домой. Это приказ.

– Нет. – Пит на мгновение встретился взглядом с шерифом и отвел глаза. – Здесь кто-то должен быть. Если что-то случится? Если кому-то понадобится срочная помощь? Куда они будут звонить?

– Я позвоню Элизе и попрошу ее перевести все звонки на Департамент. Нельсону я объясню ситуацию. Думаю, днем он со своими парнями справится.

– Извините, но я так не думаю, шериф.

– Ну хорошо. В таком случае оставайся, – со вздохом согласился Джим, запустив пятерню в волосы, и двинулся дальше по коридору.

– Шериф! Джим обернулся.

– Да?

– Шериф, что происходит?

– Будь я проклят, если сам знаю.

– Мы тут с Дждасоном как-то ночью беседовали и пришли к выводу, что в городе творятся странные вещи.

– Это верно, – устало усмехнулся Джим.

– Нет, действительно очень странные. Мы вам не стали говорить, но у дома того фермера мы обнаружили странные маленькие следы ног. Да я и сам за последнее время видел много чего странного. Многие видели. Я слышал разговоры.

– Понимаю.

– А та ночь? Когда вы решили, что что-то увидели в здании? Дждасон сказал, что он тоже видел, только не стал вам говорить.

Джим сочувственно посмотрел на своего помощника. Молодому человеку пришлось чертовски много пережить за последние дни.

– Все в порядке, – успокаивающе проговорил он. – Мы уже все контролируем. Надеюсь, сегодня к концу дня мы с этим окончательно разберемся. Ты следи за телефонами. Я буду держать тебя в курсе всего происходящего.

– Шериф, если понадобится моя помощь – дайте знать. Я толком не понимаю, что вы делаете, но в любом случае охотно помогу вам.

– Не сомневаюсь. Если ты мне понадобишься, я обязательно скажу. Договорились?

– Ладно.

– Спасибо, Пит, – улыбнулся шериф. – Спасибо за все. – Помолчав, он спросил: – Ты знаешь Гордона Льюиса?

– Парень с "Пепси"?

– Да. А отца Эндрюса?

Пит кивнул:

– Да, тот самый, что сменил отца Селвэя. Если кто-нибудь из них будет меня искать – отправляй их в конференц-зал. Я буду там. И принимай все звонки.

Помощник согласно кивнул, и Джим наконец пошел дальше. За спиной зазвонил телефон, Пит снял трубку и начал с кем-то разговаривать.

Брат Элиас сидел на стуле с прямой спинкой, совершенно свежий, и смотрел не отрываясь на противоположную стену. Он не пошевелился, когда появился шериф. Джим уставился в затылок проповеднику. Технически брат Элиас все еще находился под стражей, и Джим хотел сохранить над ним определенные меры контроля. Джим признавал, что сегодня он никуда не денется, просто не очень комфортно себя чувствовал, целиком и полностью подчинившись брату Элиасу. Сделав несколько шагов по комнате, он громко покашлял, не зная, что сказать, и надеясь, что проповедник заговорит первым.

Но брат Элиас хранил молчание.

– Я достал все необходимое, – произнес Джим, стараясь, чтобы голос звучал как можно непринужденнее – с учетом всех обстоятельств. – В больнице дали кровь разных групп. Сказали, что галлон одной группы выдать не могут. У них небольшие запасы, и в случае

необходимости приходится привозить из Феникса. Впрочем, я все равно не знал, какая группа нам требуется.

– Не имеет значения, – обронил брат Элиас.

Джим выдвинул стул и уселся напротив проповедника.

– А с какого места мы начнем искать? – спросил он. – И как вообще все это начнется?

Брат Элиас слегка улыбнулся, но глаза оставались холодными. Джим вспомнил приснившийся ночью кошмар, попытался заглянуть в глаза проповеднику и понял, что боится его.

– Остальные скоро подойдут, – произнес брат Элиас. – Тогда обо всем поговорим.

Джим откинулся на спинку кресла и оглядел помещение. Хотя он и провел здесь немало времени, допрашивая подозреваемых, никогда не обращал внимания, как убого выглядят эти стены, как давно эта комната требует ремонта. Надо будет этим заняться, попробовать выбить какие-нибудь фонды если не на ремонт, то хотя бы на покраску всего офиса. Может, покрасить в более веселые тона и избавиться от этого мерзкого серо-зеленого, который округ навязал ему в свое время.

Если сегодня все пройдет успешно. Если они вернутся живыми.

– Большинство людей полагает, что у Бога есть пенис, – вдруг проговорил брат Элиас.

– Что? – Джим от неожиданности даже не воспринял фразу.

– Большинство людей полагают, что Бог создал мужчину по своему образу и подобию. У мужчины есть пенис. Следовательно, большинство людей полагают, что у Бога есть пенис.

– Должно быть, очень большой, – усмехнулся Джим. Брат Элиас не улыбнулся. Шериф смущенно закашлялся.

– Вы не думаете, что у Бога есть пенис, я вас правильно понял? Бог в отличие от человека не нуждается в особых органах, – слегка повернув голову, пояснил проповедник. – Ему не нужен пенис. Не нужен желудок, не нужна селезенка.

Джим ничего не сказал. Он просто отвернулся, решив, что этот нелепый разговор для брата Элиаса эквивалентен светской беседе. Не поддержав ее, он надеялся, что беседа на том и завершится. В дверь постучали.

– Входите! – крикнул Велдон.

В комнату вошел Гордон, бледный и немного испуганный. На нем были старые потертые джинсы и такая же старая клетчатая рубашка. Зато на плече болталась дорогая фотокамера. Кивком головы он поздоровался сначала с шерифом, потом с проповедником.

– Присаживайтесь, – пригласил Джим.

Через минуту появился отец Эндрюс. Шериф встал, приглашая того тоже присаживаться, и посмотрел на брата Элиаса.

– Итак, все в сборе.

Проповедник медленно кивнул и направил взгляд своих непроницаемых черных глаз на Гордона.

– Полагаю, вы хотите знать, почему оказались с нами.

– Да, разумеется, – признался Гордон.

– У каждого из нас своя роль, – заговорил брат Элиас, вставая. – Каждый из нас должен будет исполнить ту роль, которая ему предназначена. Он, – кивнул проповедник на шерифа, – защитник, как его прадед и прадед его прадеда ранее. Противник силен, и в нашем предприятии есть элемент физической опасности. Нам необходима защита. – Взгляд переместился на отца Эндрюса. – Он – слуга Бога, наделенный экстрасенсорными способностями. Нам потребуются его способности, чтобы общаться с противником.

– Зачем я вам понадобился? – подал голос отец Эндрюс. – Разве вы сами не можете с ним общаться?

– Я не могу, – просто ответил брат Элиас.

– Но вы тоже слуга Бога!

Брат Элиас улыбнулся, но ничего не сказал.

– Вам тоже предстоит быть защитником, – сообщил он Гордону.

– А я почему? Я даже не умею...

– Ваша жена беременна. Нечистому нужно ваше нерожденное дитя – Нам необходима

дополнительная страховка, которая обеспечивается вашим непосредственным участием.

Гордон почувствовал, что сейчас упадет в обморок. Во рту так пересохло, что он не мог шевельнуть языком. Он попытался встать, но ноги отказывались повиноваться.

Марина!

– Я должен идти, – кое-как выговорил он. – Я должен догнать ее.

– Вы не можете уйти. – Проповедник пригвоздил его ледяным взглядом к полу.

Гордон усилием воли отвел глаза и метнулся к двери.

– Я должен догнать ее!

– Если вы не пойдете с нами, противник наверняка заберет вашу нерожденную дочь.

Рука Гордона, схватившаяся за ручку двери, безвольно упала. Он обернулся.

– Нам нужна ваша сила, вашей дочери нужна ваша сила.

– Почему? – только и мог проговорить Гордон.

– Господь, – торжественно заявил брат Элиас, – всегда выбирает особых людей для исполнения его дела в творческой, интеллектуальной или духовной сферах. Бах и Бетховен, Томас Эдисон и Альберт Эйнштейн, Ганди и Мартин Лютер Кинг, многие другие... Он размещает эти особенные личности в различных частях света, в различных странах. Не все из них выживают. Сатана в своей ревности и ярости стремится завладеть этими личностями до того, как они появятся на свет, чтобы использовать их в своих злобных целях, чтобы оплевать и посмеяться над Господом нашим Богом. – Он внимательно посмотрел на Гордона. – Ваша дочь – из числа таких личностей. Вот почему противник ее преследует.

– Вы хотите сказать, – не веря своим ушам, переспросил Гордон, – что все вот это, весь такой хаос происходил, когда появлялся на свет Бах, когда появлялся на свет Томас Эдисон и все остальные?

Брат Элиас покачал головой:

– Противнику повезло, что ваш нерожденный младенец оказался сейчас в этом времени и в этом месте. Впрочем, – пожал он плечами, – возможно, он так и планировал. Не могу сказать.

– Я должен позвонить Марине и предупредить ее, – проговорил Гордон. Шериф кивнул на дверь:

– Идите звоните. Скажите Питу, что я разрешил воспользоваться телефоном.

Гордон толкнул дверь, но остановился на пороге.

– Кем станет моя дочь, когда вырастет?

Брат Элиас лишь усмехнулся. Гордон побежал по коридору.

Джим смотрел на проповедника со смешанным чувством страха и изумления.

– Это происходит впервые?

– Я этого не говорил.

– А такие... особые люди... уже рождались в Рэндолле?

– Нет, – ответил проповедник. – Мы не совпадали по времени. Мальчик никогда не рождался.

Гордон выскочил в вестибюль, схватил телефон и лихорадочно набрал домашний номер. Один гудок, другой, третий... он дождался двенадцатого гудка и положил трубку. Марина давно должна была уже вернуться. Его колотило от волнения, но он понимал, что брат Элиас не позволит ему съездить домой и проверить, где она. Может, удастся убедить остальных сделать небольшой крюк по дороге, когда они поедут... куда они поедут? Да, они собирались ехать в направлении Зубцов.

Остальная компания вышла в вестибюль.

– Нам пора, – сказал брат Элиас. – Уже поздно. Времени у нас в обрез.

Судя по тому, как Марина разозлилась на него. Гордон понял, что она испугалась. Может, она и не поверила тому, что он ей наговорил, но инстинктивно она почуяла опасность. Наверное, она уже уехала в Феникс. Возможно, она уже далеко от Рэндолла.

Да, решил Гордон, поправляя ремешок фотоаппарата и выходя вместе с остальными на улицу. Наверное, она уже уехала.

Даст Бог, так оно и есть.

Марина, принимая горячий душ, просто не услышала телефонный звонок.

4

Светло-оранжевая полоса только начала проступать сквозь бледнеющий фиолетовый занавес восточного края неба, когда два грузовика-пикапа свернули с асфальтированного шоссе на лесную дорогу. Брат Элиас в самом начале сказал, что желательно достать по пикапу на каждого и на всякий случай иметь еще несколько запасных машин. Однако шериф смог наскрести лишь три пикапа, принадлежащих округу, и один частный – Карла. Но, как оказалось, понадобилось им всего две машины. Отец Эндрюс не знал, как пользоваться ручной коробкой передач, поэтому ему пришлось поехать с Гордоном. А Джим не хотел, чтобы брат Элиас ехал один. Тем более в машине, принадлежащей округу.

За двадцать минут, которые они ехали по шоссе, проповедник не произнес ни слова. Шериф пытался разговорить его, завести своего рода дорожную беседу, но тот лишь молча смотрел в сторону на мелькающие за окном деревья, и в конце концов Джим отказался от своей идеи. Он попробовал послушать радио, но сквозь треск и шипение эфира пробивалась лишь одна станция из Сан-Франциско, транслирующая какой-то надоедливый рок, и приемник пришлось выключить.

– Рано утром натыкаешься на очень странные станции. Однако проповедник опять игнорировал, его, и дальше шериф уже не делал попыток общения.

Гордон с отцом Эндрюсом тоже ехали молча, каждый погружен в свои мысли. Перед тем, как идущая впереди машина промчалась поворот, ведущий к дому, Гордон посмотрел на священника. Тот успокаивающе улыбнулся.

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Дальше опять поехали молча.

Наконец, замигал правый поворотник машины шерифа, и пикап свернул на грунтовую дорогу. Гордон тоже притормозил. Если на шоссе уже немного посветлело от занимающейся зари, то в лесу еще стояла настоящая ночь. Высокие сосны мрачно обступали узкую дорогу, петляющую по ложбине. Даже расположенные на крыше кабины фары не могли толком рассеять глухой мрак. Слева, за деревьями, невидимый, но ощущаемый, возвышался могучий массив Моголлон.

Шериф вел машину довольно осторожно; дорога здесь узкая, не разъехаться, а повороты крутые. Потом дорога распрямилась. Красные хвостовые огни вспыхнули ярче. Шериф остановился. Гордон тоже притормозил. Джим выпрыгнул из кабины и знаками показал Гордону, чтобы тот открыл окно. Но Гордон предпочел спуститься на землю.

– В чем дело?

– Идите сюда! – Шериф стоял посреди дороги между двумя машинами. – Ничего не напоминает?

Гордон огляделся, и тут же холодные мурашки побежали по телу. Он узнал это место, узнал вплоть до очертаний конкретных деревьев, рельефа дороги. Даже ямы под ногами казались знакомыми.

– Одна часть моего сна проходила здесь.

– У меня тоже.

– Что это значит?

– Понятия не имею, – признался шериф. – Наш друг предпочитает молчать.

– Мы тратим драгоценное время, – послышался из машины голос брата Элиаса. – Надо ехать. У нас много дел. – В лесном мраке голос звучал строже, властнее, чем обычно. Оба поняли, что лучше поторапливаться.

Брат Элиас, темнокожий, как чистокровный индеец анасази, в одной набедренной повязке и с копьём в руке стоял перед ритуальным костром; его окружали молчаливые воины.

Отец Эндрюс опять зажмурился, пытаясь усилием воли отогнать непрошеное видение.

– Ладно, по машинам, – проговорил Джим. – Поехали дальше.

Шериф сел в кабину, завел двигатель и тронулся с места. За спиной урчал пикап Гордона.

Узкая грунтовая дорога теперь превратилась в прямую, как стрела, полосу, ведущую к свалке. На дорогу выскочила олениха, застыла на секунду в свете фар, и одним прыжком снова скрылась во мраке леса. Это было единственное животное, которое попало на всем пути.

Наконец в свете фар показали металлические ворота свалки. Чуть в стороне, припаркованный на обочине, стоял грузовик. Грузовик Брэда Николсона.

Гордон с колотящимся сердцем выпрыгнул из кабины. У грузовика была распахнута дверца, внутри никого не было. Брезент, закрывающий заднюю часть кузова, слегка покачивался.

– Стоять! – властно рявкнул шериф. Он уже осторожно направлялся к машине, сжимая в руке пистолет. Гордон вспомнил про ружья, уложенные в кузове пикапа. Мелькнула мысль, что неплохо было бы взять одно, но ноги словно приросли к земле. Он мог только смотреть за действиями шерифа.

Джим шел, аккуратно переставляя ноги и стараясь не шуметь, при этом постоянно оглядывался, прислушивался, в любой момент готовый защищать себя от возможного нападения. Вот он уже дошел до кабины и осторожно заглянул внутрь. Пусто. Он начал обходить грузовик спереди. С этого места ему была видна большая часть свалки. В центре расчищенной площадки была гора мусора. От нее поднимался дымок; внизу виделись красно-оранжевые языки пламени. Шериф поежился, внимательно вглядываясь перед собой. Никакого движения. Он продолжил обход грузовика. Заднее полотнище перестало качаться. Шериф вдруг сообразил, что не чувствует ни малейшего ветерка. Значит, что-то привело в движение тяжелую ткань. Еще крепче сжав пистолет, он заглянул в кузов.

Пусто.

Чуть расслабившись, он внимательнее осмотрел внутреннее пространство, после чего обернулся и с облегчением показал головой.

– Пусто!

Гордон пошел вперед. За ним вылез отец Эндрюс. К воротам свалки они подошли вместе.

– Это машина Брэда, – сказал Гордон. – Как она здесь оказалась?

– Понятия не имею, – подходя, откликнулся Джим. Из первой машины появился брат Элиас со своей неизменной черной Библией под мышкой. Проповедник вошел в открытые ворота, остановился и обернулся к своим спутникам.

– "Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную". Евангелие от Матфея...

– Глава тринадцатая, стих сороковой, – подхватил отец Эндрюс, глядя в черные глаза проповедника. Тот улыбнулся.

Шериф огляделся. Небо быстро светлело. Западный сектор еще терялся в густой синеве, но восток уже занялся оранжево-голубым, почти дневным сиянием. Высокие сосны уже не казались черными силуэтами, превратившись во вполне объемные и живые деревья.

– Возьмите из грузовика вилы, – глядя на шерифа холодными глазами, приказал брат Элиас. – Возьмите веревку.

– Как насчет винтовок? – спросил шериф.

– Они нам пока не понадобятся. Джим пошел к пикапу, и Гордон двинулся за ним следом, но брат Элиас положил ему на плечо тяжелую руку.

– Он сам справится. Вы отгоните грузовик. Нам понадобится свободное пространство.

Вернулся Джим с четырьмя вилами и бухтой веревки. Гордон, к своему удивлению, обнаружил, что в кабине грузовика Брэда остался ключ зажигания. Отгоняя машину подальше от ворот, он обратил внимание на пустую банку пепси, несколько капель из которой пролилось на виниловое сиденье, и подумал о своем боссе. Потом заглушил двигатель и выпрыгнул из машины. В это время шериф начал загонять свой пикап в ворота. Брат Элиас жестами показывал, куда ему подъехать. Джим остановился рядом с горящей кучей мусора, заглушил двигатель и вышел из машины.

Брат Элиас лично раздал каждому вилы. Гордон взвесил в руке тяжелое, смертоносное оружие. На синеватом металле длинных зубьев сверкнули блики от первых лучей восходящего солнца. Он не мог знать, что имеет в виду брат Элиас, но вполне представлял, что как оружие вилы годятся для одного – пронзять.

Эта мысль его не обрадовала.

Джим и отец Эндрюс тоже примеривались к своим вилам. – "Смотрите, братия, –

негромко проговорил брат Элиас, – чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живого". Послание к Евреям, глава третья, стих Двенадцатый. – Внимательно осмотрев каждого, проповедник взял свои вилы. – Ну что ж, вперед.

5

Приняв душ, Марина вытерлась, накинула халат и вернулась в спальню. Сев на неприбранную кровать, она принялась разглядывать себя в большое зеркало, занимавшее всю дверцу платяного шкафа. В доме было тихо. Как ей показалось, слишком тихо. Не в первый раз уже она пожалела, что дом расположен так далеко от города. На улице еще было темно. Луна давно зашла, а солнце еще и не собиралось выкатываться из-за горизонта. Лес за окном казался зловещим, пугающим.

Чушь, одернула себя Марина. Тот же самый лес, что и днем, те же самые деревья, мимо которых они столько раз ходили в светлое время суток. Просто наслушалась рассказов Гордона и пугает сама себя.

Она встала и пошла к шкафу за нижним бельем. Действительно, надо одеться и поехать в Феникс, пройтись по магазинам, провести день под ярким летним солнцем Долины, побыть в окружении стали, бетона, людей – всего того, что называется цивилизацией.

Она натянула трусики и прислушалась. Что это за скребущий звук на кухне?

Нет никакого звука, сказала она себе, но затаила дыхание и прислушалась внимательней. Есть.

В доме действительно что-то было. Что-то маленькое. Запахнув халат, она подбежала к двери спальни и захлопнула ее. Потом быстро подтащила кресло. И приложила ухо к двери.

Все было тихо.

Марина перешла к окну. Там по-прежнему было темно, видно было плохо, но ей почудилось в кустах какое-то движение. Уже всерьез испугавшись, не отрывая взгляда от окна, она на цыпочках пересекла комнату, нащупала телефон и набрала номер офиса шерифа. На пятый гудок в трубке раздался усталый мужской голос.

– Офис шерифа. Вас слушают.

– Здравствуйте, – громким шепотом заторопилась она. – Это говорит Марина Льюис. Мой муж Гордон еще у вас?

– Гордон Льюис? Нет, он куда-то уехал с шерифом. Могу принять сообщение для него.

– Мне кажется, кто-то проник к нам в дом. Я сейчас в спальне, я забаррикадировала дверь. Какой-то шум доносится из кухни.

– Сохраняйте спокойствие, мэм. Мы направим к вам кого-нибудь, как только сможем. В данный момент у нас туговато с людьми, так что, может, пройдет некоторое время. Пока мы к вам приедем. Предлагаю позвонить соседям и поискать какое-нибудь оружие...

– Мне нужна помощь!

– Я все понял, мэм, – напряженно повторил голос.

– Я беременна! – воскликнула Марина и бросила трубку, стараясь на разрыдаться. В доме по-прежнему стояла тишина. Тем не менее интуиция подсказывала, что кто-то – или что-то – затаился внутри. Подойдя к двери, она пригнулась и прижала ухо к деревянной обшивке. Никогда еще она с такой остротой не думала о ребенке, которого носила в себе, никогда еще этот зародыш не казался ей настолько живым, настолько нуждающимся в защите. Внутри вспыхнул незнакомый звериный инстинкт – инстинкт самки, готовой защищать своего детеныша несмотря ни на что.

За дверью кто-то коротко взвизгнул, и Марина вздрогнула, но в следующее мгновение из всех сил навалилась на дверь плечом, подтащив к себе поближе и кресло. С той стороны кто-то начал грызть дверь.

– Пошли вон отсюда! – завопила Марина. В коридоре послышался тоненький смех, а потом – звук убегающих босых ножек. Марина начала рыдать, не забывая придавливать плечом дверь.

Послышался звон разбитого стекла. В окно влетел камень, и Марина вскрикнула. Рванув на себя дверь спальни, она выглянула в коридор.

Никого нет.

В следующее мгновение она промчалась по коридору, влетела в ванную комнату и заперлась там. Запоры, которые поставил Гордон, были на месте. Кто-то решил с ней поиграть, подумала Марина. Если бы ее хотели убить – убили бы давно и запросто. Она села на унитаз, обхватила голову руками и уткнулась лицом в колени.

6

Четверо мужчин в предрассветных сумерках медленно шли по свалке в направлении того места, где были обнаружены тела семейства Селвэй. Брат Элиас шел впереди, Джим замыкающим. Первые лучи солнца прошили ветви деревьев, как прожектор густую решетку. Яркой вспышкой блеснуло зеркало заднего обзора на кабине большого бульдозера, застывшего на краю свалки.

Брат Элиас медленно приближался к большой горе мусора у подножия скалы. Потом остановился, наклонил голову и прислушался. Пошел дальше, еще медленнее, внимательно всматриваясь себе под ноги. Вилы он держал наготове.

Трое молча следовали за ним.

Вдруг брат Элиас резко ударил вилами в кучу мусора перед собой. Раздался пронзительный визг, и проповедник поднял вилы.

На вилах, пронзенный остриями, барахтался живой зародыш.

Гордон отвернулся, чувствуя приступ тошноты. Даже шериф поморщился. Отец Эндрюс закрыл глаза, оперевшись на вилы, воткнутые в землю. Губы шевелились в беззвучной молитве. Несмотря на то, что в глубине души все прекрасно понимали, для чего им могут понадобиться вилы, несмотря на то что все знали, что от них ждет брат Элиас, никто зрительно не представлял себе этого процесса и не предполагал, насколько отталкивающим это может оказаться.

А что, если брат Элиас ошибается, подумал Гордон. Что, если он только что насадил на вилы настоящего живого младенца? Но какой настоящий живой младенец в шесть утра будет ползать по мусорной свалке?

Проповедник обернулся.

– Вот с этим нам предстоит бороться, – сказал он и поднес вилы поближе, чтобы они могли разглядеть младенца. Существо было еще живо, все еще извивалось, при этом нельзя было сказать, что оно в состоянии агонии. Напротив, оно яростно пыталось освободиться, словно длинные стальные острия были для него не более чем безвредным привязным ремешком. Лицо было кошмарно деформировано; его исказила злобная гримаса ненависти. Неестественно короткие ручки покрывала густая шерсть. Существо устало на них и злобно плюнуло, обнажив острые зубки в глубине слишком красного рта.

– Давайте кровь, – кивнул брат Элиас Джиму. Шериф побежал к пикапу.

Отец Эндрюс осторожно прошел вперед. Ему захотелось дотронуться до этого существа.

– Что это? – спросил он. – Оно живое? Мне казалось, здесь должны находиться младенцы, умершие до рождения. Разве они не должны были сгнить? Разложиться?

– Я думал, они должны быть как призраки, – признался Гордон, – а не как настоящие дети.

– Они сохраняют телесный облик, – пояснил брат Элиас. – Но это не настоящие младенцы.

Вернулся шериф с коробкой, в которой находилось четыре бутылки с кровью емкостью в кварту каждая. Он поставил коробку перед проповедником.

Брат Элиас кивнул шерифу. Подняв вилы со все еще извивающимся младенцем, он изо всех сил всадил их концами в землю. Создание заверещало, яростно извиваясь.

– Несите камеру, – бросил брат Элиас Гордону. Гордон добежал до машины, через несколько секунд вернулся и щелкнул брата Элиаса, стоящего над пронзенным зародышем.

Проповедник взял две кварты с кровью, пробормотал краткую нечленораздельную молитву и направился к дымящейся куче мусора. Скандируя какие-то слова на гортанном чужом языке, он начал обходить кучу по кругу, разбрызгивая на землю кровь.

– Что он говорит? – спросил Джим.

– Похоже, читает какую-то часть литургии, – покачал головой отец Эндрюс, – но язык мне не знаком. Могу сказать, что не латинский. И на европейский или восточный тоже не похож. – Он вслушался, наклонив голову, и лицо его резко побледнело. – Мне кажется... это не человеческий язык.

Брат Элиас обошел гору мусора и завершил свое скандирование. Он опустился на колени и вылил остатки крови, изобразив на земле какую-то замысловатую спираль. Затем взмахнул руками. Опять произнес несколько слов на чужом языке и запрокинул голову к небу. Пальцы изобразили в воздухе крест, затем спираль и неестественно угловатую геометрическую форму.

Кровь, разлитая по кругу, моментально вспыхнула. Внутри круга почерневшие головешки занялись с новой силой, и пламя разгорелось до настоящего пожара.

Зародыш на вилах в этот момент дико заверещал, предпринимая просто отчаянные попытки высвободиться. Со всех концов свалки к костру потянулись новые маленькие тела, новые зародыши, новые младенцы... Они выползали из сырых куч мусора, из-под нагромождения металлолома... Они ползли медленно, но уверенно, как большие тупые слизняки.

– Господи, – выдохнул Гордон. – Сколько же их тут?

– Сотни, – предположил шериф, и Гордон впервые осознал масштабность акции, в которой им предстояло принять участие.

Он ощутил себя меньше, слабее, беспомощнее, чем когда-либо в жизни. Кто они такие? Случайная группка глупых жалких людишек, противостоящая злу столь мощному, столь организованному, столь всеобъемлющему, что способно оживить эти сотни тел и заставить их исполнять его волю. Нет смысла даже надеяться одолеть такую махину. Он смотрел на ползущие со всех сторон мелкие существа. Все это – часть долгосрочного плана, плана, который наконец стал воплощаться. То, что могло это осуществить, могло в течение многих лет, даже десятилетий, собирать всех этих младенцев, хранить их, припрятывая до нужного момента, одолеть невозможно. Во всяком случае, не им.

Брат Элиас взялся за рукоятку вил и деловито выдернул их из земли вместе пронзенным зародышем, после чего сунул зубья вил прямо в огонь. Младенец исчез в одной кроваво-красной вспышке.

– Теперь вы поняли, что от вас требуется, – сказал проповедник.

– У нас целый день на это уйдет, – заметил Гордон. Плотно сжатые губы брата Элиаса слегка раздвинулись в улыбке, и впервые за утро их глаза встретились. Проповедник выглядел почти счастливым.

– Они нам все не нужны, – пояснил брат Элиас. – Мы используем их в качестве приманки.

Он подошел к другому зародышу, шлепающему по грязи, насадил его на вилы и сунул в огонь. Короткий визг, кроваво-красная вспышка – и все кончилось.

– За дело, – властно приказал брат Элиас. – У нас очень мало времени.

Гордон двинулся к горе металлолома, расположенной справа. Между серебристо-серыми кусками металла он заметил нечто розовое. Прямо на него неловко ползло горбатое существо, размером меньше обычного младенца, может, чуть крупнее его кулака. Он подумал, что это, вероятно, один из тех зародышей, которые погибли в результате аборта или выкидыша на ранней стадии беременности, а не появились на свет мертворожденными. У создания были искривленные недоразвитые руки; сильно вытянутый череп покрывала густая плотная черная шерсть. Гордон поднял вилы, изготовившись к удару, но не смог этого сделать. Он не мог заставить себя пронзить это существо. Он медленно опустил вилы. Он никогда не мог убивать. Он никогда не ходил на охоту. Черт побери, ему доставляло огромные мучения избавляться даже от жуков; он предпочитал выносить их на улицу и выбрасывать в кусты, нежели убивать. Он понимал, что эти существа на самом деле как бы и не живые, но пронзить их вилами для него было равнозначно тому, чтобы заколоть живого ребенка.

Он оглянулся. Шериф, морщась, тащил к огню верещащее, извивающееся существо. Пламя костра разгорелось сильнее. Даже отец Эндрюс с безразличной миной нес в огонь дергающийся на вилах розоватый комок. Брат Элиас энергично и с воодушевлением подкалывал ползущие справа и слева создания и швырял их в огонь.

Не убий, вдруг вспомнилось Гордону.

Вдруг ногу пронзила резкая боль, и он опустил голову. Кривые ручонки зародыша когтями продрали ткань его теннисных туфель и уже впились в тело. Гордон сделал шаг назад, и создание поползло за ним. Гордон, сморщившись от отвращения, медленно подхватил розовое существо, используя вилы как лопату, отстранил от себя зубья как можно дальше и, пытаясь сохранить равновесие, понес его к костру. Однако создание успело спрыгнуть. Зародыш посмотрел на него в упор и злобно расхохотался.

Гордон тем же способом снова подхватил его с земли, но не успел сделать и пару шагов, как существо снова спрыгнуло. Только он хотел поймать его снова, как чьи-то чужие вилы вонзились в розовое тельце. Гордон обернулся и увидел рядом с собой брата Элиаса. Зародыш испустил оглушительный визг ярости и боли, несоизмеримый с размерами его тельца. Проповедник сунул его в огонь, где тот и исчез.

– Вы слишком медлительны, – заметил брат Элиас.

Гордон не обратил внимания на критику. Он все равно не мог заставить себя хладнокровно насаживать на вилы кого бы то ни было. Он поднял голову. Солнце уже взошло довольно высоко. Утреннее небо было ясным, безоблачным. Бурые скалы Зубцов приятно оттеняла яркая зелень леса. Над головой лениво кружил коршун. Гордон решил отойти подальше, споткнулся... и увидел, как из-под рваного полиэтиленового пакета, набитого мусором, торчит рука. Рука взрослого человека.

Ботинком он отшвырнул пакет, из которого вывалились гниющие остатки пищи и старые газеты, и понял, что перед ним – безжизненное тело Брэда Николсона.

Брэд.

От потрясения он даже не мог подать голос.

На шее Брэда зияла огромная дыра, в которой виделось вывороченное горло. Вся земля вокруг была густо пропитана кровью. Глаза Брэда остались широко раскрытыми, рот застыл в диком крике. Что-то было еще в его лице, какое-то иное выражение, и, хотя Гордон не смог понять, что именно, это ему очень не понравилось.

Внезапно он вспомнил сынишку Брэда – Бобби. Кому-то придется сказать ему, что его отец умер. Что его убили. Что ему вырвали глотку и через горло вытащили внутренности. Мальчик вырастет без отца. Годам к двадцати он, вероятно, даже не сможет его вспомнить. По крайней мере не очень хорошо. И Конни. Кому-то придется сообщить Конни. У них с Брэдом, может, был не самый лучший брак на свете, но все же...

Только когда к нему прибежали отец Эндрюс и шериф, Гордон понял, что орет – давно и бессвязно.

– Черт побери! – выдохнул Джим, глядя на мертвое тело. Рядом с головой Брэда свернулась спящая большая бурая крыса. Вдруг животное проснулось и посмотрело прямо в глаза Джиму. Шериф с ужасом увидел, как крыса заползла в открытый рот Брэда.

Гордон, не сдержав рвотного спазма, отвернулся. Отец Эндрюс беззвучно читал молитву.

Сзади подошел брат Элиас, посмотрел на мертвое тело, ни слова не говоря, достал из кармана зажигалку и поднес огонек к обрывкам рубашки Брэда. Пропитанная кровью ткань мгновенно вспыхнула, и воздух наполнился удушающе едкой вонью.

– Что вы делаете! – воскликнул Гордон, хватая проповедника за руку.

– Остается надеяться, что не слишком поздно, – ответил брат Элиас, отнимая руку.

Гордон смотрел на тело своего босса, своего друга, и видел, как языки пламени лижут рваные края раны на горле. Запекшаяся кровь чернела, дымилась, кожа начала лопаться и обугливаться. Язык пламени дотянулся до бороды Брэда, та вспыхнула, огонь проник в рот, стали чернеть зубы.

– Мы опоздали, – сказал брат Элиас. Гордон поднял голову и увидел, как по территории свалки к ним приближаются две большие фигуры. В одной из них он узнал Брэда. – Быстро Библии! – крикнул брат Элиас, оглядываясь в поисках мотка веревки, который он положил на землю. Шериф побежал к пикапу. Внезапно вспомнив про фотоаппарат, Гордон начал снимать приближающиеся фигуры. Оптика предоставляла возможность разглядеть их более крупным планом. Он не мог понять, откуда они взялись и почему их не заметили раньше. Фигура рядом с Брэдом была угольно-черной, ее черты – неразличимы. Брэд, похоже, прихрамывал и нес в руке... Но тело Брэда в данный момент горело перед ним на земле.

Бегом вернулся шериф с четырьмя Библиями в белой бумаге, которые достал отец Эндрюс.

– Дайте мне! – потребовал брат Элиас. Джим передал книги. – Теперь держите конец веревки. А вы, – проповедник посмотрел на Гордона и отца Эндрюса, – идите вперед, выставив перед собой вилы. Вам предстоит ими воспользоваться!

Брэд и другая фигура остановились.

– Это отец Селвэй, – тихо произнес Джим. – Второй – отец Селвэй.

Гордон тотчас же узнал в черной фигуре священника. Сгоревшее лицо растянулось в улыбке. На фоне угольно-черного лица более светлой полосой выделялись зубы. Его окатила волна холодного ужаса. Мелькнула странная мысль – интересно, о чем сейчас думает отец Эндрюс.

На самом деле отец Эндрюс старался вообще не думать. Нежелательные чувства, посторонние мысли, чужие впечатления сами теснились в его мозгу. Он с неестественной ясностью видел разворачивающуюся перед ним сцену, мозг воспринимал все детали, но она перекрещивалась с другими сценами, с другими событиями. Группа поселян лопатами бросает в костер уродливых младенцев. Обнаженные мужчины и женщины совершают ритуальную пляску перед неподвижной фигурой брата Элиаса в ином обличье. Черная фигура женщины из племени анасази стоит среди моря зародышей.

Голова священника раскалывалась от боли. Он посмотрел на Гордона, покрепче перехватил вилы и с хмурой решительностью двинулся вперед.

Брат Элиас шел рядом с отцом Эндрюсом. Три Библии он зажал под мышкой, одну выставил в левой руке перед собой. Другой рукой он сжимал веревку, второй конец которой находился у шерифа.

Джим шел на одном уровне с проповедником, не отрывая взгляда от стоящих впереди фигур. Он чувствовал себя отчаянно не готовым и очень жалел, что брат Элиас не успел сказать, что им предстоит делать. Он чувствовал себя бесконечно уязвимым, идя навстречу этим... этим существам, не имея в руках ничего, кроме веревки, и проклинал себя за то, что оставил в машине свой пистолет. Потом вспомнил про четыре мощнее винтовки, оставшиеся в багажнике машины Гордона, и пожалел, что не захватил одну из них с собой. Челюсти болели от того, что он постоянно непроизвольно стискивал зубы; мышцы ног сводило от нервного напряжения. Подойдя ближе, он уже мог отчетливо рассмотреть обе фигуры. И то, что он видел, ему очень не нравилось. Лицо Брэда Николсона выглядело нечеловечески пустым, без малейшей тени эмоций. Живыми казались только глаза. Их интенсивное свечение чем-то напоминало глаза брата Элиаса. Тело казалось плотным, реальным, хотя запах горящего тела Брэда забивал ноздри, а воздух начал наполняться дымом горелой плоти. Тело стоящей напротив фигуры чернело Одновременно с тем, которое горело, и он догадался, что к тому времени, как огонь полностью поглотит то, что лежит на земле, это станет таким же угольно черным, как фигура отца Селвэя.

Отец Селвэй стоял неподвижно. Он улыбался. Вся его осанка демонстрировала торжествующее зло. Шериф не мог смотреть в это дьявольское лицо больше пары секунд подряд.

Брат Элиас остановился. До неподвижных фигур оставалось не более десяти футов. Остальные трое тоже резко остановились. Видно было, как извивающиеся и шлепающие по земле младенцы со всей свалки собираются в группу и направляются в их сторону. Многие что-то лопотали или мяукали тоненькими голосками, изображая полное удовольствие.

Брат Элиас выложил перед собой на земле по прямой линии четыре Библии.

Фигура отца Селвэя подняла вверх черную руку.

– Неужели ты думаешь, что твои языческие ритуалы тебе помогут? – послышался скрипучий нечеловеческий голос, полный глубочайшего презрения.

Брат Элиас ничего не ответил, только простер руки над Библиями, бормоча что-то на своем странном неземном языке.

– Гордон, – продолжила фигура, – как твоя прелестная женушка? – Черная ухмылка стала шире, зловещее. – А твоя дочь? Твоя дочь хочет стать одной из нас. Она хочет продрать себе путь из тощего жалкого тела твоей жены и сбежать. Сейчас твоя жена захлебывается кровью,

потому что она раздирает ей внутренности. Кровь льется ручьем из этой жалкой дырки у нее между ног.

Гордон почувствовал, как напряглись мышцы. От ярости кровь бросилась в голову. Стиснув рукоятку вил, он уже был готов ринуться вперед и вонзить их прямо в черную голову отца Селвэя.

– Сатана – лжец и отец лжи, – отчетливо произнес брат Элиас. – Не обращайтесь внимания. Он пытается спровоцировать вас.

Тем временем отец Селвэй обернулся к шерифу.

– Ты отклонился с тропы, Джим. Ты сошел с пути праведного. Ты должен быть наказан. – Фигура повела головой по сторонам. – Этот мальчик здесь, Джим. Дон Уилсон. Его тело в огне. Он будет гореть в аду вечно.

– Заткнись, – холодно усмехнулся шериф.

– А ты, мой преемник? – обратилась фигура к отцу Эндрюсу. – Этому ли учила тебя церковь? А если епископ узнает, что ты участвуешь в этих богохульных ритуалах? – Фигура хрипло расхохоталась. – Ты жалкое подобие священника!

Отец Эндрюс отвернулся и ничего не сказал.

Фигура отца Селвэя опустила голову, и в тот же момент как по команде на безжизненном лице Брэда вспыхнуло выражение торжествующей ненависти. Откуда ни возьмись у них за спинами появились сотни новых младенцев. Они были крупнее, чем предыдущие, и гораздо организованнее. Они двигались вперед решительными колоннами.

– Он слаб, – указывая на Брэда, спокойным тоном произнес брат Элиас, обращаясь к Гордону и отцу Эндрюсу. – Как только он двинется, проткните его вилами и прижмите к земле. А мы с шерифом займемся вторым. – Подойдя ближе к Джиму, проповедник склонил голову в молитве. – Защити нас, Господи. Мы лишь хотим исполнить твою волю. Не оставь нас своей милостью во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь.

Джим бросил взгляд на скалящуюся неподвижную фигуру отца Селвэя. За его спиной ползла стая мелких созданий.

– Держите веревку крепче, сказал брат Элиас. – Нам надо связать его.

Фигура отца Селвэя издала какие-то гортанные нечленораздельные звуки, напоминающие команду. Брэд ринулся вперед. Зародыши и младенцы уже позли по свалке живой волной.

Увидев движение Брэда, Гордон выставил перед собой вилы и с размаху всадил их в приближающуюся черную плоть. Брэд испустил вопль ярости и отчаяния, но в голосе не было и намека на боль. Металлические зубья легко пронзили насквозь мягкое тело. Гордон попал в живот; вилы отца Эндрюса – чуть выше, в грудь. Оба со всей силы налегли на вилы, чтобы повалить фигуру на землю. Руки Брэда болтались в воздухе, пытаясь ухватиться за черенки вил, но это ему не удавалось. Создание оказалось надежно пришпилено к земле.

Джим и брат Элиас медленно шли вперед, крепко сжимая концы веревки. Под ногами у них копошилось множество мелких тварей, которые пытались ухватить и укусить их, но, судя по всему, без малейшего успеха. Шериф опустил голову. Под ногами просто не было видно земли. Сотни, а может, и тысячи мелких тварей ползли в несколько слоев, взмахивая ручонками, разевая бесполезные зубастые ротки. Ноги скользили, увязая в мягкой плоти, постоянно слышалось похрустывание мелких косточек.

Фигура отца Селвэя стала медленно отступать назад, улыбка исчезла. На лице появилось выражение ненависти – или страха.

– Во имя Иисуса Христа, Господа нашего и Спасителя, повелеваем тебе признать силу Слова, – нараспев заговорил брат Элиас. – Во имя Иисуса Христа, Господа нашего и Спасителя, повелеваем тебе склониться перед силой Бога.

Фигура перестала двигаться и застыла в оцепенении. Казалось, она в капкане, хотя Джим не мог понять, почему. Они еще ничего не сделали.

Неужели такова сила молитвы?

Они обошли фигуру и дважды окрутили ее веревкой, натягивая изо всех сил. Веревка глубоко ушла в черное тело – ее даже не стало видно, но тем не менее держала. Фигура при этом не издала ни единого звука, и Джим понял, что сила, которая приводила в действие эту обгоревшую форму, покинула ее, оставив одну безжизненную оболочку.

Внезапно форма вновь ожила. Костлявая черная рука ударила брата Элиаса в лицо. Проповедник упал, выпустив веревку. Из носа хлынула кровь. Черное лицо ухмыльнулось, вновь обретя выражение злобного разума.

– Держите веревку! – крикнул Джим, оборачиваясь за помощью. Но и Гордон, и священник изо всех сил сражались с вновь обретшей силу фигурой Брэда, и он понял, что, если кто-то из них бросится на помощь, того им не удержать.

Брат Элиас встал на ноги и встряхнул головой, как бы приходя в себя. В следующее мгновение он уже схватил конец веревки обеими руками и натянул изо всех сил. Из сломанного носа лилась кровь. Один глаз стал заплывать.

– Очень впечатлен силой Господа, – скрипучим голосом возвестила фигура. Черная рука взмахнула еще раз, но на этот раз брат Элиас успел увернуться.

– Тяните! – крикнул проповедник, откидываясь назад и таща на себя связанную фигуру. Джим сделал то же самое. Фигура оказалась тяжелой, гораздо более тяжелой, чем можно было предположить по ее размерам.

– Тяните! – опять крикнул проповедник. – Тяните сильнее!

Одним совместным рывком им удалось протащить фигуру над разложенными на земле Библиями. Тело ощутимо одеревенело, и Джим почувствовал, как сила покидает ее. На обгоревшем лице застыло выражение яростной агонии. Библии, лежащие на земле, почернели и вспыхнули ярким пламенем. Из тысяч маленьких глоток одновременно вырвался оглушительный вопль животной боли.

– Тащите его в огонь! – приказал брат Элиас. – Он больше не может с нами ничего сделать! И этого тоже в огонь! – крикнул он, обернувшись к Гордону.

Гордон уже сражался в одиночку с припиленным к земле телом. Вилы отца Эндрюса остались к груди фигуры, но сам священник, крепко сжимая руку, скрючился на земле от боли. Между пальцами текла кровь. Десятки мелких существ кишели вокруг, но, похоже, даже не замечали его. Они панически дергались, тычась во все стороны, словно потеряли управление. Они не знали, что делать. Некоторые даже пытались укусить отца Эндрюса, заставляя того время от времени вскрикивать, но укусы эти выглядели случайными, не опасными, совсем не такими осмысленными, как еще несколько минут назад.

– Тащите его! – крикнул шериф, задыхаясь от усилий, которые приходилось прикладывать, чтобы волоочь к огню безумно тяжелое тело отца Селвэя. – Тащите... Брэда... в костер!..

– Он ранен! – ответил Гордон.

– Ну тогда сами тащите!

– Не могу! – возразил Гордон, глядя на дико извивающееся тело, проткнутое вилами. – У меня сил не хватит!

– Надо с этим закончить, – невнятно произнес брат Элиас и сплюнул кровью. Они уже были почти у костра, который полыхал по-прежнему. Еще три сильных рывка, и брат Элиас остановился.

– Теперь его надо толкнуть, – сказал он, бросил свой конец веревки и подошел к Джиму. Взяв его руку, он поставил шерифа за спиной недвижимого тела. Сквозь интенсивный запах сгоревшей плоти явственно пробивался запах серы.

– Толкаем! – крикнул проповедник.

Тело оказалось мягким, как сырое тесто. Руки Джима глубоко ушли в черную желеобразную плоть и тут же ощутили неземной холод. Он надавил изо всех сил, но руки не чувствовали почти никакого сопротивления, просто тонули в этой фигуре, но тем не менее толчка оказалось достаточно, чтобы она качнулась и повалилась в огонь.

– Назад! – крикнул брат Элиас.

Чернота фигуры начала таять. Джим увидел, как на ее месте возникло нечто белое, блестящее и странно просвечивающее, и в следующий момент тело исчезло в одной долгой плотной вспышке красного цвета, и пламя костра стало кроваво-красным. Их окатило волной тошнотворно-дурного запаха.

Борющееся в пятнадцати футах от костра тело Брэда внезапно обмякло. Гордон какое-то время продолжал давить, но, поняв, что оно больше не оказывает сопротивления, ослабил

нажим. Тут подбежал Джим. Они вдвоем подхватили на вилы безвольное тело, донесли до костра и бросили в огонь. Снова полыхнула красная вспышка, на сей раз не столь продолжительная, и тело исчезло.

Из разбитого носа брата Элиаса все еще текла кровь, оставляя пятна на костюме. Проповедник стоял перед пламенем, раскинув руки, и опять громко произносил слова на незнакомом языке. Красные языки костра, отражаясь бликами на мокром от крови лице проповедника, придавали его чертам какое-то неземное выражение. Пламя внезапно вспыхнуло и погасло. Костер вернулся в свое прежнее тлеющее состояние; горящее кольцо разлитой крови тоже потухло. Над дремлющей горкой отходов потянулись вверх густые клубы черного дыма.

Гордон вспомнил, что на шее болтается фотокамера. Корпус оказался разбит, объектив треснул, пленка, очевидно, засветилась, и надеяться на получение фотографий было излишне.

Дым поднимался вверх, загорая лучи солнца. Казалось, он застилает все небо. Огонь практически погас, но клубы черного дыма становились все гуще. Несмотря на полное безветрие, вершина столба начала вытягиваться, приобретая форму когтистой лапы.

Брат Элиас поднял коробку с оставшимися бутылками с кровью.

– У нас еще много дел, – произнес Он. – Это еще не конец. Пошли. Нам пора ехать.

– На Молочную ферму, – сказал шериф.

– Да, на Молочную ферму, – кивнул брат Элиас. Гордон подошел к ним, поддерживая ослабевшего отца Эндрюса.

– Одно из них прыгнуло и цапнуло его в руку, – сказал он.

Брат Элиас взял кисть священника и сильно сжал. Отец Эндрюс вскрикнул, но когда проповедник отнял руку, кровотечение прекратилось.

– Вы должны быть сильным, – сказал брат Элиас. – Сейчас Бог нуждается в вас.

Все четверо пошли к машинам.

– Поедем на одном, – решил Джим. – Будет тесновато, но нельзя допустить никаких случайностей.

Джим сел за руль, остальные начали размещаться в пикапе, но брат Элиас задержался. Подняв с земли старую газету, он чиркнул зажигалкой, подождал, пока она загорелась, и бросил на землю. Пламя тут же перебежало на другую газету, с нее – на сухие ветки. И только после этого проповедник сел в машину. Джим завел двигатель.

– Хотите так оставить? – спросил Гордон.

– Когда огонь сделает свое дело, появятся лесники и потушат, – кивнул проповедник.

Огонь добрался до бессознательно скрючившегося тельца и мгновенно поглотил его.

Джим начал подавать машину задом. Под колесами хлюпали маленькие тельца, хрустели кости. Никто не обращал на это внимания. Пикап развернулся и поехал прочь от свалки.

Не успели он добраться до шоссе, как за спиной прогремел мощный взрыв. Это огонь добрался до грузовика Брэда Николсона.

7

Марина лихорадочно оглядывала ванную комнату в поисках оружия. Распахнув ящик с медикаментами, она перебирала его содержимое и выбрасывала на пол ненужные вещи. Какое-то время она подержала в руках баллончик с дезодорантом. Она видела, как в кино однажды использовали аэрозольный баллон в качестве огнемёта, держа под струей горящую зажигалку. Но ни зажигалки, ни спичек у нее с собой не было, поэтому дезодорант тоже полетел на пол. На полочке у раковины, вместе с различными косметическими баночками и старыми щипцами для волос, она заметила ножницы. Тоже не годится. Слишком маленькие.

Воспользоваться нечем.

Она опять села на унитаз. Сначала она ударилась в панику. Она плакала и кричала, не выбирая слов, адресуя свои бессмысленные вопли тому, что могло находиться за дверью. Потом все-таки заставила себя трезвее оценить ситуацию, успокоиться и постараться подумать логически. Те, что за дверью, над ней явно издеваются. Что-то большое швырнули в дверь. С улицы влетело несколько камней, которые разбили стекла.

Марина посмотрела на себя в зеркало. Волосы взлохмачены. Потёки туши оставили на

щеках две черные полосы. Пересохшие губы потрескались. Она закрыла лицо руками.

За дверью кто-то тихонько злорадно хихикал. Потом слышались другие голоса.

– Убирайтесь к черту! – завопила Марина.

Ручка двери ванной задержалась, словно кто-то пытался открыть ее снаружи. Марина, обостренно осознавая незащищенность своего младенца, закрыла живот руками. Она понимала, что те, кто за дверью, просто играют с ней, но скоро им это наверняка надоест, и вот тут-то она узнает, почем фунт лиха.

Тоненькие лопочущие голоса, которые она слышала отовсюду – из-за двери, с улицы, с крыши – вдруг смолкли. Наступила полная тишина. Она затаила дыхание.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать.

Марина встала и прижалась ухом к двери.

Тишина.

Она подошла к разбитому окну.

Тишина.

Медленно, осторожно, она открыла деревянную ставню. В ванну упало несколько осколков стекла. Она высунулась наружу. Никого. Никаких признаков жизни. Она подошла к двери и так же осторожно приоткрыла ее. Коридор был усыпан осколками разбитого стекла и фарфора. Рядом с дверью в спальню – два перевернутых стула из кухни. Антикварная фарфоровая настольная лампа, подарок бабушки, разбита о стену.

Но никаких признаков жизни.

Марина приоткрыла дверь пошире. Ничего не увидев, она вышла в коридор. Фарфор хрустел под ногами. Она миновала перевернутые стулья. Подошла к кухне. Переступила порог.

Нечто розовое с молниеносной быстротой метнулось из-под стола, ударилось в нее и повалило навзничь. Голова ударилась о разбитую тарелку. Маленькие пальцы схватили ее за руки и за ноги и потянули в разные стороны.

Нож для колки льда вонзился Марине в правую руку, она вскрикнула, дернула головой и увидела, как два уродливых младенца держат нож, прижимая ей руку к полу. Еще несколько ножей вонзились в руки и ноги, Марина только успевала вскрикивать, голова кружилась от боли, но сознания она не теряла.

Стая мелких младенцев, все жутко изуродованные, мельтешила на полу кухни, быстро лопоча что-то на непонятном языке.

От дикой боли и невозможности осознать происходящее она зажмурилась. А когда открыла глаза, увидела перед собой большого злобного ребенка, сжимающего в руках ее лучший нож для разделки мяса. Создание улыбалось. Лучи раннего солнца блеснули на полированном металле ножа, и Марина поняла, что нож будет использован для того, чтобы взрезать ее и убить ее нерожденную дочь.

Она вскрикнула и потеряла сознание.

8

Грузовик медленно поднимался вверх по извилистому шоссе, идущему вдоль склонов Зубцов. Отсюда открывался хороший вид на лес внизу. Джим смотрел, как клубы черного дыма, все еще поднимающегося со свалки, постепенно смешиваются с более естественным синеватым дымом лесного пожара. Далеко на юге поблескивали под утренним солнцем здания Рэндолла – небольшой белеющий фрагмент среди лесного зеленого моря.

Джим думал, что сейчас делается в городе. Надо было оставить Питу более подробные инструкции. Надо было взять с собой портативный радиопередатчик, чтобы иметь возможность связываться с офисом и узнавать, что там происходит. Он покачал головой. Много чего надо было сделать.

По крайней мере Аннет с детьми в безопасности.

Он бросил быстрый взгляд на Гордона, испытывая вину перед ним. Надо было разрешить Гордону заехать проверить жену. Это заняло бы каких-нибудь десять лишних минут. На самом деле именно ей угрожает серьезная опасность. Надо было добавить брата Элиаса и разрешить Гордону заехать домой. Они совершили большую глупость, не сделав этого. А что, если с ней

что-то случится? Гордон почувствовал на себе взгляд, обернулся, и Джим от неловкости быстро отвел глаза.

– Нам нужно ехать быстрее, – проговорил брат Элиас. – Иначе мы приедем слишком поздно. Противник знает, что мы здесь. Он знает, что мы направляемся к нему, и он будет готовиться.

– Приходится ехать на пониженной передаче, – пояснил Джим. – Поднимемся до вершины, там поедем быстрее.

Брат Элиас ничего не сказал, продолжая молча смотреть в окно.

Отец Эндрюс, оказавшись зажат у двери, сидел с закрытыми глазами и либо спал, либо дремал, полностью выдохшись от пережитых событий.

Пикап наконец выбрался на вершину Зубцов, Джим перешел на третью передачу и вдавил в пол педаль газа. Машина быстро стала набирать ход. Двухполосная щебенка петляла по лесу, следуя рельефу местности, кое-где огибая особо густые островки деревьев, где-то прорезая заросли кустарника.

Джим заметил впереди небольшую коричневую табличку с надписью "Лесная служба", обозначающую поворот к Осиновому озеру, и начал притормаживать. Потом поднял до конца стекло кабины, потому что дальше уже была просто лесная грунтовка. И снова прибавил скорость. Пикап мчался по ухабам, едва не задевая бортами ветви деревьев.

Через пятнадцать минут сосны стали уступать место осинам, а в просветах между деревьев заголубела вода.

– Почти приехали, – объявил он. У озера он притормозил, выглядывая, где начинается старая дорога, ведущая к Молочной ферме.

– Вот она, – показал брат Элиас. Джим проследил за направлением руки проповедника и обнаружил, что дорога завалена горой недавно поваленных осин.

– Кажется, нас не хотят пускать сюда, – заметил Гордон.

– Пойдем пешком, – кивнул брат Элиас. Машина остановилась. Отец Эндрюс открыл глаза.

– Приехали?

– Да, – ответил Джим. Он открыл дверь и выбрался на землю, разминая затекшие мышцы. Небо над головой быстро темнело. Плотные серые дождевые облака напоздали на горную гряду с севера и смешивались с тяжелым черным дымом, поднимающимся со свалки у подножия Зубцов. Откуда-то потянуло теплым ветром. Ветер принес запах горелой плоти.

Брат Элиас вышел из кабины, поставил на землю коробку с бутылками с кровью, заглянул в кузов, достал оттуда небольшой холщовый мешок с четырьмя крестами и кинул его в коробку. Потом взял в руки винтовку и коробку с патронами.

– Все знают, как этим пользоваться? – спросил он. Гордон с отцом Эндрюсом переглянулись и оба одновременно отрицательно покачали головой.

– Вам оно не понадобится, – сообщил священнику брат Элиас. – А вам придется научиться. – С этими словами он вручил винтовку Гордону, достал из машины вторую и передал Джиму. – Покажите ему.

Шериф с Гордоном пошли вперед. Брат Элиас тяжелым немигающим взглядом уставился на священника.

– Пойдемте, – произнес он, кладя ему на плечо тяжелую руку. Они подошли к искусственному барьеру, который перегораживал дорогу в Молочной ферме. С близкого расстояния священник увидел, что деревья были не срублены. Они были перегрызены – мелкими зубками.

Его охватил озноб.

– Как тесно вы связаны с вашей церковью? – проговорил брат Элиас.

Отец Эндрюс недоуменно посмотрел на него.

– То, что я буду просить вас сделать, противоречит всему, чему вас учили ранее. Это идет вразрез с основными принципами вашей веры.

– Почему-то меня это не удивляет, – слабо улыбнулся священник.

– Вы не сможете воспринять это на сознательном уровне. То, что я буду просить вас сделать, категорически запрещается Библией. Это считается богохульством перед лицом Бога. –

Он замолчал, глядя, как дым, идущий с земли, перемешивается с низкими серыми облаками. – Добро и зло – это не абстрактные понятия, – снова заговорил проповедник. – Они существуют и существовали всегда.

– Я всегда так думал, – ответил священник.

– Они существуют вне и независимо от любых религий. Религии, все религии – не более чем грубые попытки назвать и классифицировать силы, которых они не понимают.

Отец Эндрюс посмотрел на проповедника. Он чувствовал зло, исходящее от этого места. Им были пропитаны деревья, кустарники, сама земля, на которой они стояли. Разложение сгущало окружающий воздух; от зла, воздействующего на все органы чувств, накатывала почти физическая тошнота. Он вспомнил о своей исцеленной руке и это тоже показалось ему каким-то неправильным. Не выдержав пристального взгляда брата Элиаса, он отвернулся.

– Это – точка зла, – проговорил проповедник, указывая на тропу перед ними. – Здесь всегда была точка зла. Сила, которая есть здесь, была здесь всегда и пребудет здесь вечно. – Понизив голос, словно опасаясь быть услышанным, он продолжил: – За много веков до появления человека животные приносили сюда умирать своих детенышей. Оленихи притаскивали сюда своих рожденных калеками оленят. Медведицы оставляли здесь своих малышей, которые рождались мелкими и явно не могли пережить свою первую зиму. Зло получало пищу, и его сила росла.

Отец Эндрюс побледнел. Он уже понял, к чему идет разговор.

– Первые люди тоже инстинктивно стали бросать здесь своих неудачных детенышей. Но по мере зарождения культур для продолжения этой практики требовались своего рода обоснования. Человек проявил незаурядную изобретательность. Нарождающиеся религии восприняли ритуалы жертвоприношения. Это место стало считаться местом обитания темных богов, и жертвоприношения младенцев – больных или здоровых – должны были умиловить эти божества и не дать разгореться их гневу. – Он посмотрел на священника. – Зло этого места было известно всегда.

– И что же случилось? – Отец Эндрюс облизнул вдруг пересохшие губы.

– Зло питалось телами, нейтральной невинной энергией младенцев. Но вместо того чтобы умиловить зло, эти жертвоприношения прибавляли ему силы до тех пор, пока оно не начинало распространяться и превышать свои традиционные рамки. – Он холодно улыбнулся, одними губами. – Это и есть озеро огненное.

Отец Эндрюс тупо кивнул.

– Религии по мере развития отказывались от ритуалов жертвоприношений и более не оправдывали их, но люди, живущие в этом регионе, тайно продолжали этот обряд. Сюда приносили и выбрасывали мертворожденных младенцев. Здесь оставляли на погибель больных детей. Люди забыли причины, по которым приносили сюда своих детенышей, но причины эти изначально были ни при чем. Причины – не более чем попытки логического истолкования. – Подняв глаза к небу, проповедник помолчал, а потом снова посмотрел в глаза отцу Эндрюсу. – Младенцев оставляют здесь и поныне.

– Этого не может быть! В наше время?!

– Врачи приносят сюда зародыши после аборт. Мертвых детей воруют из могил и переносят сюда. Люди зачастую не отдают себе отчет, что они делают и почему, но зло сильно, и оно требует себе пищи. По мере роста оно распространяется вширь, с увеличением его силы его влияние возрастает. – Раздалось несколько выстрелов. Это Джим с Гордоном упражнялись в стрельбе. Эхо громом прокатилось по лесу. – Мы ничего не можем сделать, чтобы остановить это. Зло существует и будет существовать всегда. Мы можем лишь держать его в определенных границах и рассеивать его, когда его сила начинает нарастать. Вот почему мы исполняем этот ритуал.

– Почему вы говорите об этом только мне? – вдруг спросил отец Эндрюс. – Почему не сказать всем?

Проповедник опять положил руку на плечо священника.

– Потому что вам нужно знать. Им – нет. Каждый из нас играет свою роль.

– И в чем именно состоит моя?

– Вы должны будете общаться с ним. Вы должны будете позволить ему говорить через вас

и слышать через вас в то время, когда я буду произносить слова ритуала.

Когда смысл сказанного братом Элиасом дошел до Эндрюса, его охватила волна ужаса. Он в панике отшатнулся от проповедника.

– Вы хотите, чтобы он завладел мной? Я должен буду добровольно отдать себя... – Он даже не смог договорить безумной фразы.

– Это не опасно, – сказал брат Элиас. – Если мы все сделаем как положено, для вас в этом не будет никакой опасности.

– Я вам не верю! – заявил отец Эндрюс, почувствовав фальшь в словах проповедника. Сердце колотилось. Яростно сверкнув глазами, он выкрикнул: – Вы лжете!

Накатила волна теплого воздуха. Брат Элиас посмотрел на священника, но промолчал. Глаза его остались непроницаемыми.

* * *

Пока брат Элиас разговаривал с отцом Эндрюсом, Джим преподавал Гордону краткий курс владения огнестрельным оружием. Показав, как снимать с предохранителя, как целиться и спускать курок, он прицелился в сосновую шишку, выстрелил, и шишка разлетелась мелкими брызгами. Потом предложил заняться тем же самым Гордону. Гордон прицелился в синюю метку, оставленную на дереве лесорубами, но пуля благополучно свистнула, даже не задев дерева.

– Ничего страшного, – подбодрил Джим. Он показал Гордону, что он делает неправильно, показал, как нужно держать винтовку и как наводить на цель, наклоняя голову, а не ствол. Сделав несколько выстрелов, Гордон наконец сумел попасть в относительно толстое дерево. Потом выстрелил еще три раза, уже без помощи Джима, и все три раза попал.

– Вполне достаточно, – заметил подошедший брат Элиас. – Большой меткости не потребуется. У вас будет крупная цель.

– Насколько крупная? – спросил Гордон.

Брат Элиас не ответил.

За проповедником медленно шаркал одеревеневшими ногами отец Эндрюс. Лицо его было пепельно-серым, взгляд – пустым. Пальцы рук он сжал в кулаки, но они все равно заметно подрагивали.

– Нам пора идти, – сказал брат Элиас, подходя к заднему борту пикапа. На этот раз он вынул из кузова какой-то предмет, завернутый в грязную тряпку, и положил его в ту же коробку. – Надеюсь, что мы еще не совсем опоздали.

Все кое-как перебрались через наспех сделанный барьер из поваленных осин. У Джима и Гордона на плече висели винтовки, брат Элиас нес коробку, отец Эндрюс шел вслед за проповедником налегке, погруженный в глубокое молчание.

По мере того как они продвигались вперед, теплый ветер становился все сильнее. Он завывал вокруг странные вихри, взметал сухую листву и бросал ее им в лицо с разных сторон. Облака и дым постепенно заслоняли солнце. Дорога впереди потемнела.

Брат Элиас шел быстро. Судя по тому, с какой уверенностью он, в деловом костюме и городских туфлях, прокладывал себе путь по камням и корням между зарослей манзаниты и мимозы, проповедник был очень хорошим и опытным ходоком. В его широком шаге, в резкости движений просматривалась торопливая нервозность. Дорога, по которой они шли, постепенно забирала все выше, но брат Элиас, похоже, просто не замечал этого. Скорость и размашистость шага оставались неизменными.

Впереди показался просторный полукруг. Именно здесь останавливались автомобили, способные совершить непростой подъем в гору. Дальше вела только узкая пешеходная тропа. Брат Элиас и здесь не замедлил шага; перешагнув через невысокую гряду кем-то выложенных булыжников, он двинулся дальше.

Подъем стал гораздо круче. Они теперь шли практически прямо в гору. Гордон и отец Эндрюс скоро начали задыхаться. Даже Джиму приходилось непросто. В дополнение к суровости подъема, сама высота, на которую они забрались, уже давала о себе знать заметной нехваткой кислорода.

Но брат Элиас, похоже, ничего этого не замечал. Напротив, шаг его стал быстрее, уверенней. Он продолжал скоростной подъем, не обращая внимания на крутизну и разреженный воздух. Он даже не оглядывался, чтобы проверить, все ли его спутники успевают за ним.

Наконец все четверо достигли вершины холма. Здесь тропа кончалась. Вокруг было голое ровное место; деревья расступились далеко в стороны. Слева внизу, между осинником, виднелась озерная гладь.

Брат Элиас шел по вершине холма, не глядя по сторонам, не оборачиваясь, уверенный в своей цели. Все остальные старались только не отставать. Ветер усилился. Резкие порывы мешали идти, хотя редкие деревья и кустарники почему-то оставались практически неподвижными. Казалось, что ветер – живое, разумное существо, стремящееся измотать и запугать их. Гордон посмотрел вверх. Небо над головой уже было полностью затянуто тучами. Солнце скрылось.

Внезапно брат Элиас остановился и указал вперед. В густой высокой траве виднелось множество маленьких белых крестов. Гордон поежился, чувствуя слабость в коленках.

Брат Элиас поставил на землю коробку и обернулся. Лицо его выражало суровую решимость. – Мы на месте, – произнес он.

9

Марина медленно приходила в себя. Первое, что она почувствовала, прежде чем открыть глаза, – резкую, пронзительную боль в ладонях и ступнях ног.

– Марина, – негромко позвал ее голос доктора Уотерстона. – Марина!

Она попробовала двинуться, но не смогла, только острая боль, как бритвой, полоснула в различных местах тела. Вскрикнув от боли и бессилия, она открыла глаза.

Посередине кухни стояла и смотрела на нее черная и обуглившаяся фигура доктора Уотерстона. Доктор был страшно обгоревшим, но при этом улыбался, показывая неестественно белые зубы.

– Мы ждали, когда ты проснешься.

Марина заметила, что ее халат широко распахнут, и поняла, что лежит без трусов.

– Мы хотели удостовериться, что ты сможешь увидеть и порадоваться тому, что мы собираемся делать, – проговорил доктор Уотерстон.

Злобного вида младенец с большим ножом для разделки мяса встал между раздвинутых ног Марины.

– Не-е-е-т! – заорала она.

10

Брат Элиас жестом показал, что им нужно подойти к нему и встать на этом дьявольском кладбище. Ветер гудел; небо почернело. Проповедник положил руку на плечо проходящего шерифа.

– Вы – хороший человек, – произнес он. – Я знаю, вы будете хорошо защищать нас, как всегда поступали ваши предки.

В голосе скользнула нотка сожаления, оттенок извинения. Потом рука легла на плечо подошедшего Гордона.

– Вы тоже будете сильным. Ради нас, ради вашей жены и дочери.

Черные глаза встретились с глазами идущего последним отца Эндрюса.

– Вы готовы, святой отец?

Эндрюс молча кивнул.

Он боится, подумал Гордон.

Брат Элиас извлек из стоящей перед ним коробки два флакона с кровью. Он откупорил их и начал водить руками над горлышками, негромко произнося что-то нараспев. Потом сделал по маленькому глотку из каждого. Выпрямился во весь рост. Коротко стриженные волосы вставали дыбом от диких порывов ветра. Он медленно двинулся по воображаемому периметру

этого импровизированного кладбища, обрызгивая кровью землю. Ветер был сильным, но недостаточно сильным для того, чтобы помешать тяжелым красным каплям падать вертикально.

Гордону показалось, что запасов крови не хватит, но брат Элиас завершил круг и присоединился к ним. Теперь он достал из коробки нечто, завернутое в грязную тряпку.

В тряпке оказалось высохшее тельце давно умершего зародыша.

Гордон поймал озадаченный взгляд шерифа. Оба внимательно стали следить за тем, как брат Элиас извлекает из холщовой сумки четыре креста. Три из них он воткнул в землю перед собой, и ветер мгновенно усилился вдвое, Хрустнула и упала большая ветка. Из-под земли послышался низкий грозный рокот.

– Встаньте ближе! – перекрикивая ветер, приказал брат Элиас.

– Время пришло! – возвестил он. – Мы должны съесть тело, мы должны выпить кровь силы! Дайте вашу руку, – приказал он Гордону.

Нерешительно, не понимая, чего от него хотят, Гордон выполнил приказание. Брат Элиас быстро задрал рукав рубашки и острым краем оставшегося креста сделал на руке три продольных разреза.

Из ран выступила кровь, но Гордон ничего не почувствовал. Мозг словно оцепенел от шока. Он тупо смотрел, как по руке уже текут кровавые ручейки.

Брат Элиас поднес к губам высохшее тельце. Он откусил маленькую головку, прожевал ее и проглотил. Потом наклонился к руке Гордона и быстро провел языком по верхнему надрезу. Гордон даже не поморщился. Он молча смотрел на происходящее, словно все это происходило с кем-то другим. Когда брат Элиас поднял голову, Гордон увидел, что верхний разрез полностью исчез.

– Теперь вы! – крикнул проповедник шерифу, протягивая ему оставшееся тельце.

У шерифа от страха и отвращения тряслись руки, однако какая-то сила толкнула его вперед, он наклонился над маленьким иссохшим телом. Зубы сомкнулись над верхней частью торса. Плоть легко разделилась. Он ощутил во рту вкус пыли, земли и праха и сообразил, что жует.

– Пейте! – приказал брат Элиас, направляя голову шерифа к истекающей кровью руке Гордона.

Джим открыл рот и начал лизать кровь. Он приготовился к худшему, но с удивлением обнаружил, что у крови вообще нет никакого вкуса. Лишь с каждым мгновением шериф чувствовал, что наполняется изнутри теплой силой. Рана Гордона быстро затягивалась под языком.

Он выпрямился, посмотрел на бледного Гордона, затем увидел одобрительное выражение лица проповедника и перевел взгляд на отца Эндрюса. И тут его сердце запнулось. Рядом со священником, колеблющаяся, неясная, но с каждым мгновением становящаяся более отчетливой, возникла знакомая белая человеческая фигура. Пока он всматривался, фигура обрела вполне конкретные очертания.

Дон Уилсон.

Он уставился на мальчика, пытаясь встретиться с ним взглядом, но тот, судя по всему, не замечал его. Шериф быстро оглянулся на брата Элиаса, однако проповедник только молча покивал.

Гордон, в свою очередь, откусил среднюю часть тельца зародыша, прожевал, проглотил... И тут же в глазах его появилось живое свечение, а лицо обрело нормальное выражение.

Он проследил за взглядом шерифа и увидел возникающий образ мальчика. Мальчика из его снов, в той же одежде. Гордон перевел взгляд на брата Элиаса, но тот уже занимался отцом Эндрюсом.

– Ваша очередь! – крикнул проповедник, перекрывая во и ветра. – Быстрее! Времени почти нет!

Священник поднял голову. Нет, он на это не способен. Он видел, как брат Элиас и шериф приняли участие в этом кощунственном извращении причастия, он видел, как они исполнили этот дьявольский ритуал и, хотя интуитивно понимал, что брат Элиас знает, что делает, не мог заставить себя совершить нечто подобное. Для него это было неправильно.

Для него это было зло.

Маленькая рука мягко обхватила его кисть, тоненькие пальцы сплелись с его пальцами. Он опустил голову и увидел мальчика лет одиннадцати-двенадцати, смотрящего на него снизу вверх. Детское лицо светилось невинностью, и отец Эндрюс почувствовал, как отрицательный настрой стал таять. Оглянувшись, он с изумлением заметил, что и шериф, и Гордон тоже смотрят на мальчика. Они его тоже видели!

Но это невозможно. Даже при том, что рука его чувствовала крепкое сжатие детской ладони, он отдавал себе отчет, что эта фигура – нереальна.

– Ваша очередь, – повторил брат Элиас. Двигаясь как сквозь воду, едва соображая, что делает, позволяя маленькой руке вести себя вперед, отец Эндрюс наклонился, чтобы взять последнюю часть тела зародыша. Он открыл рот и принял в себя маленькие иссохшие ножки.

После этого лизнул последнюю рану на руке Гордона. Фигура мальчика стала медленно растворяться. Брат Элиас воткнул в землю рядом с остальными последний из четырех крестов – тот, которым он сделал надрезы на руке Гордона. Земля под ногами покачнулась.

– Теперь я должен сразиться с противником! – возвестил он. И, показав на кольцо крови, окружающее поле крестов, добавил, обращаясь к Джиму и Гордону: – Пока мы остаемся в этом кругу, мы защищены от любых нефизических проявлений. Но мы не защищены от любых физических явлений. Противник знает об этом. Поэтому все, что будет нападать на нас, будет реальным. – Он повел рукой в направлении белых крестов. – Стреляйте во все, что там появится. Стреляйте не раздумывая. Вы должны защищать нас пока не завершится ритуал, или мы пропали. Помолимся.

Брат Элиас склонил голову.

Послышался пронзительный визг, но никто не обратил на это внимания, погрузившись в молитву. Проповедник читал "Отче наш", все повторяли за ним. Как только молитва закончилась, брат Элиас, не поднимая головы, начал произносить другие слова – резкие, гортанные, не похожие на человеческие. Потом поднял голову, воздел перед собой крест и начертал в воздухе три фигуры – крест, спираль и геометрический образ.

Гордон внимательно смотрел на проповедника. Ему показалось, что на лице этого человека мелькнуло какое-то непривычное выражение, напоминающее страх.

– Вы стойте здесь, – быстро и деловито произнес брат Элиас, показывая Гордону налево. – А вы – здесь, – указал он Джиму противоположное направление.

Мужчины заняли свои позиции.

И земля раскололась, и белые кресты повалились.

– О Господи! – выдохнул Гордон.

Из-под земли, помогая себе когтистыми лапами, выбирался гигантский младенец – размером с корову. Гнилая кожа отвратительного синевато-серого цвета висела клочьями. Гордон видел, как на висках у него пульсируют огромные вены. Часть лица сгнила напрочь, обнажив кости черепа. Это было не просто одно из сверхъестественных существ, с которыми они столкнулись на свалке. Это был явно оживший труп, мертвый ребенок, который благодаря неведомым силам в течение десятилетий сохранялся и рос под землей в районе Молочной фермы. Гигантские пальцы цеплялись за комья земли, оставляя на них пятна слизи и отваливающейся кожи.

Джим вскинул винтовку и выстрелил, метя в голову чудовища. Пуля прошила безобразную голову; брызнули куски костей и плоти. Из раны хлынула черная кровь.

Джим выпустил вдогонку еще несколько пуль.

Гигантское существо упало. Голова его уже представляла сплошное кровавое месиво. Вся земля вокруг была залита черной кровью.

Еще один гигантских размеров младенец стал выкарабкиваться из земли в дальнем конце кладбища, а другой прокладывал себе путь прямо по окровавленному телу первого.

Здесь ли хоронили этих младенцев? – подумал Джим. Он вспомнил своего прадеда Эзру Велдона, которого никогда не видел. Происходило ли при нем то же самое?

Он перезарядил винтовку и начал стрелять снова.

К этому времени Гордон справился со своими чувствами и тоже открыл огонь по чудовищным созданиям. Их можно убить, повторял он про себя. Они – реальные. Они –

физические существа. Первым выстрелом он промазал, но остальные пули попали в цель. Цель была слишком крупной, чтобы промахнуться.

Брат Элиас и отец Эндрюс стояли, глядя друг на друга. Вокруг них разверзлась земля, на поверхность выкарабкивались живые трупы гигантских младенцев. Горячий ветер бил им в лицо, неся с собой гнилостный запах разложения. Священник прикрыл глаза, почувствовав на себе давление неприятной и незнакомой силы, пытающейся пробиться сквозь его замкнутые чувства, пытающейся найти трещину в психической блокаде, которую он создал в своем мозгу.

– Откройтесь! – потребовал брат Элиас. Священник замкнулся, защищая себя. Окружающий его воздух сгустился и потяжелел от давящей силы. Он чувствовал, как его обволакивает зло, и чудовищность этого чувства не шла ни в какое сравнение с тем, что он когда либо переживал ранее. Он задрожал, ощущая нарастающее давление извне.

– Откройтесь! – орал брат Элиас.

Мое время близко, подумал отец Эндрюс, вспомнив строку из Библии. Я готов принести себя в жертву. И в этот миг... в этот миг ощутил силу! Его слабая и шаткая воля укрепилась пришедшей извне железной решимостью; его оцепеневший и усталый мозг мгновенно распростерся, охватывая знание обширное и безграничное, при этом совершенное и организованное.

И затем он начал тонуть, таять, рушиться, подавленный властью этой новой силы, которая иссушала все его существо, всасывала его в себя и тем становилась еще сильнее. Он слышал свой собственный голос среди этой пучины, но и голос, и мысли съеживались, исчезали, исчезли.

Сила отныне перестала быть бестелесной; рассеянной воле больше не было нужды действовать через несовершенные и случайные сосуды. Горячая и жгучая, укрепившаяся брошенными жизнями столь многих существ, сила отныне стала свободной, обрела форму, которой могла воспользоваться, форму, которую могла контролировать полностью и в совершенстве. Сила смотрела зрячими глазами на окружающий мир и воспринимала его живыми чувствами.

И создания, противостоящие этой силе, внезапно оказались такими слабыми, такими незначительными.

– СКЛОНИСЬ ПЕРЕД СВОИМ НОВЫМ БОГОМ! Голос прозвучал столь мощно, столь внушительно, что шериф с Гордоном обернулись. Даже чудовищные младенцы, карабкающиеся из земных расщелин, приостановили на секунду свое движение.

– ПОВЕЛЕВАЮ ТЕБЕ СКЛОНИТЬСЯ ПРЕДО МНОЙ.

Голос был очень похож на голос отца Эндрюса, и явно исходил из его приоткрытого рта, но мощностъ его была неправдоподобной.

Брат Элиас ринулся вперед, крепко схватил священника за плечи и прямо в лицо, что было сил начал выкрикивать чужие слова Ритуала Изгнания, но даже его зычный голос казался жалким и беспомощным по сравнению с голосом отца Эндрюса.

Жуткий смех священника просто подавил его. Оглушительный звук, от которого, казалось, содрогнулись чернеющие небеса, эхом прокатился по горам.

– У ТЕБЯ НЕТ НАДО МНОЙ ВЛАСТИ!

Брат Элиас заговорил еще быстрее; странные слова вылетали изо рта, словно ему надо было успеть высказать все в кратчайший промежуток времени, который уже заканчивался.

– ...господь наш Бог, – выкрикнул он по-английски, и в следующий миг отлетел от священника, перевернулся через голову и упал плашмя на большой серый камень в добрых двадцати футах. Но быстро встал, встряхнул головой, приходя в себя, и продолжил скандирование на чужом языке со скоростью записного аукциониста. Одновременно он приближался к священнику, раскинув руки и пальцами выписывая в воздухе какие-то символические знаки. И тут отец Эндрюс начал меняться.

Тело его начало расширяться, пухнуть, на руках и на лице кожа начала лопаться, а затем стала рваться одежда.

– Нет! – панически вскрикнул брат Элиас.

У отца Эндрюса начали стремительно расти волосы – со скоростью нескольких футов в секунду – и быстро достигли земли. Изначально пепельно-русые, они на глазах превращались в

угольно-черные. Кривая кость вылезла из живота священника. Новые огромные черные глаза вытолкнули настоящие, и те повисли на тонких ниточках на опухших щеках. Руки священника выбросило из плечевых суставов, как взрывом, и вслед за фонтанами крови из образовавшихся отверстий вылезли две толстые жилистые артерии. Стали появляться и множиться новые ноги.

Брат Элиас, не прекращая безумного скандирования, метнулся к крестам, которые воткнул в землю перед началом метаморфоз с телом отца Эндрюса.

Тело священника стало делиться надвое. Из появившейся расщелины хлынула чернильно-черная жидкость.

– Я ТВОЙ БОГ, – успел произнести рот отца Эндрюса, и голова тоже начала раскалываться надвое.

Брат Элиас метнул крест в то, что еще оставалось от фигуры священника.

Боль и внезапная потеря жизненной энергии. Ощущение силы равной или превышающей его собственную.

Понимание.

Страх.

Ударил сильный порыв ветра – и крест начал съеживаться и чернеть. Из отца Эндрюса раздался вопль боли и агонии такой силы, что Гордон с Джимом зажали уши ладонями, боясь оглохнуть.

Проповедник швырнул второй крест в деформированное тело отца Эндрюса, на этот раз – в голову. Тело повалилось наземь. Вновь и вновь повторяя последние слова ритуального заклинания, брат Элиас метнул два оставшихся креста в живот священника.

Сила отступила туда, откуда возникла, ее знание внезапно исчезло, ее притязания пропали, ее казавшаяся безграничной власть быстро истощалась. Она вернулась в себя. Теперь она стремилась лишь выжить.

Молнии черной энергии рвались с крестов, лишая цвета окружающую действительность. Кресты таяли на глазах, превращаясь в изогнутые спирали. Энергетические молнии, с каждым разом становясь все слабее, растворились в нависших черных облаках.

Двое гигантских младенцев все еще ползли, и Джим по нескольку раз выстрелил в каждого, прежде чем они застыли и непонятным образом растворились в земле, оставив после себя лишь комки сероватой слизи.

Горячий ветер внезапно сник. Гордон с шерифом, тяжело дыша, переглянулись. С безумно колотящимися сердцами они молча двинулись по рассроченной земле туда, где недвижно лежал брат Элиас.

11

Испустив безумный вопль, черная фигура доктора Уотерстона исчезла в языках пламени. Обугленная кожа превратилась в хлопья, но прежде, чем фигура полностью исчезла, Марина успела заметить нечто блестящее, белое, похожее на червяка.

Пламя исчезло так же мгновенно, как и возникло. Младенец, стоявший у нее между ног, внезапно выронил нож и упал на колени, словно вдруг утратил координацию движений.

Все остальные создания, заполнившие кухню, одновременно превратились в бессмысленно тыкающихся во все стороны слизняков. Марина, будучи еще не в силах пошевелиться, поняла, что спасена.

Из глаз потекли слезы.

12

Когда подошли Джим с Гордоном, брат Элиас уже сидел, покачиваясь, словно в состоянии грогги. Поддерживая за руки, они помогли ему встать. На лице проповедника появилась улыбка – настоящая, открытая улыбка.

– Вы хорошо сработали, – сказал он. – Оба. Потом его взгляд упал на то, что осталось от тела отца Эндрюса, и улыбка погасла. Следы безумных мутаций, которые перед концом претерпело тело священника, исчезли, и окровавленные останки выглядели несомненно

человеческими. Кресты пропали бесследно.

– Если бы мы оказались здесь раньше, он бы не погиб, – произнес проповедник. – Надо отнести тело в машину и завернуть в брезент. Похороним по христианскому обряду.

– Это все? – спросил Гордон. – Все кончено?

– Все кончено, – кивнул брат Элиас. – На этот раз – да. Гордон огляделся по сторонам. Кругом лежали вывороченные с корнем деревья, перевернутые булыжники, трава и кусты были смяты, словно по ним прошло стадо слонов. Зияли гигантские ямы. Лишь кое-где виднелись уцелевшие белые кресты. Земля приобрела нездорово-бледный оттенок. Гордон посмотрел на свою руку. Следы от порезов исчезли. Однако в пересохшем рту еще оставался привкус затхлости. Он сплюнул, поймал на себе взгляд шерифа, и они улыбнулись друг другу.

Небо над головой быстро прояснялось.

Брат Элиас нагнулся и взялся за руки отца Эндрюса. Оба, не говоря ни слова, подошли и подхватили его ноги.

Процессия двинулась вниз по склону, к машине.

13

Гордон с братом Элиасом стояли на запруженном людьми дворе лесопилки и наблюдали за тем, как группа мужчин деловито зашвыривает лопатами в гудящую топку котельной мертвые тела маленьких зародышей. День клонился к вечеру, но солнце еще стояло высоко. Подъезжали новые грузовики, люди забирались в кузов и широкими лопатами для опилок сваливали на землю новые тушки. Шериф, стоя на высоком бревне, координировал действия, направо-налево раздавая указания. В работе принимали участие пожарные, работники лесопилки, несколько членов из команды добровольных помощников шерифа. Поблизости вертелся Кейт Бек, щелкая фотоаппаратом и записывая в блокнотик интервью с окружающими.

Интересно, что он сочинит, подумал Гордон.

Еще несколько десятков человек наблюдали за происходящим из-за ограды. Детей практически не было, видимо, родители, не желая, чтобы они стали свидетелями этой кошмарной сцены, разогнали их по домам. Гордон увидел знакомые лица. К изгороди прижался Чар Клифтон, рядом с ним – Элзи Каванау из винной лавки. Точно так, как он видел во сне.

Он оглянулся на брата Элиаса. Несмотря на забинтованное лицо, тот не выглядел ни усталым, ни изможденным. В черных глазах появился странный блеск.

– "Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную". Евангелие от Матфея, глава тринадцатая, стих сороковой.

Гордон поежился и перевел взгляд на котельную. Из трубы валили черные клубы дыма. Многие рабочие натянули на лица медицинские маски, опасаясь вредных последствий. Гордон поднял глаза к небу, боясь увидеть, что дым может приобрести весьма характерные очертания, но черное облако оставалось бесформенным.

Он посмотрел на грузовики, кузова которых еще были битком завалены мертвыми тушками. Наверное, их несколько тысяч. Он поймал себя на мысли о том, сколько должно пройти времени, чтобы все это повторилось вновь, и сможет ли кто-нибудь тогда вспомнить этот конкретный день. Рабочие продолжали швырять тела в топку, шериф выкрикивал команды.

К вечеру дым стал таким плотным, что уже всем рабочим пришлось натянуть маски. Тем, у кого их не было, и окружающим зрителям пришлось разойтись по домам. За дымом никто не увидел, как зашло солнце.

* * *

Черный дым, подобно смогу, трое суток висел над Рэндоллом, пока наконец долгожданный ливень не унес его прочь.

* * *

Еще три дня потребовалось на то, чтобы очистить улицы от гари и копоти.

Эпилог

1

Близились осень. Холодало, листва на деревьях уже начала менять цвет. Из окна своего кабинета Джим видел оранжевые и желтые пятна на деревьях вдоль Главной улицы. Дальше к северу, в районе лесопилки, уже кое-где торчали и голые ветки. Шериф смотрел на город и размышлял. Город выглядел абсолютно нормальным, удивительно нетронутым. Ни разрушенных зданий, ни разоренных жилых домов. Только у подножия Зубцов, где была старая свалка, выгорел довольно большой участок леса, но в целом ущерб оказался гораздо менее значительным, чем можно было бы ожидать. Рэндолл в основном был приведен в порядок за считанные дни.

Конечно, никто не может предвидеть отдаленных последствий.

Джим вернулся к столу и тяжело сел в кресло. Взяв газету, он швырнул ее в металлическую корзину для бумаг. Восемьдесят пять. Восемьдесят пять погибших – таков окончательный итог с учетом семейства Селвэй и первых двух фермеров. Многие скончались от сердечных приступов в результате паники, но весьма значительная часть смертей не могла быть отнесена на счет сколько-нибудь реалистических причин. Дик Чандлер был разорван на части, его тело вывернуто наизнанку. Трое фермеров утонули в крови собственных животных. Коронер установил, что их легкие были полны крови. Джеф Тилтон и пожилая леди Пельцер были зарезаны. Джефу просто до неузнаваемости исполосовали лицо.

Они с коронером решили отнести эти смерти в разряд несчастных случаев.

Удивительно, но телестанции Феникса и Флагстаффа лишь бегло затронули происшествие. Более развернутая статья появилась в газете "Аризона репаблик", но и в ней вместо изложения реальных фактов дали совершенно дикую версию одного из полицейских чинов штата, который вообще не принимал в этом никакого участия. Только газета Рэндолла целиком и полностью описала то, что происходило на самом деле, и даже поместила на первой полосе фотографии сожжения.

Ходили слухи, что Бек пытается продать материал в "Нэйшнл инкуайер".

Джим усмехнулся. Возможно, ему и удастся. Эта публика готова сожрать любое дерьмо.

Из открытого окна послышался перезвон церковных колоколов, созывающих прихожан на дневную воскресную службу. Звуки плавно плыли в тихом свежем воздухе, отзываясь сладкой музыкой в ушах шерифа. Он прислушался, но колокола епископальной церкви не услышал.

Видимо, епископ еще не нашел подходящей замены.

Зазвонил телефон. Джим снял трубку, нажав загоревшуюся кнопку первой линии.

– Алло, шериф Велдон слушает.

– Джим, – узнал он голос жены.

– Привет, дорогая, – сменил тон шериф. – Как дела?

– Просто решила узнать, ждешь ли тебя к ленчу. Дети у Тимми Уортон, так что мы могли бы миленько провести вдвоем время, так сказать, тет-а-тет.

– Звучит соблазнительно, – улыбнулся Джим.

– И когда же?

– Буду через десять минут.

– Отлично, – сказала жена и, помолчав, добавила: – Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. До встречи.

– До встречи.

Он положил трубку, и взгляд упал на пустую кобуру, висящую на вешалке для шляп. Кобура Карла. Придется начать подыскивать замену. И искать замену Питу и Джадсону,

которые подали заявления с просьбой об уходе. Впрочем, оба согласились подождать, пока он не найдет новых людей. Пит, насколько он знал, собирался устраиваться на почту. О планах Джадсона ему ничего известно не было.

Джим встал, натянул шляпу и вышел из кабинета. За пультом дежурного сидела Рита.

– Принимай на себя все мои звонки, ладно? – улыбнулся он. – До конца дня не вернусь.

– Инспектор Джоунс снимет с вас шкуру, – усмехнулась Рита. – Она и так на вас зуб точит.

– Да и черт с ней, – отмахнулся Джим. Помахав рукой на прощание, он вышел на крыльцо. Воздух был теплым и свежим. Джим сел в машину и поехал домой.

2

Гордон с Мариной сидели рядом на диване и смотрели старый фильм с Фредом Астором по новому телевизору, который они купили в кредит в Фениксе. Их прежний телевизор разбился. Пошла реклама, они посмотрели друг на друга и поцеловались.

Она хорошеет, подумал Гордон. Может, расхожая фраза о том, что от будущих матерей исходит какое-то особое сияние, действительно имеет под собой основания... Он взял ее за руку. Пальцы почувствовали шрам на ладони.

Они так и не обсудили между собой прошедшие события. Это было табу, хотя Гордон не мог понять почему. Они даже не договаривались не обсуждать это, просто не упоминали о них, хотя и съездили в Феникс, чтобы сделать дополнительные анализы.

Все анализы оказались нормальными.

Гордон опустил взгляд на слегка округлившийся животик жены. Интересно, кем же станет их дочь, когда вырастет?

Снова начался фильм, и Гордон повернулся лицом к телевизору. Теперь они могли позволить себе телевизор. Теперь они могли позволить себе ребенка. После смерти Брэда право на торговлю пепси перешло к Конни, но Конни абсолютно не разбиралась в проблемах организации поставок и предпочла нанять Гордона в качестве менеджера или бригадира – они еще не определились с официальным названием должности – и вдвое увеличить оклад. Марина еще несколько месяцев может поработать в школе, но остальную часть года ученикам ее придется мириться с постоянными заменами.

Сам Гордон еще не окончательно отошел от прошедших событий. У него осталось много вопросов, но ответов на них, судя по всему, ему уже не получить никогда. Несколько раз он беседовал с шерифом, но Джим, похоже, пребывал в таком же недоумении, что и он.

Бог знает, куда делся брат Элиас.

Может, из-за этого он начал писать роман. В романе легче свести концы с концами, всему найти объяснения, логически связать разрозненные детали. В романе у всего происходящего есть свои причины.

На самом деле он очень собой гордился. Он начал роман всего неделю назад, и уже написал сорок страниц. Сорок добротных страниц. Никогда еще ему не писалось так хорошо и быстро, и он надеялся, что книга найдет своего издателя.

Это будет роман ужасов.

Фред Астор плясал перед стволами пушек на борту военного корабля. Гордон положил голову Марине на колени. Ему было хорошо. Он знал, что Марина еще испытывает проблемы, он видел, что большую часть времени она находится в подавленном состоянии и очень беспокоится за ребенка, но все это понятно. Оба собирались сходить к врачу, но он верил, что им удастся преодолеть все трудности. Он прижал ухо к животу Марины. Ему даже показалось, что различает биение второго сердечка.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Гордон, подняв голову.

– Я чувствую себя хорошо, – улыбнулась Марина.

– Хорошо? Просто хорошо?

– Ну ладно, – Марина улыбнулась шире. – Очень хорошо.

Он поцеловал ее в живот. Она взъерошила ему волосы. Он поцеловал ее снова и обнял за талию.

– Хочешь, я тебя еще поцелую?

Марина склонилась над ним, изображая невинность.

– Куда? В лоб?

– Ниже.

– В губы?

– Еще ниже!

Она рассмеялась и шлепнула его по макушке. Гордон сел, посмотрел на жену, потом – на экран телевизора.

– Скучное кино.

– А мне нравится. Хочу узнать, чем дело кончится.

– Фред подцепит девочку, и они будут жить долго и счастливо.

– Девочку?

– Ну хорошо, женщину.

Марина сделала вид, что размышляет, но через секунду встала и выключила телевизор.

– Пойдем.

Она взяла его за руку, и они отправились в спальню.

3

Проповедник стоял на обочине шоссе Черного Каньона, подняв вверх большой палец и улыбаясь. У ног его стоял дорожный чемодан, на нем – фотоальбом и стопка брошюр. Библию в черном переплете он держал под мышкой. Несмотря на очень теплый день, он был в строгом сером костюме с жилетом и при галстук.

Он продолжал улыбаться, бесконечно спокойный; взгляд черных глаз следил за приближающимися машинами.

Несколько легковых и грузовиков промчались мимо, пока наконец коричневый "бьюик лесэйб", идущий на запад, в сторону Лос-Анджелеса, не остановился, чтобы подвезти его.